О ДИСКУССИИ

Беседа с корреспондентом Роста
9 января 1924 г.

Только предстоящая через неделю Всесоюзная партийная конференция подведёт окончательные итоги широко развернувшейся в РКП(б) и её прессе дискуссии. Уже сейчас на основании имеющихся резолюций парторганизаций, поступающих с мест, несомненно, что позицию Центрального Комитета одобряют более 90% всей массы членов, организованных в РКП(б).

Партия отдаёт себе отчёт в том, что наши враги пытаются воспользоваться развернувшейся дискуссией для того, чтобы распространять всякие вымыслы о мнимом разложении РКП(б), ослаблении Советской власти и т. д. Подобная оценка нашей дискуссии, по меньшей мере, смешна. В действительности, неоднократно возникавшие в нашей партии дискуссии неизменно приводили в итоге к изживанию разногласий. Партия всегда выходила из этих дискуссий ещё более сплочённой и укреплённой. Настоящей дискуссией выявилась чрезвычайно высокая политическая зрелость рабочих масс, являющихся носителями государственной власти в СССР. Должен заявить — и всякий, знакомый с содержанием дискуссии, может в этом убедиться, — что по всем основным политическим и экономическим вопросам в подавляющем большинстве партии господствует

полное единство мнений. Основы нашей внешней и внутренней политики остаются незыблемыми.

Сущность спора, которая с большой страстностью дискутируется на всех без исключения собраниях партийных организаций, заключается в следующем:

1) Должна ли наша партия быть единым самодеятельным организмом с единой волей или же, наоборот, следует допустить образование отдельных фракций и группировок, как договаривающихся сторон внутри партии?

2) Оправдала ли себя в основном так называемая новая экономическая политика или она нуждается в пересмотре?

Центральный Комитет думает вместе с подавляющим большинством партии, что партия должна быть единой, что нэп не нуждается в пересмотре. Немногочисленная оппозиционная группа, имеющая в своём составе пару известных имён, придерживается другой точки зрения, чем вся партия в целом.

Путём исчерпывающей и притом совершенно открытой дискуссии партия старается выяснить все детали этого вопроса. Партийная конференция вынесет своё авторитетное решение по этому вопросу, обязательное для всех членов партии.

Я убеждён, — закончил товарищ Сталин, — что в результате дискуссии партия будет более сильной и единой, чем когда бы то ни было, и сможет ещё лучше справиться с задачей руководства жизнью громадной страны в условиях начавшегося быстрого хозяйственного и культурного подъёма.

Газета «Заря Востока» № 473,
10 января 1924 г.

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)[1]

16—18 января 1924 г.

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924

1. ДОКЛАД ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

17 января

Товарищи! Обычно наши ораторы на дискуссионных собраниях начинают с истории вопроса: как возник вопрос о внутрипартийной демократии, кто первый сказал А, кто после вымолвил Б и пр. Я думаю, этот метод не пригоден для нас, потому что он вносит элемент склоки и взаимных обвинений и ничего путного не даёт. Я думаю, что будет гораздо лучше, если мы начнём с вопроса о том, как встретила партия резолюцию Политбюро о демократии [2], подтверждённую потом пленумом ЦК.

Я должен установить, что эта резолюция, кажется, единственная во всей истории нашей партии, которая, после ожесточённой дискуссии по вопросу о демократии, нашла полное — я бы сказал: буквально единодушное — одобрение всей партии. Даже оппозиционные организации и ячейки, которые вообще настроены были против большинства партии и против ЦК, даже они, при всём желании придраться к чему-либо, не нашли повода и основания придраться, и обычно в своих резолюциях эти организации и ячейки, признавая правильность основных положений резолюции Политбюро

о внутрипартийной демократии, старались чем-либо отличиться от других организаций, прибавив к ней некий хвостик, скажем, такой: да, всё у вас хорошо, но не обижайте Троцкого; или еще так: всё у вас правильно, но маленечко опоздали, хорошо бы раньше всё это сделать. Я не поднимаю здесь вопроса о том, кто кого обижает. Я думаю, что если хорошенько разобраться, то может оказаться, что известное изречение о Тит Титыче довольно близко подходит к Троцкому: «Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь». (Смех.) Но я сказал, что в этот вопрос я вдаваться не буду. Я даже допускаю, что на самом деле Троцкого кое-кто обижает. Но разве в этом вопрос? Что ж тут принципиального в вопросе об обиде? Ведь, речь-то идёт о принципиальной стороне резолюции, а не о том, кто кого обидел. Этим я хочу сказать, что даже резко и грубо оппозиционные ячейки и организации, даже они не решались что-либо принципиально возразить против резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК. Я это устанавливаю, как факт для того, чтобы отметить ещё раз, что трудно найти во всей истории нашей партии другой подобный факт, когда бы резолюция, прошедшая сквозь огонь и воду ожесточённой дискуссии, имела не только у большинства, но и буквально во всей партии такое единодушное одобрение.

Из этого я делаю два вывода. Первый вывод о том, что, стало быть, резолюция Политбюро и ЦКК вполне отвечает потребностям и запросам партии в данный момент. И второй вывод о том, что, стало быть, партия выйдет из этой дискуссии по вопросу о внутрипартийной демократии окрепшей и более сплочённой. Это вывод, так сказать, не в бровь, а в глаз тем заграничным

нашим недоброжелателям, которые давно потирают руки в связи с нашей дискуссией, думая, что партия наша ослабнет в результате дискуссии, а власть разложится.

Я не буду распространяться о сущности внутрипартийной демократии. Основы этой демократии изложены в резолюции, резолюция продискутирована вдоль и поперёк всей партией, — зачем же мне тут ещё повторяться? Скажу лишь одно, что демократии развёрнутой, полной демократии, очевидно, не будет. Очевидно, эта демократия будет демократией в рамках, очерченных X, XI и XII съездами. В чём состоят эти рамки — вам хорошо известно, и я здесь повторяться не буду. Не буду также распространяться о том, что основная гарантия того, чтобы внутрипартийная демократия вошла в плоть и кровь нашей партии, — это усилить активность и сознательность партийных масс. Об этом также довольно подробно сказано в нашей резолюции.

Я перехожу к вопросу о том, как у нас некоторые товарищи и некоторые организации фетишизируют вопрос о демократии, рассматривая его как нечто абсолютное, вне времени и пространства. Я этим хочу сказать, что демократия не есть нечто данное для всех времён и условий, ибо бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить её. Для того, чтобы она, эта внутрипартийная демократия, стала возможной, нужны два условия или две группы условий, внутренних и внешних, без которых всуе говорить о демократии.

Необходимо, во-первых, чтобы индустрия развивалась, чтобы материальное положение рабочего класса не ухудшалось, чтобы рабочий класс рос количественно, чтобы культурность рабочего класса поднималась,

и чтобы рабочий класс рос также качественно. Необходимо, чтобы партия, как авангард рабочего класса, также росла, прежде всего, качественно, и прежде всего за счёт пролетарских элементов страны. Эти условия внутреннего характера абсолютно необходимы для того, чтобы можно было поставить вопрос о действительном, а не о бумажном проведении внутрипартийной демократии.

Но одних этих условий недостаточно. Я уже говорил, что есть еще вторая группа условий, условий внешнего характера, без наличия которых демократия внутри партии невозможна. Я имею в виду известные международные условия, более или менее обеспечивающие мир, мирное развитие, без чего демократия в партии немыслима. Иначе говоря, если на нас нападут и нам придётся защищать страну с оружием в руках, то о демократии не может быть и речи, ибо придётся её свернуть. Партия мобилизуется, мы её, должно быть, милитаризуем, и вопрос о внутрипартийной демократии отпадёт сам собой.

Вот почему я думаю, что демократия должна рассматриваться в зависимости от условий, что фетишизма в вопросах внутрипартийной демократии быть не должно, ибо проведение внутрипартийной демократии, как видите, зависит от конкретных условий времени и места в каждый данный момент.

Чтобы не было далее лишних увлечений и необоснованных обвинений, я должен также напомнить о тех препятствиях, которые стоят перед партией в деле проведения демократии, — препятствиях, мешающих проведению демократии даже при наличии очерченных выше двух основных благоприятных условий, внутренних

и внешних. Товарищи, эти препятствия существуют, они глубоко влияют на нашу партийную работу, и я не имею права умалчивать о них. В чём состоят эти препятствия?

Эти препятствия, товарищи, состоят, во-первых. в том, что в головах одной части наших работников живут еще пережитки старого военного периода, когда у нас партия была милитаризована, — пережитки, которые порождают некоторые немарксистские взгляды, что партия наша является якобы не самодеятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью, а чем-то вроде системы учреждений, низших, средних и высших. Этот абсолютно немарксистский взгляд, правда, законченного вида нигде еще не получил, законченно нигде не высказывался, но элементы этого взгляда живут в головах одной части наших работников, несущих партийные обязанности, и они мешают им последовательно провести внутрипартийную демократию. Вот почему борьба с такими взглядами, борьба с пережитками военного периода как в центре, так и на местах является очередной задачей партии.

Вторым препятствием, стоящим на пути проведения демократии в партии, является наличие давления бюрократического государственного аппарата на аппарат партийный, на наших партийных работников. Давление этого громоздкого аппарата на наших партийных работников не всегда заметно и не всегда бьёт в глаза, но оно ни на одну секунду не прекращается. Это давление громоздкого государственного бюрократического аппарата, в конце концов, сказывается в том, что целый ряд наших работников и в центре,

и на местах, нередко помимо своей воли и совершенно бессознательно, отклоняется от внутрипартийной демократии, от той линии, в правоту которой они верят, но которую они нередко не в силах провести до конца. Вы можете себе представить имеющий не менее миллиона служащих бюрократический государственный аппарат, состоящий из элементов, большей частью чуждых партии, и наш партийный аппарат, имеющий не больше 20—30 тысяч человек, призванных подчинить партии государственный аппарат, призванных социализировать его. Чего сто̀ит наш государственный аппарат без поддержки партии? Без помощи, без поддержки нашего партийного аппарата он мало чего, к сожалению, сто̀ит. И вот каждый раз, когда наш партийный аппарат вдвигает свои щупальцы во все отрасли государственного управления, ему приходится нередко свою партийную работу в этих органах равнять по линии государственных аппаратов. Конкретно: партия должна вести работу по политическому просвещению рабочего класса, по углублению сознания рабочего класса, а в это время требуется собрать продналог, провести такую-то кампанию, ибо без кампании, без помощи со стороны партии, госаппараты не в силах выполнить своё задание. И здесь наши работники попадают между двух огней, между необходимостью исправления линии работы госаппаратов, действующих по-старинке, и необходимостью сохранить связи с рабочими. И они часто сами здесь бюрократизируются.

Таково второе препятствие, которое преодолеть трудно, но которое нужно преодолеть во что бы то ни стало для того, чтобы облегчить проведение внутрипартийной демократии.

Наконец, существует еще третье препятствие, стоящее на пути осуществления демократии, — это низкий культурный уровень целого ряда наших организаций, наших ячеек, особенно на окраинах (не в обиду им будь сказано), мешающий нашим парторганизациям провести внутрипартийную демократию до конца. Вы знаете, что демократия требует некоторого минимума культурности членов ячейки и организации в целом и наличия некоторого минимума активных работников, которых можно выбирать и ставить на посты. А если такого минимума активных работников не имеется в организации, если культурный уровень самой организации низок, — как быть? Естественно, что здесь приходится отступать от демократии, прибегать к назначению должностных лиц и пр.

Таковы препятствия, которые перед нами стояли, которые будут ещё стоять, и которые мы должны преодолеть, чтобы честно и до конца провести внутрипартийную демократию.

Я напомнил вам об этих препятствиях, стоящих перед нами, и о тех внешних и внутренних условиях, без которых демократия превращается в пустую демагогическую фразу, потому что некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна, и что проведению её мешает якобы лишь «злая» воля «аппаратчиков». Вот против этого идеалистического взгляда, взгляда не нашего, не марксистского, не ленинского, напомнил я вам, товарищи, об условиях проведения демократии и о препятствиях, стоящих в данный момент перед нами.

Я бы мог, товарищи, на этом закончить свой доклад, но я считаю, что мы обязаны подвести итоги дискуссии и сделать из этих итогов некоторые выводы, могущие иметь для нас серьёзное значение. Я бы мог разделить всю нашу борьбу по линии дискуссии, по вопросу о демократии, на три периода.

Первый период, когда оппозиция напала на ЦК и обвиняла его в том, что за последние два года, за период нэпа вообще, вся линия ЦК была якобы неправильной. Это был период до опубликования резолюции Политбюро и Президиума ЦКК. Я не буду касаться здесь того, кто был тут прав, и кто неправ. Нападки были жестокие и не всегда, как вы знаете, обоснованные. Но одно ясно, что период этот можно характеризовать, как период наибольших нападок на ЦК со стороны оппозиции.

Второй период начался с момента, когда резолюция Политбюро и ЦКК была опубликована, когда оппозиция была поставлена в необходимость противопоставить резолюции ЦК что-либо цельное, конкретное, и когда у оппозиции не оказалось ничего ни цельного, ни конкретного. Это был период наибольшего сближения между ЦК и оппозицией. Дело, повидимому, кончалось, или могло кончиться, тем, что произойдёт некоторое примирение оппозиции с линией ЦК. Помню хорошо, как в Москве, в центре дискуссионной борьбы, кажется, 12 декабря на заседании в Колонном зале Преображенский внёс резолюцию, которую почему-то отвергли, но которая мало чем отличалась от резолюции ЦК. В основе эта резолюция, даже в некоторых второстепенных пунктах, совершенно не расходилась с резолюцией ЦК. И тогда мне казалось, что, собственно,

не о чем драться дальше: есть резолюция ЦК, она всех удовлетворяет, по крайней мере, на девять десятых, сама оппозиция, видимо, это чувствует, идёт навстречу, и мы, может быть, на этом покончим с разногласиями. Это был второй, примиренческий период.

Но затем наступил третий период. Этот период открылся выступлением Троцкого, его обращением к районам, выступлением, которое мигом ликвидировало примиренческие тенденции и перевернуло всё вверх дном. За этим выступлением Троцкого начался период жесточайшей внутрипартийной борьбы, — борьбы, которая не имела бы места, если бы Троцкий не выступил со своим письмом на другой день после того, как он голосовал за резолюцию Политбюро. Вам известно, что за первым выступлением Троцкого последовало второе, за вторым третье, и борьба в связи с этим еще больше обострилась.

Я думаю, товарищи, что в этих выступлениях Троцкий допустил по крайней мере шесть серьёзных ошибок. Эти ошибки привели к обострению внутрипартийной борьбы. Я перехожу к анализу этих ошибок.

Первая ошибка Троцкого выразилась в самом факте выступления со статьёй на другой день после опубликования резолюции Политбюро ЦК и ЦКК, со статьёй, которую нельзя иначе расценивать, как платформу, противопоставленную резолюции ЦК. Я повторяю и подчёркиваю, что это была статья, которую нельзя рассматривать иначе, как новую платформу, противопоставленную резолюции ЦК, принятой единогласно. Подумайте только, товарищи: такого-то числа собирается Политбюро и Президиум ЦКК и ставится вопрос о резолюции о внутрипартийной демократии,

резолюция принимается единогласно, и всего только через день после этого, независимо от ЦК, помимо воли ЦК, через голову ЦК, рассылается районам статья Троцкого, — новая платформа, ставящая заново вопрос об аппарате и партии, о кадрах и молодёжи, о фракциях и единстве партии и пр. и пр., — платформа, которую вся оппозиция подхватывает и противопоставляет резолюции ЦК. Это нельзя рассматривать иначе, как противопоставление себя Центральному Комитету. Это — открытое и резкое противопоставление себя со стороны Троцкого всему ЦК. Перед партией встал вопрос: есть ли у нас ЦК, как руководящий орган, или нет его больше, существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, для которого законы не писаны, который может себе позволить сегодня голосовать за резолюцию ЦК, а завтра публиковать и выставлять новую платформу против этой резолюции? Товарищи, нельзя требовать от рабочих подчинения партдисциплине, если один из членов ЦК открыто, на глазах у всех игнорирует Центральный Комитет и его единогласно принятое решение. Нельзя проводить две дисциплины: одну для рабочих, а другую — для вельмож. Дисциплина должна быть одна.

Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями, дав тем самым повод известной части партии повести работу в сторону подрыва доверия к этому ЦК.

Некоторые товарищи выражали недовольство, что этот антипартийный акт Троцкого был отмечен в

некоторых статьях «Правды» и отдельных членов ЦК. Товарищи, я должен сказать в ответ этим товарищам, что никакая партия не может уважать такой ЦК, который в такой трудный момент не проявит способности отстоять достоинство партии, когда один член ЦК пытается стать выше всего ЦК. ЦК убил бы себя морально, если бы он прошёл мимо этой попытки Троцкого.

Вторая ошибка, допущенная Троцким, состоит в том, что за весь период дискуссии Троцкий вёл себя двусмысленно, грубо игнорируя волю партии, желающей узнать его действительную позицию, и дипломатически увёртываясь от вопроса, в упор поставленного целым рядом организаций: за кого же, в конце концов, стоит Троцкий, — за ЦК или за оппозицию? Дискуссия ведётся не для увёрток, а для того, чтобы прямо и честно выложить всю правду перед партией, так, как умеет это делать Ильич, так, как это обязан сделать каждый большевик. Говорят, что Троцкий серьёзно болен. Допустим, что он серьёзно болен. Но за время своей болезни он написал три статьи и четыре новые главы сегодня вышедшей его брошюры. Разве не ясно, что Троцкий имеет полную возможность написать в удовлетворение запрашивающих его организаций две строчки о том, что он — **за** оппозицию или **против** оппозиции? Нужно ли доказывать, что это игнорирование воли ряда организаций не могло не обострить внутрипартийную борьбу.

Третья ошибка, допущенная Троцким, состоит в том, что он в своих выступлениях партийный аппарат противопоставил партии, дав лозунг борьбы с «аппаратчиками». Большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату. Из чего

состоит наш партийный аппарат реально? Аппарат партии — это ЦК, областные комитеты, губернские комитеты, уездные комитеты. Подчинены ли они партии? Конечно, подчинены, ибо они на 90% выбираются партией. Неправы те, которые говорят, что губкомы назначались. Неправы. Вы знаете, товарищи, что губкомы выбираются у нас, так же, как и укомы, как и ЦК. Они подчинены партии. Но после того как они избраны, они должны руководить работой, — вот в чём дело. Мыслима ли партийная работа без того, чтобы, после того как избран съездом ЦК, после того как избран губком губернской конференцией, чтобы ЦК и губкомы не руководили работой? Ведь без этого у нас партийная работа немыслима. Ведь это какой-то бесшабашный анархо-меньшевистский взгляд, отрицающий самый принцип руководства партийной работой. Я боюсь, что Троцкий, которого я, конечно, не думаю поставить на одну доску с меньшевиками, таким противопоставлением партийного аппарата партии даёт толчок некоторым неискушённым элементам нашей партии встать на точку зрения анархо-меньшевистской расхлябанности и организационной распущенности. Я боюсь, что эта ошибка Троцкого поставит под удар неискушённых членов партии — весь наш партийный аппарат, — аппарат, без которого партия немыслима.

Четвёртая ошибка, допущенная Троцким, состоит в том, что он противопоставил молодёжь кадрам нашей партии, что он бросил голословное обвинение в перерождении наших кадров. Троцкий поставил нашу партию на одну доску с партией социал-демократов в Германии, сослался на примеры о том, как некоторые ученики Маркса, старые социал-демократы, перерождались, и

он сделал из этого вывод, что перед такой же опасностью перерождения стоят наши партийные кадры. Следовало бы, собственно, посмеяться над тем, как один из членов ЦК, вчера еще боровшийся с большевизмом рука об руку с оппортунистами и меньшевиками, как он теперь, на седьмом году существования Советской власти, пытается хотя бы и в предположительной форме утверждать, что кадры нашей партии, родившиеся, выросшие и окрепшие в борьбе с меньшевизмом и оппортунизмом, что будто бы эти кадры стоят перед перерождением. Следовало бы, повторяю, над такой попыткой посмеяться. Но так как это утверждение высказано не в обычное время, а во время дискуссии, и так как мы здесь имеем дело с некоторым противопоставлением кадров, могущих переродиться, молодёжи, которая свободна якобы от такой опасности или почти свободна, то это предположение, по существу своему смешное и несерьёзное, может приобрести и уже приобрело известное практическое значение. Вот почему я думаю, что мы на этом вопросе должны остановиться.

Говорят иногда, что стариков надо уважать, так как они дольше жили, чем молодые, больше знают и лучше укажут. Я, товарищи, должен сказать, что этот взгляд совершенно неправилен. Не всякого старика надо уважать, и не всякий опыт нам важен. Какой опыт — в этом всё дело. В германской социал-демократии имеются свои кадры, очень опытные: Шейдеман, Носке, Вельс и др., кадры в высшей степени опытные, съевшие собаку на борьбе... Но на борьбе с чем? На борьбе с кем? Какой опыт — в этом всё дело. Там кадры выросли в борьбе с революционностью, в борьбе не за диктатуру пролетариата, а против диктатуры

пролетариата. Это громадный опыт, но этот опыт есть опыт отрицательный. Громить этот опыт, товарищи, разрушать его и изгонять таких стариков молодёжь обязана. Там, в германской социал-демократии, где молодёжь свободна от опыта борьбы с революционностью, там эта молодёжь ближе к революционности или ближе к марксизму, чем старые кадры, которые обременены опытом борьбы с революционным духом пролетариата, которые обременены опытом борьбы за оппортунизм против революционизма. Этакие кадры громить надо, и все наши симпатии должны быть на стороне той молодёжи, которая, повторяю, свободна от этого опыта по борьбе с революционностью и которая ввиду этого тем легче усваивает новые приёмы и новые методы борьбы за диктатуру пролетариата против оппортунизма. Там, в Германии, эта постановка вопроса мне понятна. Если бы Троцкий говорил о социал-демократии Германии и о кадрах такой партии, я бы двумя руками подписался под его заявлением. Но у нас ведь идёт дело о другой партии — о партии коммунистической, о партии большевиков, кадры которой родились в борьбе с оппортунизмом, которые окрепли в борьбе с оппортунизмом, которые выросли, взяли власть в борьбе с империализмом, в борьбе со всякими оппортунистическими прихвостнями империализма. Разве не ясно, что мы имеем тут дело с принципиальной разницей? Как можно ставить на одну доску кадры, выросшие в борьбе за революционность, кадры, проведшие борьбу за революционность, кадры, пришедшие к власти в боях с империализмом, кадры, потрясающие основы мирового империализма, как можно эти кадры, если говорить по совести, не кривя душой, — как

можно эти кадры ставить на одну доску с такими кадрами, как германская социал-демократия, которая якшалась раньше с Вильгельмом против рабочего класса и якшается теперь с Сектом, которая окрепла и сложилась в боях с революционным духом пролетариата, — как можно эти принципиально разнородные кадры ставить на одну доску, как можно их спутывать? Разве трудно понять, что пропасть между этими кадрами непроходимая? Разве трудно понять, что эта грубая передержка, это грубое смешение, допущенные Троцким, рассчитаны на подрыв авторитета наших революционных кадров, ядра нашей партии? Разве не ясно, что эта передержка могла лишь разжечь страсти и обострить внутрипартийную борьбу?

Пятая ошибка, допущенная Троцким, состоит в том, что он в своих письмах дал повод и дал лозунг равняться по учащейся молодёжи, по этому «вернейшему барометру нашей партии». «Молодёжь — вернейший барометр партии, резче всего реагирует на партийный бюрократизм», — говорит он в своей первой статье. И чтобы не было сомнений, о какой молодёжи идёт речь, Троцкий во втором письме добавляет: «Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодёжь». Если исходить из этого положения, абсолютно неправильного, теоретически неверного, практически вредного, то надо итти дальше, дав лозунг: «Побольше учащейся молодёжи в нашей партии, шире двери для учащейся молодёжи в нашей партии».

До сих пор дело обстояло так, что мы ориентировались на пролетарский сектор нашей партии и говорили: шире двери партии для пролетарских элементов, да растёт наша партия за счёт пролетарской части.

Теперь у Троцкого эта формула переворачивается вверх ногами.

Вопрос об интеллигенции и о рабочих в нашей партии для нас не нов. Он стоял еще на II съезде нашей партии, когда речь шла о формулировке первого параграфа устава о членстве партии. Известно, что Мартов требовал тогда расширения рамок партии для непролетарских элементов, вопреки тов. Ленину, требовавшему решительного ограничения доступа в партию непролетарских элементов. В дальнейшем, на III съезде нашей партии этот вопрос встаёт вновь с новой силой. Я помню, как там тов. Ленин резко поставил вопрос о рабочих и интеллигентах в нашей партии. Вот что говорил тогда тов. Ленин:

«Указывали на то, что во главе расколов стояли обыкновенно интеллигенты. Это указание очень важно, но оно не решает вопроса... Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих» (см. т. VII, стр. 282).

Так стоял вопрос еще в 1905 году. С тех пор это указание тов. Ленина служило для нас руководящей идеей в деле партийного строительства. А теперь Троцкий предлагает нам, по сути дела, порвать с организационной линией большевизма.

И, наконец, шестая ошибка Троцкого, выразившаяся в провозглашении им свободы группировок. Да, свободы группировок! Я помню, как еще в подкомиссии, вырабатывавшей проект резолюции о демократии,

спорили мы с Троцким о группировках и фракциях. Троцкий, не возражая против запрещения фракций, решительно отстаивал идею допущения группировок внутри партии. На этой же позиции стоит оппозиция. Эти люди, видимо, не понимают, что допущением свободы группировок они открывают щель для мясниковских элементов, облегчая им возможность обманывать партию и выдавать фракцию за группировку. Ибо какая разница между группировкой и фракцией? Только внешняя. Вот как определяет тов. Ленин фракционность, подводя её под группировку:

«Еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т. е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину» (см. Стенографический отчёт X съезда РКП(б), стр. 309).

Как видите, по существу тут нет разницы между фракцией и группой. Когда здесь, в Москве, оппозиция создала особое бюро, во главе с Серебряковым, и когда она рассылала своих ораторов, обязуя их выступать на таких-то собраниях, возражать так-то, и когда оппозиционеры в ходе борьбы вынуждены были отступать и меняли свои резолюции по команде, тут была, конечно, и группировка, и групповая дисциплина. Это, говорят, не фракция, но что такое тогда фракция, — пусть объяснит Преображенский. Выступления Троцкого, его письма, его статьи по вопросу о поколениях и фракциях толкают партию на то, чтобы партия терпела в своих недрах группировки. Это есть попытка легализовать фракции и, прежде всего, фракцию Троцкого.

Троцкий утверждает, что группировки возникают благодаря бюрократическому режиму Центрального Комитета, что если бы у нас не было бюрократического режима, не было бы и группировок. Это немарксистский подход, товарищи. Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства — от зародышевых форм социализма до средневековья. Это во-первых. Затем мы имеем нэп, т. е. допустили капитализм, возрождение частного капитала и возрождение соответствующих идей, которые проникают в партию. Это во-вторых. И, в-третьих, потому, что партия у нас трёхсоставная: есть рабочие, есть крестьяне, есть интеллигенты в партии. Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из партии известные элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическими мерами обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать идейным путём.

Не в режиме тут дело. Если бы у нас был максимально свободный режим, то группировок было бы гораздо больше. Так что не режим виноват, а виноваты условия, в рамках которых мы живём, условия, которые имеем в нашей стране, условия развития самой партии.

Если при таком положении, при такой сложности да еще допустить группировки, мы загубим партию, превратим её из монолитной, сплочённой организации в союз групп и фракций, между собой договаривающихся и устраивающих временные объединения и соглашения. Это будет не партия, это будет развал партии. Никогда, ни на одну минуту большевики не мыслили

партию иначе, как монолитной организацией, высеченной из одного куска, имеющей одну волю и объединяющей в своей работе все оттенки мысли в одном потоке практических действий.

А то, что предлагает Троцкий, глубоко ошибочно, идёт вразрез с большевистскими организационными принципами и поведёт к неизбежному разложению партии, к разрыхлению её, к размягчению её, к превращению единой партии в федерацию групп. Нам, в нашей обстановке капиталистического окружения, нужна даже не только единая, не только сколоченная, но настоящая стальная партия, способная выдержать натиск врагов пролетариата, способная повести рабочих на решительный бой.

Каковы итоги?

Первый итог состоит в том, что мы дали конкретную определённую резолюцию по итогам этой дискуссии, что мы сказали: терпеть группировок и фракций мы не можем, партия должна быть единой, монолитной, нельзя противопоставлять партию аппарату, нельзя болтать об опасности перерождения кадров, ибо эти кадры революционны, нельзя искать щелей между этими революционными кадрами и молодёжью, которая идёт нога в ногу с этими кадрами и пойдёт в будущем нога в ногу.

Мы имеем также некоторые положительные выводы. Первый и основной вывод состоит в том, чтобы впредь партия решительно ориентировалась и равнялась по пролетарскому сектору нашей партии, чтобы зажать, сузить вход для непролетарских элементов или закрыть его вовсе, шире открыв двери для пролетарских элементов.

Что касается группировок и фракций, я думаю, что пришло время, когда мы должны предать гласности тот пункт резолюции об единстве, который, по предложению тов. Ленина, был принят X съездом нашей партии и который не подлежал оглашению. Члены партии забыли об этом пункте. Боюсь, что не все помнят. Этот пункт, остававшийся до сих пор в секрете, должен стать явным и найти место в той резолюции, которую мы примем по вопросу об итогах дискуссии. Если вы позволите, я прочитаю. Он гласит:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд даёт ЦК полномочия применять в случае (—ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК — перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам ЦК и членам Контрольной Комиссии) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно».

Я думаю, что мы этот пункт должны внести в резолюцию об итогах дискуссии и сделать его открытым.

Наконец, один вопрос, который всё время задаётся оппозицией и на который они не всегда, видимо, получают удовлетворительный ответ. Чьи, дескать, настроения мы, оппозиция, выражаем? — часто спрашивают они. Я думаю, что оппозиция выражает настроения непролетарского сектора нашей партии. Я думаю, что

оппозиция, сама, быть может, того не сознавая, помимо своей воли, является невольным проводником настроений непролетарского элемента нашей партии. Я думаю, что оппозиция в своей безудержной агитации за демократию, которую она часто абсолютизирует и фетишизирует, развязывает мелкобуржуазную стихию.

Знакомы ли вы с настроениями таких товарищей, как учащиеся Мартынов, Казарьян и пр.? Читали ли вы фельетон Ходоровского в «Правде», где он передал цитаты из речей этих товарищей? Вот, например, речь Мартынова (он, оказывается, член партии): «наше дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать». Речь идёт здесь об ячейке вуза при НКПС. Но, товарищи, у нас всего ячеек в партии не менее 50 тысяч; ежели каждая ячейка будет так обращаться с ЦК, что дело ячеек решать, а дело ЦК не рассуждать, я боюсь, что мы никакого решения не получим никогда. Откуда это настроение у Мартыновых? Что тут пролетарского? А Мартыновы стоят за оппозицию, — имейте это в виду. Есть ли разница между Мартыновым и Троцким? Разница лишь в том, что Троцкий открыл атаку на партийный аппарат, а Мартынов его добивает.

А вот вам другой вузист, Казарьян, тоже, оказывается, член партии. «Что у нас, — спрашивает он, — диктатура пролетариата или диктатура компартии над пролетариатом?». Это говорит, товарищи, не меньшевик Мартов, а «коммунист» Казарьян. Разница между Троцким и Казарьяном в том, что, по Троцкому, кадры перерождаются, а по Казарьяну, нужно прогнать кадры, ибо они сидят, по его мнению, на шее у пролетариата.

Я спрашиваю: чьи настроения выражают Мартыновы и Казарьяны? Пролетарские? Конечно, нет. Чьи же? Настроения непролетарских элементов партии и страны. Случайно ли то, что эти выразители непролетарских настроений голосуют за оппозицию? Нет, не случайно. (Аплодисменты.)

2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

18 января

Я уже в докладе говорил, что не хотел бы касаться истории вопроса, не хотел бы потому, что это вносит элементы склоки, как я выразился, и взаимных обвинений. Но раз этого хочет Преображенский, раз он этого требует, то я готов пойти на уступки и сказать два слова об истории вопроса о внутрипартийной демократии.

Как возник вопрос о внутрипартийной демократии в ЦК? Возник он впервые на пленуме ЦК в сентябре месяце, возник в связи с теми конфликтами, которые разыгрались на предприятиях, и в связи с той оторванностью от масс некоторых партийных и профессиональных организаций, которую мы тогда вскрыли. ЦК пришёл тогда к мысли, что дело это серьёзное, что в партии накопились недочёты, что необходимо создать специальную авторитетную комиссию, которая разобралась бы в этом деле, изучила бы факты и внесла конкретные предложения об улучшении партийного положения. То же самое нужно сказать в отношении вопроса о кризисе сбыта, о «ножницах». И постановка вопросов, и выборы комиссии о внутрипартийном

положении и о «ножницах» прошли без всякого участия оппозиции. Где была тогда оппозиция? Если не ошибаюсь, Преображенский был тогда в Крыму, Сапронов — в Кисловодске, Троцкий заканчивал в Кисловодске свои статьи об искусстве и собирался в Москву. Еще до их приезда ЦК поставил этот вопрос у себя на заседании. Они, придя на готовое, ни единым словом не вмешивались, ни единого возражения не выставили против плана ЦК. По вопросу о партийном положении был прочтён в сентябре доклад тов. Дзержинского на совещании секретарей губкомов. Я утверждаю, что ни на пленуме в сентябре, ни на совещании секретарей нынешние члены оппозиции не дали ни одного слова намёка о «жестоком хозяйственном кризисе» или о «кризисе в партии» и о «демократии».

Как видите, вопросы о демократии и «ножницах» были поставлены самим Центральным Комитетом, инициатива находилась целиком в руках ЦК, а члены оппозиции молчали, ибо находились в нетях.

Это, так сказать, первый акт, первая стадия истории вопроса.

Второй акт начался с пленума ЦК и ЦКК в октябре. Оппозиция, во главе с Троцким, видя, что дело запахло наличием недочётов внутри партии, что ЦК уже взялся за это дело, создал комиссии и, — не дай бог, инициатива останется в руках ЦК, — попыталась, задалась целью вырвать у ЦК инициативу и сесть на конька демократии, ибо конёк этот, как известно, прыток, и можно попробовать объехать на нём ЦК. На этой основе возникли те документы, о которых здесь Преображенский распространялся — документ 46-ти [3] и письмо Троцкого. Тот же самый Троцкий, который

в сентябре, за несколько дней перед своим фракционным выступлением, молчал на пленуме и, во всяком случае, не возражал против решений ЦК, через две недели после этого вдруг открыл, что страна и партия гибнут, и что он, Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может.

Нам было несколько смешно слышать речи о демократии из уст Троцкого, того самого Троцкого, который на X съезде партии требовал **перетряхивания** профсоюзов **сверху**. Но мы знали, что между Троцким периода X съезда и Троцким наших дней нет разницы большой, ибо как тогда, так и теперь он стоит за перетряхивание ленинских кадров. Разница лишь в том, что на X съезде он перетряхивал ленинские кадры сверху в **области профсоюзов**, а теперь перетряхивает он те же ленинские кадры снизу в **области партии**. Демократия нужна, как конёк, как стратегический манёвр. В этом вся музыка.

Ибо если бы оппозиция действительно хотела помочь делу, по-деловому, по-товарищески подойти к делу, она должна была со своим заявлением войти, прежде всего, в комиссии сентябрьского пленума и сказать примерно: «Мы считаем, что ваша работа неудовлетворительна, мы требуем доложить Политбюро о результатах ваших работ, созвать пленум ЦК, которому мы имеем сообщить наши новые предложения» и т. д. И если бы комиссии их не выслушали, или если бы Политбюро не выслушало, если бы оно игнорировало мнение оппозиции или отказалось созвать пленум для рассмотрения предложений Троцкого и вообще оппозиции, тогда оппозиция имела бы, — и только тогда, — полное право выступить открыто через голову ЦК с

обращением к членам партии и сказать партии: «Страна стоит перед гибелью, хозяйственный кризис развёртывается, партия гибнет, мы предлагали комиссиям ЦК рассмотреть эти вопросы, — они отказались выслушать нас, мы пробовали войти в Политбюро, — ничего из этого не вышло, мы вынуждены теперь апеллировать к партии для того, чтобы партия сама взялась за дело». Я не сомневаюсь, что партия в ответ на это сказала бы: «Да, это революционеры дела, ибо сущность дела ставят они выше его формы».

Но разве оппозиция так поступила? Разве она попыталась хоть разок заглянуть в комиссии ЦК со своими предложениями? Разве она подумала, разве она попыталась поставить и исчерпать вопросы в рамках ЦК или его органов? Нет, такой попытки оппозиция не сделала. Очевидно, у оппозиции речь шла не о том, чтобы улучшить внутрипартийное положение, чтобы помочь партии улучшить хозяйственное положение, а о том, чтобы предупредить работу комиссии и пленума ЦК, вырвать у ЦК инициативу, сесть на конька демократии и, пока не поздно, поднять шум для того, чтобы попытаться подорвать доверие к ЦК. Оппозиция, видимо, торопилась создать «документы» против ЦК в виде письма Троцкого и заявления 46-ти для того, чтобы можно было отнести их к свердловцам, в районы и сказать, что они, оппозиция, — за демократию, за улучшение хозяйства, а ЦК мешает, что нужна помощь против ЦК и пр.

Таковы факты.

Я требую, чтобы Преображенский опроверг эти мои утверждения. Я требую, чтобы он опроверг их хотя бы в печати. Пусть Преображенский опровергнет тот факт,

что были созданы комиссии в сентябре пленумом ЦК без оппозиции, до выступлений оппозиции. Пусть Преображенский опровергнет тот факт, что ни Троцкий, ни прочие оппозиционеры не попытались войти в эти комиссии со своими предложениями. Пусть опровергнет Преображенский тот факт, что оппозиция знала о существовании этих комиссий, что она игнорировала их работу, что она не попыталась исчерпать дело в рамках ЦК.

Вот почему, когда Преображенский и Троцкий в октябре на пленуме заявили, что они хотят спасти партию через демократию, а ЦК слеп и ничего не видит, ЦК посмеялся над ними и сказал: нет, товарищи, мы, ЦК, всецело за демократию, но в вашу демократию мы не верим, ибо считаем, что ваша «демократия» является стратегическим ходом против ЦК, продиктованным вашей фракционностью.

Что же постановили тогда пленумы ЦК и ЦКК по вопросу о внутрипартийной демократии? А вот что:

«Пленумы одобряют полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии.

Пленумы поручают Политбюро сделать всё необходимое для ускорения работ комиссий, назначенных Политбюро и сентябрьским пленумом: 1) комиссии о «ножницах», 2) о заработной плате, 3) о внутрипартийном положении.

Политбюро должно по разработке необходимых мер по этим вопросам начать немедленно проводить их в жизнь и сделать об этом доклад на следующем пленуме ЦК».

Троцкий в одном из своих писем в ЦК пишет, что октябрьский пленум был «высшим выражением аппаратно-бюрократического курса». Разве не ясно, что

это заявление Троцкого является клеветой на ЦК? Только человек, потерявший голову и ослеплённый фракционностью, может говорить после оглашённого документа, что октябрьский пленум был высшим выражением бюрократизма.

А что решили тогда пленумы ЦК и ЦКК о «демократических» манёврах Троцкого и 46-ти? А вот что:

«Пленумы ЦК и ЦКК с представителями 10 парторганизаций признают выступление Троцкого в переживаемый международной революцией и партией ответственнейший момент глубокой политической ошибкой, в особенности потому, что нападение Троцкого, направленное на Политбюро, объективно приняло характер фракционного выступления, грозящего нанести удар единству партии и создающего кризис партии. Пленумы с сожалением констатируют, что Троцкий для постановки затронутых им вопросов выбрал путь обращения к отдельным членам партии вместо единственно допустимого пути — предварительной постановки этих вопросов на обсуждение коллегий, членом которых состоит Троцкий.

Путь, избранный Троцким, послужил сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти).

Пленумы ЦК и ЦКК и представители 10 парторганизаций решительно осуждают заявление 46-ти, как шаг фракционно-раскольничьей политики, принявшей такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление. Заявление это грозит поставить всю жизнь партии на ближайшие месяцы под знак внутрипартийной борьбы и тем ослабить партию в момент, наиболее ответственный для судеб международной революции».

Как видите, товарищи, изложенные выше факты решительно опровергают ту картину положения, которую изображал здесь Преображенский.

Третьим актом или третьей стадией истории вопроса является период после октябрьского пленума. Октябрьский пленум постановил предложить Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить дружную

работу. Я должен заявить, товарищи, что за период после октября мы приняли все меры к тому, чтобы дружная работа с Троцким была налажена, хотя должен сказать, что дело это далеко не из лёгких. Мы имели два частных совещания с Троцким, перебрали все вопросы хозяйственного и партийного порядка, причём пришли к известным мнениям, не вызвавшим никаких разногласий. Продолжением этих частных совещаний и этих попыток наладить дружную работу внутри Политбюро было, о чём я уже докладывал вчера, создание подкомиссии из трёх. Подкомиссия эта и выработала проект резолюции, ставший впоследствии резолюцией ЦК и ЦКК о демократии.

Так было дело.

Нам казалось, что после того, как резолюция принята единогласно, нет больше оснований для споров, нет оснований для внутрипартийной борьбы. Да так оно и было на деле до нового выступления Троцкого с его обращением к районам. Но выступление Троцкого на другой день после опубликования резолюции ЦК, проведённое независимо от ЦК и через голову ЦК, расстроило всё дело, изменило положение радикальным образом и отбросило партию назад, к новым спорам, к новой борьбе, более острой, чем раньше. Говорят, что ЦК должен был запретить печатание статьи Троцкого. Это неверно, товарищи. Это было бы со стороны ЦК опаснейшим шагом. Попробуйте-ка запретить статью Троцкого, уже оглашённую в районах Москвы! ЦК не мог пойти на такой опрометчивый шаг.

Такова история вопроса.

Из сказанного следует, что у оппозиции шло дело не столько о демократии, сколько о том, чтобы идею

демократии использовать для расшатывания ЦК, что мы в лице оппозиции имеем дело не с людьми, желающими помочь партии, а с фракцией, которая подкарауливала ЦК: «авось, дескать, ошибётся, прозевает, а мы его стукнем». Это и есть фракция, когда одна группа членов партии поджидает центральные учреждения партии у переулочка, чтобы сыграть либо на неурожае, либо на падении червонца, либо на других затруднениях партии для того, чтобы выскочить потом из-за угла, из засады и стукнуть партию по голове. Да, прав был ЦК в октябре, сказав вам, тт. оппозиционеры, что одно дело — демократия, а другое дело — подсиживание партии, одно дело — демократия, а другое дело — использование шумихи о демократии против большинства партии.

Такова, Преображенский, история вопроса, о которой я не хотел здесь говорить, но о которой я всё же вынужден был рассказать, уступая вашему настойчивому желанию.

Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников. Конечно, нам ли, ученикам тов. Ленина, не понимать, что тов. Ленин гениальнейший из гениальных, и что такие люди рождаются только столетиями. Но позвольте спросить вас, Преображенский, почему вы с этим гениальнейшим человеком разошлись по вопросу о Брестском мире? Почему вы этого гениальнейшего человека покинули в трудную минуту и не послушались его? Где, в каком лагере вы тогда обретались?

А Сапронов, который фальшиво, фарисейски расхваливает теперь тов. Ленина, тот самый Сапронов, который имел нахальство на одном из съездов обозвать тов. Ленина «невеждой» и «олигархом»! Почему он не поддержал гениального Ленина, скажем, на X съезде, почему он в трудные минуты неизменно оказывался в противоположном лагере, если он в самом деле думает, что тов. Ленин является гениальным из гениальных? Знает ли Сапронов, что тов. Ленин, внося на X съезд резолюцию об единстве, требующую исключения фракционеров из партии, имел в виду, между прочим, и Сапронова?

Или ещё: почему Преображенский не только в период Брестского мира, но и впоследствии, в период профдискуссии, оказался в лагере противников гениальнейшего Ленина? Случайно ли всё это? Нет ли тут некоторой закономерности? (Преображенский: «Своим умом пытался работать».)

Это очень похвально, Преображенский, что вы своим умом хотели работать. Но глядите, что получается: по брестскому вопросу работали вы своим умом и промахнулись; потом при дискуссии о профсоюзах опять пытались своим умом работать и опять промахнулись; теперь я не знаю, своим ли умом вы работаете или чужим, но ведь опять промахнулись будто. (Смех.) Я всё же думаю, что если бы Преображенский работал теперь своим умом больше, чем умом Троцкого, — умом, нашедшим своё выражение в его письме от 8 октября, то он был бы ближе к нам, чем к Троцкому.

Преображенский упрекал ЦК, говоря, что, пока Ильич был у нас во главе, вопросы решались своевременно и без запаздываний, ибо Ильич умел брать

в зародыше новые события и давать лозунги, предупреждавшие события, а теперь, мол, после Ильича, ЦК стал отставать от событий. Что хочет сказать этим Преображенский? Что Ильич выше своих учеников? Но разве кто-либо сомневается в этом? Разве есть у кого-либо сомнение, что Ильич в сравнении со своими учениками выглядит Голиафом? Если речь идёт о вожде партии, не о газетном вожде с кучей приветствий, а о настоящем вожде, то вождь у нас один — тов. Ленин. Именно поэтому говорилось у нас не раз, что при настоящих условиях временного отсутствия тов. Ленина — нужно держать курс на коллегию. Что же касается учеников тов. Ленина, можно было бы указать, например, на события, связанные с ультиматумом Керзона [4] и явившие собой образец испытания, экзамена для них. Тот факт, что мы вышли тогда из затруднений без ущерба для дела, с несомненностью говорит о том, что ученики тов. Ленина уже научились кое-чему у своего учителя.

Неправ Преображенский, утверждая, что наша партия не отставала от событий в прежние годы. Неправ, так как утверждение это фактически неверно и теоретически неправильно. Можно сослаться на ряд примеров. Возьмём хотя бы Брестский мир. Разве мы не опоздали с Брестом? Разве не понадобились такие факты, как наступление немцев и повальное бегство наших солдат, для того, чтобы мы поняли, наконец, необходимость мира? Развал фронта, наступление Гофмана [5], его подход к Питеру, давление крестьян на нас, — разве все эти факты не понадобились для того, чтобы мы поняли, что темп международной революции не так быстр, как мы этого хотели, что наша армия

не так крепка, как мы думали, и что крестьянство не так терпеливо, как некоторые из нас думали, что оно хочет мира, и что оно возьмёт мир силой?

Или возьмём пример с отменой продразвёрстки. Разве мы не опоздали с отменой продразвёрстки? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов [6], для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно? Разве сам Ильич не признал, что мы на этом фронте потерпели более серьёзное поражение, чем любое поражение на фронтах Деникина и Колчака?

Случаен ли тот факт, что во всех этих случаях партия отставала от событий, несколько запаздывала? Нет, не случаен. Мы имели здесь дело с закономерностью. Очевидно, что, поскольку дело идёт здесь не об общих теоретических предвидениях, а о непосредственном практическом руководстве, правящая партия, стоящая у руля и вовлечённая в события дня, не имеет возможности сразу заметить и уловить процессы, творящиеся в глубинах жизни, и нужен толчок со стороны и известная степень развития новых процессов для того, чтобы партия заметила эти процессы и ориентировалась на них. Именно поэтому несколько отставала в прошлом наша партия от событий и будет отставать в будущем. И дело тут вовсе не в отставании, а в том, чтобы понять смысл событий, смысл новых процессов и потом умело ими управлять в соответствии с общей тенденцией развития. Так именно обстоит дело, если смотреть на вещи глазами марксиста, а не глазами фракционера, ищущего везде виновников.

Преображенский возмущается, что представители ЦК говорят об уклонах Троцкого от ленинизма. Он

возмущается, но ничего по существу не возразил и вообще не попытался обосновать своё возмущение, забыв, что возмущение не есть аргумент. Да, верно, что Троцкий уклоняется от ленинизма в вопросах организационных. Мы это утверждали и продолжаем утверждать. Известные статьи в «Правде» под названием «Долой фракционность», принадлежащие перу Бухарина, посвящены целиком вопросу об уклонах Троцкого от ленинизма. Почему Преображенский не выставил возражений по существу против основных мыслей этих статей? Почему Преображенский не попытался подкрепить своё возмущение доводами или подобием доводов? Я вчера говорил и должен повторить сегодня, что такие шаги Троцкого, как противопоставление себя Центральному Комитету, игнорирование воли ряда организаций, требующих ясного ответа от Троцкого, противопоставление партии аппарату партии, противопоставление молодёжи кадрам партии, ориентирование партии на учащуюся молодёжь и провозглашение свободы группировок, — что такие шаги несовместимы с организационными принципами ленинизма. Почему же Преображенский не попытался опровергнуть это моё утверждение?

Говорят о травле Троцкого. Говорили об этом Преображенский, Радек. Товарищи, я должен заявить, что заявления этих товарищей о травле совершенно не соответствуют действительности. Я напомню вам о двух фактах для того, чтобы вы имели возможность судить. Первый факт — это инцидент, разыгравшийся на сентябрьском пленуме ЦК, когда Троцкий в ответ на заявление члена ЦК Комарова о том, что члены ЦК не могут отказываться от исполнения решений ЦК, сорвался

и покинул заседание пленума. Вы помните, что пленум ЦК направил тогда к Троцкому «делегацию» с просьбой вернуться на заседание пленума. Вы помните, что Троцкий отказался исполнить просьбу пленума, проявив тем самым отсутствие минимальной дозы уважения к своему ЦК.

Или ещё история с другим фактом, состоящим в том, что Троцкий решительно отказывается работать в центральных советских органах, в СТО и в Совнаркоме, несмотря на дважды принятое ЦК решение о том, чтобы Троцкий приступил, наконец, к работе в советских органах. Вы знаете, что Троцкий не попытался ударить палец о палец для того, чтобы выполнить постановление ЦК. Почему бы, в самом деле, не работать Троцкому в СТО, в Совнаркоме? Почему бы Троцкому, который любит так много говорить о плане, почему бы ему не заглянуть разок в наш Госплан? Можно ли считать нормальным положение, когда член ЦК игнорирует решение ЦК? Не говорят ли все эти факты о том, что разговоры о травле являются пустой сплетней, что если уж винить кого-либо, то нужно винить самого Троцкого, поведение которого нельзя рассматривать иначе, как издёвку над ЦК?

Совершенно неправильны рассуждения Преображенского о демократии. Преображенский ставит вопрос так: либо у нас есть группировки, и тогда есть демократия, либо вы запрещаете группировки, и тогда нет демократии. Свобода группировок и демократия у него неразрывно связаны между собой. Мы не так понимаем демократию. Мы демократию понимаем, как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в

дело не только обсуждения вопросов, но и руководства работой. Свобода группировок, т. е. свобода фракций, — это одно и то же, — является злом, грозящим расщепить партию и превратить её в дискуссионный клуб. Вы себя разоблачили, Преображенский, ибо вы отстаиваете свободу фракций. Партийная масса понимает демократию, как создание условий, обеспечивающих активное участие членов партии в деле руководства нашей страной, а пара интеллигентов из оппозиции понимает дело так, чтобы дали ей возможность создать фракцию. Вы себя разоблачили, Преображенский.

И откуда это у вас такой испуг относительно седьмого пункта об единстве партии, чего тут пугаться? Седьмой пункт говорит: «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности»... Но разве вы против «строгой дисциплины внутри партии и в советской работе», тт. оппозиционеры, разве вы против всего этого? Вот уж не знал, товарищи, что вы против этого. А разве вы, Сапронов и Преображенский, против того, чтобы добиться максимального единства и «устранения фракционности»? Скажите прямо, — мы внесём, может быть, поправочки. (С м е х.)

Дальше: «Съезд даёт ЦК полномочия применять в случае нарушения партдисциплины или возрождения фракционности меры партийных взысканий»... Неужели вы и этого боитесь? Неужели вы думаете, Преображенский, Радек, Сапронов, нарушать партдисциплину, возродить фракционность? Ну, а если вы этого не думаете, так чего же бояться? Вы себя

разоблачаете, товарищи, паникой, которая охватила вас. Очевидно, раз вы боитесь седьмого пункта резолюции об единстве, вы — за фракционность, за нарушение дисциплины, против единства. А если вы не против всего этого, то зачем же вам в панику впадать? Если у вас совесть чиста, если вы за единство против фракционности и против нарушения дисциплины, то разве не ясно, что карающая рука партии не коснётся вас? Чего же бояться? (Голос с места: «А зачем вы вносите, если не страшно?».)

А мы вам напоминаем. (Смех, аплодисменты. Преображенский: «Вы партию пугаете».)

Мы пугаем фракционеров, а не партию. Неужели вы думаете, Преображенский, что партия и фракционеры одно и то же? Видимо, тут на воре шапка горит. (Смех.)

Дальше: «А по отношению к членам ЦК — перевод в кандидаты и даже, как крайняя мера, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам ЦКК такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК».

Что тут страшного? Если вы не фракционеры, если вы против свободы группировок, если вы за единство, то вы, тт. оппозиционеры, должны голосовать за седьмой пункт резолюции X съезда, ибо он направлен исключительно против фракционеров, исключительно против нарушителей единства партии, её мощи, её дисциплины. Разве это не ясно?

Перехожу к Радеку. Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это — люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это — люди

необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит Радек. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиниться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, когда и что сболтнёт язык. Если бы вы имели возможность послушать речи Радека на различных собраниях, вы поразились бы сегодняшним его выступлением. На одном из дискуссионных собраний Радек утверждал, что вопрос о внутрипартийной демократии — пустяковый вопрос, что он, Радек, собственно говоря, против демократии, что дело идёт теперь, в сущности, не о демократии, а о том, что думает делать ЦК с Троцким. На другом дискуссионном собрании тот же Радек заявил, что демократия внутри партии — дело не серьёзное, а вот демократия внутри ЦК — самое важное дело, ибо в ЦК, по его мнению, создалась директория. А сегодня тот же Радек с открытым лбом заявляет, что внутрипартийная демократия так же необходима, как воздух и вода, ибо без демократии нет, оказывается, возможности управлять партией. Кому из этих трёх Радеков прикажете верить — первому, второму или третьему? Где гарантия, что Радек, или его язык, не сделает в ближайшем будущем новых неожиданных заявлений, опровергающих все предыдущие заявления? Можно ли полагаться на такого человека, как Радек? Можно ли после этого придавать цену заявлению Радека, например, об отстранении Богуславского и Антонова от известных должностей по «фракционным соображениям»?

Насчёт Богуславского я уже говорил, товарищи... Что касается Антонова-Овсеенко, позвольте сообщить вам следующее. Антонов снят с ПУРа по решению

Оргбюро ЦК, утверждённому пленумом ЦК. Он снят прежде всего за то, что разослал циркуляр о конференции ячеек военных вузов и воздухофлота с порядком дня: по международному положению, по партстроительству и пр., без ведома и согласования с ЦК, хотя Антонов знал, что ПУР работает на правах отдела ЦК. Он снят с ПУРа, кроме того, за то, что разослал всем военным ячейкам циркуляр о формах применения внутрипартийной демократии вопреки воле ЦК и несмотря на предупреждение ЦК о согласовании этого циркуляра с планами ЦК. Он снят, наконец, за то, что прислал в ЦК и ЦКК совершенно неприличное по тону и абсолютно недопустимое по содержанию письмо с угрозой по адресу ЦК и ЦКК призвать к порядку «зарвавшихся вождей».

Товарищи! Можно и нужно допускать оппозиционеров на посты. Можно и нужно допускать критику работы ЦК со стороны заведующих отделами ЦК. Но нельзя допускать того, чтобы заведующий ПУРом, действующим на правах отдела ЦК, систематически отказывался установить деловой контакт со своим ЦК, нельзя допускать того, чтобы ответственный работник мог попирать элементарные правила приличия. Нельзя такому товарищу вверять воспитание Красной Армии. Вот как обстоит дело с Антоновым.

Наконец, я должен сказать несколько слов по вопросу о том, чьи же настроения выражают в своих выступлениях товарищи из оппозиции. Я должен вернуться к «случаю» с товарищами Казарьяном и Мартыновым из курсов НКПС. «Случай» этот говорит о том, что у одной части вузистов не всё обстоит благополучно, что партийное у них там внутри успело уже сгнить,

что внутренне они уже порвали с партией, и именно поэтому с удовольствием голосуют они за оппозицию. Я извиняюсь, товарищи, но таких людей, прогнивших насквозь в партийном отношении, нет и не может быть в числе тех, которые голосовали за резолюцию ЦК. У нас таких нет, товарищи. У нас, в наших рядах нет людей, которые сказали бы: «А что у нас — диктатура пролетариата или диктатура компартии над пролетариатом?». Это — фраза Мартова и Дана. Это — фраза «Дней» [7] эсеров, и если у вас, в ваших рядах, имеются такие защитники, чего же стоит ваша позиция, товарищи из оппозиции? Или, например, другой товарищ, товарищ Мартынов, который думает, что ЦК должен помалкивать, а ячейки решают. Вы, ЦК, можете, дескать, исполнять то, что мы, ячейки, решили. Но у нас 50 тысяч ячеек. Если они будут решать, например, вопрос об ультиматуме Керзона, то мы два года не добьёмся его решения. Это ведь чистой воды анархо-меньшевизм. Если эти люди, потерявшие голову и прогнившие насквозь в партийном отношении, сидят у вас во фракции, то чего же стоит ваша фракция? (Голос: «Они — члены партии?».)

Да, к сожалению, они члены партии, но я готов принять все меры к тому, чтобы такие люди перестали быть членами нашей партии. (Аплодисменты.) Я говорил, что оппозиция выражает настроения и устремления непролетарских элементов в партии и за пределами партии. Оппозиция, сама того не сознавая, развязывает мелкобуржуазную стихию. Фракционная работа оппозиции — вода на мельницу врагов нашей партии, на мельницу тех, которые хотят ослабить, свергнуть диктатуру про-

летариата. Я это сказал вчера, и я это подтверждаю сегодня.

Но, может быть, вы хотели бы выслушать других, новых свидетелей? Что ж, я могу доставить вам это удовольствие, сославшись, например, на показания известного вам Ст. Ивановича. Кто такой Ст. Иванович? Он — меньшевик, бывший член партии, когда мы вместе с меньшевиками составляли одну партию. Разошедшись потом с ЦК меньшевиков, он стал правым меньшевиком. Правые меньшевики — это группа меньшевиков-интервенционистов, очередная задача которых состоит в том, чтобы свергнуть Советскую власть, хотя бы при помощи иностранных штыков. Органом их является «Заря» [8]. Редактор этого органа — Ст. Иванович. Как относится к нашей оппозиции этот правый меньшевик, как он аттестует её? Слушайте.

«Будем благодарны оппозиции за то, что она так красочно нарисовала картину ужасающей моральной клоаки, которая именуется РКП. Будем ей благодарны, что она нанесла РКП серьёзный моральный и организационный удар. Будем ей благодарны за то, что её работа облегчает дело всех тех, кто в свержении Советской власти видит задачу социалистических партий».

Это вам аттестат, товарищи из оппозиции.

Заканчивая речь, я хотел бы всё же выразить товарищам из оппозиции пожелание, чтобы этот поцелуй Ст. Ивановича не слишком плотно пристал к ним. (Продолжительные аплодисменты.)

ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Речь на II Всесоюзном съезде Советов[4]
26 января 1924 г.

Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал её, как самую крепкую и самую закалённую в мире рабочую партию. Удары царизма и его

опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооружённые нападения Колчака и Деникина, вооружённое вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утёс, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперёд, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплочённость своих рядов. Единством и сплочённостью добилась она победы над врагами рабочего класса.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетённые и угнетатели, — так строился мир испокон веков, таким он остаётся и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унизительными. Только в нашей стране удалось угнетённым и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и

поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, и теперь весь мир признаёт это, что этой гигантской борьбой руководил товарищ Ленин и его партия. Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетённым массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на земле, а не на небе. Этим он зажёг сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплуатируемых масс.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ И УКРЕПЛЯТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОИХ СИЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена, — она приняла лишь новую форму. Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен против Колчака и Деникина. Теперь союз

рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым. Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как товарищ Ленин.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ ВСЕМИ СИЛАМИ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белоруссы, грузины и азербайджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены, — все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за неё. Вот почему товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная Армия, наш Красный Флот. Ленин

не раз говорил нам, что передышка, отвоёванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение её состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии [10], лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянёмся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!

Громадным утёсом стоит наша страна, окружённая океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на неё, грозя затопить и размыть. А утёс всё держится непоколебимо. В чём её сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что её защищает могучая рука Красной Армии и Красного Флота. Сила нашей страны, её крепость, её прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой товарища Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнёта и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят её сохранить, и они не дадут её разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал её как необходимое звено для усиления революционного движения

в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путём можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождём не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. КЛЯНЁМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА — КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

«Правда» № 23,
30 января 1924 г.

О ЛЕНИНЕ

Речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 г.

Товарищи! Мне сказали, что у вас тут устроен вечер воспоминаний о Ленине, а я приглашён на вечер в качестве одного из докладчиков. Я полагаю, что нет необходимости представить связный доклад о деятельности Ленина. Я думаю, что было бы лучше ограничиться сообщением ряда фактов, отмечающих некоторые особенности Ленина, как человека и как деятеля. Между этими фактами, может быть, и не будет внутренней связи, но это не может иметь решающего значения для того, чтобы получить общее представление о Ленине. Во всяком случае, я не имею возможности в данном случае дать вам больше того, что обещал выше.

ГОРНЫЙ ОРЁЛ

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за всё время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной

деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры»[11], привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был её фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне всё время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орёл, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперёд партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нём одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо ещё больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе

простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось моё знакомство с Лениным.

СКРОМНОСТЬ

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моём воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным

или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчёркивать своё высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества.

СИЛА ЛОГИКИ

Замечательны были две речи Ленина, произнесённые на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — всё это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует её и потом берёт её в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

БЕЗ ХНЫКАНИЯ

Второй раз встретил я Ленина в 1906 году на Стокгольмском съезде [12] нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побеждённого. Он ни на иоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было поглядеть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском съезде — Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин в своей беспощадной критике меньшевизма не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чём говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

«Не хныкать по случаю поражения» — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему сплачивать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

БЕЗ КИЧЛИВОСТИ

На следующем съезде в 1907 году в Лондоне [13] большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на иоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено». Ему нетрудно было доказать, что меньшевики всё еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умеючи, всячески избегая переоценки своих сил и, особенно, недооценки сил противника.

«Не кичиться победой» — это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство — это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии.

Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, — он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, — как он часто говорил об этом, — что: «принципиальная политика есть единственно правильная политика».

Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909—1911 годов, когда партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая

партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Известно, что в этом споре за партийность Ленин оказался потом победителем.

Второй факт. Период 1914—1917 годов, период разгара империалистической войны, когда все, или почти все, социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамёна перед капиталом, когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гед и другие. Ленин был тогда единственным, или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гедов и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных «революционеров». Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика есть единственно правильная политика.

Известно, что и в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика» — это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоёвывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата.

ВЕРА В МАССЫ

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушённым в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут «поломать много лишнего», желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс, — такова основа этого рода аристократизма.

Ленин представлял полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Помнится, как во время одной беседы, в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь

Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять её движение в русло пролетарской революции.

ГЕНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин был рождён для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчётливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

Отсюда «поразительная» **ясность** тактических лозунгов и «головокружительная» **смелость** революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат,

подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия подготовляли военную диктатуру в интересах «войны до конца»; когда всё так называемое «общественное мнение», все так называемые «социалистические партии» стояли против большевиков, третируя их «немецкими шпионами»; когда Керенский пытался загнать в подполье — и отчасти уже успел загнать — партию большевиков; когда всё еще могучие и дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западноевропейские «социалисты» благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах «войны до полной победы»...

Что значило поднять восстание в такой момент? Поднять восстание в такой обстановке — это значило поставить всё на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнёт измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всём мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть

переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчинённая так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шёл на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдём на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шёл ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдёт даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения.

«Правда» № 34,
12 февраля 1924 г.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В КОМСОМОЛЕ

Речь на совещании по вопросам работы среди молодёжи при ЦК РКП(б) [14]

3 апреля 1924 г.

Я, прежде всего, должен сказать кое-что о той позиции, которую ЦК молодёжи занял в вопросе о партийной дискуссии. Ошибкой было то, что ЦК РКСМ продолжал упорно молчать после того, как места уже высказались. Но было бы неправильно объяснять молчание ЦК союза нейтральностью. Просто переосторожничали.

Теперь кое-что о прениях. Я считаю, что принципиальных разногласий у вас нет. Я изучал ваши тезисы и статьи и всё же не нашёл принципиальных разногласий. Но зато есть путаница и куча надуманных «непримиримых» противоречий.

Первое противоречие — это противопоставление союза как «резерва» союзу как «инструменту» партии. Что такое союз — резерв или инструмент? И то и другое. Это ясно, да и в речах самих товарищей это было сказано. Коммунистический союз молодёжи — резерв, резерв из крестьян и рабочих, откуда черпаются партией пополнения. Но он вместе с тем и инструмент, инструмент в руках партии, подчиняющий своему влиянию массы молодёжи. Можно было бы более конкретно сказать, что союз есть инструмент партии, подсобное

орудие партии в том смысле, что активный состав комсомола есть инструмент партии для воздействия на молодёжь, находящуюся вне союза. Эти понятия друг другу не противоречат, и они не могут быть противопоставлены одно другому.

Второе якобы непримиримое противоречие состоит в том, что, по мнению некоторых товарищей, «классовая политика союза определяется не его составом, а выдержанностью людей, стоящих во главе». Выдержанность противопоставляют составу. Это противоречие тоже надуманное, ибо классовая политика РКСМ определяется и тем и другим — и составом, и выдержанностью верхушки. Если выдержанные люди подвергаются воздействию чуждого по духу состава союза, члены которого пользуются одинаковыми правами, то наличие такого состава не может пройти бесследно для работы и политики союза. Почему партия регулирует свой состав? Потому что она знает, что состав влияет на её работу.

Наконец — ещё одно противоречие, тоже надуманное, касающееся роли союза и его работы среди крестьян. Одни ставят вопрос так, что задача союза состоит будто бы в «закреплении» влияния среди крестьян, но не в его расширении, а другие хотят будто бы «расширять влияние», но закреплять несогласны. На этом хотят построить платформу в дискуссии. Ясно, что противопоставление этих двух задач является искусственным, ибо все хорошо понимают, что союз должен одновременно и закреплять, и расширять своё влияние в деревне. Правда, в одном месте тезисов ЦК РКСМ есть неловкая фраза о работе среди крестьян. Но ни Тарханов, ни другие представители большинства

ЦК РКСМ не настаивают на этой неловкости и согласны её исправить. Стоит ли спорить после этого из-за мелочей?

Но есть одно противоречие в жизни и деятельности Коммунистического союза молодёжи, противоречие действительное, не выдуманное, о котором я хотел бы сказать несколько слов. Я имею в виду наличие двух тенденций в союзе: рабочей и крестьянской. Я имею в виду противоречие между этими тенденциями, которое даёт себя чувствовать и мимо которого нельзя пройти. Вопрос об этом противоречии является самым слабым местом в речах ораторов. Все говорят о том, что необходимо расширяться по линии вовлечения рабочих в союз, но все спотыкаются, когда переходят к крестьянству, к вопросу о привлечении крестьянства. Даже те из ораторов, которые не мудрили и не хитрили, спотыкались на этом вопросе.

Очевидно, перед РКСМ стоят две проблемы: рабочая и крестьянская. Очевидно, что, поскольку комсомол является рабоче-крестьянским союзом, эти две тенденции, эти противоречия в союзе останутся и впредь. Одни будут говорить, что надо вовлекать рабочих, умалчивая о крестьянстве, а другие будут говорить, что надо вовлекать крестьян, недооценивая значения пролетарского элемента союза, как элемента руководящего. Это внутреннее противоречие, имеющееся в самой природе союза, и заставляет спотыкаться ораторов. В речах проводили параллель между партией и комсомолом. Но дело в том, что такого параллелизма не существует на деле, ибо партия наша рабочая, а не рабоче-крестьянская, между тем как комсомол является союзом рабоче-крестьянским. Вот почему комсомол не может

быть только рабочим союзом, а должен быть одновременно и рабочим и крестьянским союзом. Одно ясно: при настоящей структуре союза внутренние противоречия и борьба тенденций будут неизбежны и впредь.

Правы те, которые говорят, что середняцкую молодёжь надо вовлекать в партию, но тут надо быть осторожным и нельзя сбиваться на позицию рабоче-крестьянской партии, на которую сворачивают иногда даже некоторые ответственные работники. Многие подняли крик, говоря: «Вы вовлекаете рабочих, почему бы не вовлечь в такой же степени в партию и крестьян? Давайте введём сто или двести тысяч крестьян». ЦК против этого, потому что наша партия должна быть рабочей партией. Процентов 70 или 80 рабочих и процентов 20—25 нерабочих — вот приблизительно каково должно быть соотношение в партии. Несколько иначе, чем в партии, обстоит дело с комсомолом. Коммунистический союз молодёжи является добровольной, свободной организацией революционных элементов рабочей и крестьянской молодёжи. Без крестьян, без массы крестьянской молодёжи он перестанет быть рабоче-крестьянским союзом. Но дело при этом надо поставить так, чтобы руководящая роль оставалась за пролетарским элементом.

Впервые напечатано в книге:
И. Сталин. О комсомоле.
М., 1926

ОБ ОСНОВАХ ЛЕНИНИЗМА[15]

Лекции,
читанные в Свердловском университете

ЛЕНИНСКОМУ ПРИЗЫВУ
ПОСВЯЩАЮ

И. СТАЛИН

Основы ленинизма — тема большая. Для того, чтобы её исчерпать, необходима целая книга. Более того — необходим целый ряд книг. Естественно поэтому, что мои лекции не могут быть исчерпывающим изложением ленинизма. Они могут быть, в лучшем случае, лишь сжатым конспектом основ ленинизма. Тем не менее я считаю полезным изложить этот конспект для того, чтобы дать некоторые основные отправные пункты, необходимые для успешного изучения ленинизма.

Изложить основы ленинизма — это еще не значит изложить основы мировоззрения Ленина. Мировоззрение Ленина и основы ленинизма — не одно и то же по объёму. Ленин — марксист, и основой его мировоззрения является, конечно, марксизм. Но из этого вовсе не следует, что изложение ленинизма должно быть начато с изложения основ марксизма. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внёс Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем. Только в этом смысле я буду говорить в своих лекциях об основах ленинизма.

Итак, что такое ленинизм?

Одни говорят, что ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки. В этом определении есть доля правды, но оно далеко не исчерпывает всей правды. Ленин действительно применил марксизм к российской действительности и применил его мастерски. Но если бы ленинизм являлся только лишь применением марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всём международном развитии, а не только русское. Вот почему я полагаю, что это определение страдает односторонностью.

Другие говорят, что ленинизм есть возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX века в отличие от марксизма последующих годов, когда он стал будто бы умеренным, нереволюционным. Если отвлечься от этого глупого и пошлого подразделения учения Маркса на две части, на революционную и умеренную, нужно признать, что даже в этом совершенно недостаточном и неудовлетворительном определении имеется доля правды. Состоит она, эта доля правды, в том, что Ленин действительно возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала. Но это только доля правды. Вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал ещё шаг вперёд, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Что же такое в конце концов ленинизм?

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развёртывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов.

Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма.

Отмечают, обычно, исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма. Это совершенно правильно. Но эта особенность ленинизма объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что ленинизм вышел из недр пролетарской революции, отпечаток которой он не может не носить на себе; во-вторых, тем, что он вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала, борьба с которым являлась и является необходимым предварительным условием успешной борьбы с капитализмом. Не следует забывать, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма.

I

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЛЕНИНИЗМА

Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции упёрся и перерос в новый период прямого штурма капитализма.

Ленин называл империализм «умирающим капитализмом». Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Наиболее важными из этих противоречий нужно считать три противоречия.

Первое противоречие — это противоречие между трудом и капиталом. Империализм есть всесилие монополистических трестов и синдикатов, банков и финансовой олигархии в промышленных странах. В борьбе с этим всесилием обычные методы рабочего класса — профсоюзы и кооперативы, парламентские партии и парламентская борьба — оказались совершенно недостаточными. Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие — так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции.

Второе противоречие — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Империализм есть вывоз капитала

к источникам сырья, бешеная борьба за монопольное обладание этими источниками, борьба за передел уже поделённого мира, борьба, ведомая с особенным остервенением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем», против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное. Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себя, как неизбежный элемент, империалистические войны, войны за захваты чужих территорий. Это обстоятельство в свою очередь замечательно в том отношении, что оно ведёт к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции.

Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира. Империализм есть самая наглая эксплуатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обширнейших колоний и зависимых стран. Выжимание сверхприбыли — такова цель этой эксплуатации и этого угнетения. Но, эксплуатируя эти страны, империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения — таковы неизбежные результаты этой «политики». Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для

пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции.

Таковы, в общем, главные противоречия империализма, превратившие старый «цветущий» капитализм в капитализм умирающий.

Значение империалистической войны, разыгравшейся десять лет тому назад, состоит, между прочим, в том, что она собрала все эти противоречия в один узел и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив революционные битвы пролетариата.

Иначе говоря, империализм привёл не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Такова международная обстановка, породившая ленинизм.

Всё это хорошо, скажут нам, но при чём тут Россия, которая ведь не была и не могла быть классической страной империализма? При чём тут Ленин, который работал прежде всего в России и для России? Почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции?

Потому, что Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма.

Потому, что Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она была в состоянии ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путём.

Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнёта — и капиталистического, и колониаль-

ного, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведённых в квадрат.

Далее. Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 14-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине, Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистическая война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?

Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма.

Мог ли западный империализм помириться с потерей такой мощной опоры на Востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая, царская, буржуазная Россия, не испытав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в России, на предмет отстаивания и сохранения царизма? Конечно, не мог!

Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую.

Между тем, в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своём распоряжении такого серьёзного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма?

Вот почему Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нетерпимого их характера, и не только потому, что Россия

была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путём.

Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма.

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков.

Вот почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин — его творцом.

С Россией и Лениным «случилось» тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом —

Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия. Германия была чревата тогда, так же как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в «Коммунистическом манифесте», что:

«На Германию коммунисты обращают главное своё внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции»[16].

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство, отмеченное Марксом в приведённой цитате, послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами.

То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, про Россию начала XX столетия. Россия в этот период находилась накануне буржуазной революции, она должна была совершить эту революцию при более прогрессивных условиях в Европе и с более развитым пролетариатом, чем Германия 40-х годов XIX столетия (не говоря уже об Англии и Франции), причём все данные говорили о том, что революция эта должна была послужить бродилом и прологом пролетарской революции.

Нельзя считать случайностью тот факт, что Ленин еще в 1902 году, когда русская революция только

зачиналась, писал в своей брошюре «Что делать?» вещие слова о том, что:

«История поставила теперь перед нами (т. е. русскими марксистами. **И. Ст.**) ближайшую задачу, которая является **наиболее революционной** из всех **ближайших** задач пролетариата какой бы то ни было другой страны»,

что... «осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (см. т. IV, стр. 382).

Иначе говоря, центр революционного движения должен был переместиться в Россию.

Известно, что ход революции в России оправдал это предсказание Ленина с избытком.

Мудрено ли после этого, что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?

Мудрено ли, что вождь российского пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождём международного пролетариата?

II

МЕТОД

Выше я говорил, что между Марксом — Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала. В интересах точности я должен добавить, что речь идёт здесь не о формальном господстве оппортунизма, а лишь о фактическом его господстве. Формально во главе II Интернационала стояли «правоверные» марксисты, «ортодоксы» — Каутский и другие. На деле, однако,

основная работа II Интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы, — «ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в интересах «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой.

Это был период сравнительно мирного развития капитализма, период, так сказать, довоенный, когда катастрофические противоречия империализма не успели еще вскрыться с полной очевидностью, когда экономические стачки рабочих и профсоюзы развивались более или менее «нормально», когда избирательная борьба и парламентские фракции давали «головокружительные» успехи, когда легальные формы борьбы превозносились до небес и легальностью думали «убить» капитализм, — словом, когда партии II Интернационала обрастали жиром и не хотели думать серьёзно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс.

Вместо цельной революционной теории — противоречивые теоретические положения и обрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы. Для виду, конечно, вспоминали о теории Маркса, но для того, чтобы выхолостить из неё живую революционную душу.

Вместо революционной политики — дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимались «революционные» решения и лозунги, но для того, чтобы положить их под сукно.

Вместо воспитания и обучения партии правильной революционной тактике на собственных ошибках — тщательный обход наболевших вопросов, их затушёвывание и замазывание. Для виду, конечно, не прочь были поговорить о больных вопросах, но для того, чтобы кончить дело какой-либо «каучуковой» резолюцией.

Вот какова была физиономия II Интернационала, его метод работы, его арсенал.

Между тем надвигалась новая полоса империалистических войн и революционных схваток пролетариата. Старые методы борьбы оказывались явно недостаточными и бессильными перед всесилием финансового капитала.

Необходимо было пересмотреть всю работу II Интернационала, весь его метод работы, изгнав вон филистерство, узколобие, политиканство, ренегатство, социал-шовинизм, социал-пацифизм. Необходимо было проверить весь арсенал II Интернационала, выкинуть всё заржавленное и ветхое, выковать новые роды оружия. Без такой предварительной работы нечего было и отправляться на войну с капитализмом. Без этого пролетариат рисковал очутиться перед лицом новых революционных схваток недостаточно вооружённым или даже просто безоружным.

Эта честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма.

Вот в какой обстановке родился и выковался метод ленинизма.

К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к **проверке** теоретических догм II Интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне

живой практики, т. е. к восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно пролетарскую партию, вооружённую революционной теорией.

Во-вторых, к **проверке** политики партий II Интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к **перестройке** всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвёртых, к **самокритике** пролетарских партий, к обучению и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитать действительные кадры и действительных лидеров партии.

Таковы основа и сущность метода ленинизма.

Как применялся этот метод на практике?

У оппортунистов II Интернационала существует ряд теоретических догм, от которых они танцуют всегда, как от печки. Возьмём несколько из них.

Догма первая: об условиях взятия власти пролетариатом. Оппортунисты уверяют, что пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране. Доказательств никаких, ибо нет возможности оправдать это нелепое положение ни теоретически, ни практически. Допустим, отвечает Ленин господам из II Интернационала. Ну, а если сложилась такая историческая обстановка (война, аграрный кризис и т. д.), при которой пролетариат,

составляющий меньшинство населения, имеет возможность сплотить вокруг себя громадное большинство трудящихся масс, — почему бы ему не взять власть? Почему бы не использовать пролетариату благоприятную международную и внутреннюю обстановку для того, чтобы прорвать фронт капитала и ускорить общую развязку? Разве Маркс не говорил еще в 50-х годах прошлого столетия, что дело с пролетарской революцией в Германии могло бы обстоять «прекрасно», если бы можно было оказать пролетарской революции поддержку, так сказать, «вторым изданием крестьянской войны» [17]? Разве не известно всем и каждому, что пролетариев в Германии было тогда относительно меньше, чем, например, в России в 1917 году? Разве практика русской пролетарской революции не показала, что эта излюбленная догма героев II Интернационала лишена всякого жизненного значения для пролетариата? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс бьёт и побивает эту обветшалую догму?

Догма вторая: пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных наладить управление страной, — сначала нужно выработать эти кадры в условиях капитализма, а потом брать власть. Допустим, отвечает Ленин. Но почему нельзя повернуть дело так, чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом — двинуться вперёд семимильными шагами для подъёма культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих? Разве российская практика не показала, что кадры

руководителей из рабочих растут при пролетарской власти во сто раз быстрее и основательнее, чем при власти капитала? Разве не ясно, что практика революционной борьбы масс безжалостно побивает и эту теоретическую догму оппортунистов?

Догма третья: метод общей **политической** забастовки неприемлем для пролетариата, ибо он теоретически несостоятелен (см. критику Энгельса), практически опасен (может расстроить обычный ход хозяйственной жизни страны, может опустошить кассы профессиональных союзов), не может заменить парламентских форм борьбы, являющихся главной формой классовой борьбы пролетариата. Хорошо, отвечают ленинцы. Но, во-первых, Энгельс критиковал не любую общую забастовку, а лишь определённый род общей забастовки, всеобщую **экономическую** забастовку анархистов [18], выдвигавшуюся анархистами **взамен** политической борьбы пролетариата, — при чём тут метод общей **политической** забастовки? Во-вторых, кто и где доказал, что парламентская форма борьбы является главной формой борьбы пролетариата? Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, непосредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием? В-третьих, откуда взялся вопрос о замене парламентской борьбы методом общей политической забастовки? Где и когда пытались сторонники общеполитической забастовки заменить парламентские формы борьбы формами борьбы внепарламентскими? В-четвёртых, разве революция

в России не показала, что общая **политическая** забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма, — при чём же тут филистерские сетования о расстройстве обычного хода хозяйственной жизни и о кассах профессиональных союзов? Разве не ясно, что практика революционной борьбы разбивает и эту догму оппортунистов?

И т. д. и т. п.

Вот почему говорил Ленин, что «революционная теория не есть догма», что она «окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» («Детская болезнь» [19]), ибо теория должна служить практике, ибо «теория должна отвечать на вопросы, выдвигаемые практикой» («Друзья народа» [20]), ибо она должна проверяться данными практики.

Что касается политических лозунгов и политических решений партий II Интернационала, то достаточно вспомнить историю с лозунгом «война войне», чтобы понять всю фальшь и всю гнилость политической практики этих партий, прикрывающих своё антиреволюционное дело пышными революционными лозунгами и резолюциями. Всем памятна пышная демонстрация II Интернационала на Базельском конгрессе [21] с угрозой по адресу империалистов всеми ужасами восстания, если империалисты решатся начать войну, и с грозным лозунгом «война войне». Но кто не помнит, что спустя некоторое время, перед самым началом войны, базельская резолюция была положена под сукно, а рабочим был дан новый лозунг — истреблять друг

друга во славу капиталистического отечества? Разве не ясно, что революционные лозунги и резолюции не сто́ят ни гроша, если они не подкрепляются делом? Сто́ит только сопоставить ленинскую политику превращения империалистической войны в войну гражданскую с предательской политикой II Интернационала во время войны, чтобы понять всю пошлость политиканов оппортунизма, всё величие метода ленинизма.

Не могу не привести здесь одно место из книги Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он жестоко бичует оппортунистическую попытку лидера II Интернационала К. Каутского судить о партиях не по их делам, а по их бумажным лозунгам и документам:

«Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая... будто **выставление лозунга** меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы **проверить** их искренность, чтобы со словами сопоставить **дела**, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской **фразой**, а доискиваться **классовой реальности**» (см. т. XXIII, стр. 377).

Я уже не говорю о боязни партий II Интернационала самокритики, об их манере скрывать свои ошибки, затушёвывать больные вопросы, прикрывать свои недочёты фальшивым парадом благополучия, отупляющим живую мысль и тормозящим дело революционного воспитания партии на собственных ошибках, — манере, высмеянной и пригвождённой к позорному столбу Лениным. Вот что писал Ленин о самокритике пролетарских партий в своей брошюре «Детская болезнь»:

«Отношение политической партии к её ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьёзности партии и исполнения ею **на деле** её обязанностей к своему **классу** и к трудящимся **массам**. Открыто признать ошибку, вскрыть её причины, проанализировать обстановку, её породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьёзной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение **класса**, а затем и **массы**» (см. т. XXV, стр. 200).

Иные говорят, что вскрытие своих собственных ошибок и самокритика опасны для партии, ибо они могут быть использованы противником против партии пролетариата. Ленин считал подобные возражения несерьёзными и совершенно неправильными. Вот что говорил он об этом еще в 1904 году в своей брошюре «Шаг вперёд», когда наша партия была еще слабой и незначительной:

«Они (т. е. противники марксистов. **И. Ст.**) злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдёргивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвящённой недостаткам и недочётам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения» (см. т. VI, стр. 161).

Таковы, в общем, характерные черты метода ленинизма.

То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своём критическим и революционным» [22]. Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является

простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики.

III

ТЕОРИЯ

Из этой темы я беру три вопроса:

а) о значении теории для пролетарского движения,

б) о критике «теории» стихийности,

в) о теории пролетарской революции.

1) **О значении теории.** Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нём — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счёт ленинизм довольно будто бы беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчёт теории и особенно философии. Известно также, что многие нынешние практики-ленинцы не очень милуют теорию, особенно ввиду той бездны практической работы, которую вынуждены они нести по обстановке. Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в какой мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела.

Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной

практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что:

«**Без революционной теории не может быть и революционного движения**»* (см. т. IV, стр. 380).

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на её долю, и ввиду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает её. Предугадывая эту особую роль нашей партии еще в 1902 году, он считал нужным уже тогда напомнить, что:

«**Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией**» (см. т. IV, стр. 380).

Едва ли нужно доказывать, что теперь, когда предсказание Ленина о роли нашей партии уже претворилось в жизнь, это положение Ленина приобретает особую силу и особое значение.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьёзнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием»[23]. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм»[24]. Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчёт философии, не решился даже серьёзно приступить к выполнению такой задачи.

2) **Критика «теории» стихийности, или о роли авангарда в движении.** «Теория» стихийности есть теория оппортунизма, теория преклонения перед стихийностью рабочего движения, теория фактического отрицания руководящей роли авангарда рабочего класса, партии рабочего класса.

Теория преклонения перед стихийностью выступает решительно против революционного характера рабочего движения, она против того, чтобы движение направлялось по линии борьбы против основ капитализма, — она за то, чтобы движение шло исключительно по линии «выполнимых», «приемлемых» для капитализма требований, она всецело за «линию наименьшего сопротивления». Теория стихийности есть идеология тред-юнионизма.

Теория преклонения перед стихийностью выступает решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение, — она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали движению итти своим путём, она за то, чтобы партия лишь прислушивалась к стихийному движению и тащилась в хвосте за ним. Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология «хвостизма», логическая основа **всякого** оппортунизма.

Практически эта теория, выступившая на сцену еще до первой революции в России, вела к тому, что её последователи, так называемые «экономисты», отрицали необходимость самостоятельной рабочей партии в России, выступали против революционной борьбы рабочего класса за свержение царизма, проповедывали тред-юнионистскую политику в движении и вообще отдавали рабочее движение под гегемонию либеральной буржуазии.

Борьба старой «Искры» и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать?», не только разбили так называемый «экономизм», но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса.

Без этой борьбы нечего было и думать о создании самостоятельной рабочей партии в России и об её руководящей роли в революции.

Но теория преклонения перед стихийностью не есть только русское явление. Она имеет самое широкое

распространение, правда, в несколько другой форме, во всех без исключения партиях II Интернационала. Я имею в виду опошленную лидерами II Интернационала так называемую теорию «производительных сил», которая всё оправдывает и всех примиряет, которая констатирует факты и объясняет их после того, как они уже надоели всем, и, констатируя, успокаивается на этом. Маркс говорил, что материалистическая теория не может ограничиваться объяснением мира, что она должна еще изменить его [25]. Но Каутскому и К° нет дела до этого, они предпочитают остаться при первой части формулы Маркса.

Вот один из многих примеров применения этой «теории». Говорят, что перед империалистической войной партии II Интернационала грозились объявить «войну войне», если империалисты начнут войну. Говорят, что перед самым началом войны эти партии положили под сукно лозунг «война войне» и провели в жизнь противоположный лозунг о «войне за империалистическое отечество». Говорят, что результатом этой смены лозунгов были миллионы жертв из рабочих. Но было бы ошибочно думать, что здесь имеются виновные, что кто-то изменил рабочему классу или предал его. Ничуть не бывало! Всё произошло так, как оно должно было произойти. Во-первых, потому, что Интернационал есть, оказывается, «инструмент мира», а не войны. Во-вторых, потому, что при том «уровне производительных сил», который имелся в то время, ничего другого нельзя было предпринять. «Виноваты» «производительные силы». Это «нам» в точности объясняет «теория производительных сил» господина Каутского. А кто не верит в эту «теорию», тот не марксист. Роль партий? Их

значение в движении? Но что может поделать партия с таким решающим фактором, как «уровень производительных сил»?..

Таких примеров фальсификации марксизма можно было бы привести целую кучу.

Едва ли нужно доказывать, что этот фальсифицированный «марксизм», призванный прикрыть наготу оппортунизма, является лишь видоизменением на европейский лад той самой теории «хвостизма», с которой воевал Ленин еще до первой русской революции.

Едва ли нужно доказывать, что разрушение этой теоретической фальсификации является предварительным условием создания действительно революционных партий на Западе.

3) **Теория пролетарской революции.** Ленинская теория пролетарской революции исходит из трёх основных положений.

Положение первое. Господство финансового капитала в передовых странах капитализма; эмиссия ценных бумаг, как важнейшая операция финансового капитала; вывоз капитала к источникам сырья, как одна из основ империализма; всесилие финансовой олигархии, как результат господства финансового капитала, — всё это вскрывает грубо паразитический характер монополистического капитализма, делает во сто раз более чувствительным гнёт капиталистических трестов и синдикатов, усиливает рост возмущения рабочего класса против основ капитализма, подводит массы к пролетарской революции, как единственному спасению (см. «Империализм»[26] **Ленина**).

Отсюда первый вывод: обострение революционного кризиса внутри капиталистических стран, нарастание

элементов взрыва на внутреннем, пролетарском фронте в «метрополиях».

Положение второе. Усиленный вывоз капитала в колониальные и зависимые страны; расширение «сфер влияния» и колониальных владений, вплоть до охвата всего земного шара; превращение капитализма во **всемирную систему** финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли, — всё это, с одной стороны, превратило отдельные национальные хозяйства и национальные территории в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, с другой стороны — раскололо население земного шара на два лагеря: на горсть «передовых» капиталистических стран, эксплуатирующих и угнетающих обширные колониальные и зависимые страны, и на громадное большинство колониальных и зависимых стран, вынужденных вести борьбу за освобождение от империалистического гнёта (см. «Империализм»).

Отсюда второй вывод: обострение революционного кризиса в колониальных странах, нарастание элементов возмущения против империализма на внешнем, колониальном фронте.

Положение третье. Монопольное владение «сферами влияния» и колониями; неравномерное развитие капиталистических стран, ведущее к бешеной борьбе за передел мира между странами, уже захватившими территории, и странами, желающими получить свою «долю»; империалистические войны, как единственное средство восстановить нарушенное «равновесие», — всё это ведёт к усилению третьего фронта, фронта междукапиталистического, ослабляющего империализм и

облегчающего объединение двух первых фронтов против империализма, фронта революционно-пролетарского и фронта колониально-освободительного (см. «Империализм»).

Отсюда третий вывод: неотвратимость войн при империализме и неизбежность коалиции пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма.

Все эти выводы объединяются у Ленина в один общий вывод о том, что **«империализм есть канун социалистической революции»** * (см. т. XIX, стр. 71).

Сообразно с этим меняется и самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции, её объёме, её глубине, меняется схема революции вообще.

Раньше к анализу предпосылок пролетарской революции подходили обычно с точки зрения экономического состояния той или иной отдельной страны. Теперь этот подход уже недостаточен. Теперь надо подходить к делу с точки зрения экономического состояния всех или большинства стран, с точки зрения состояния мирового хозяйства, ибо отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, ибо старый «культурный» капитализм перерос в империализм, а империализм есть всемирная система финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли.

---

* Курсив мой. *И. Ст.*

Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах, или точнее — в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, причём наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, **если** система в целом или, вернее, — **так как** система в целом уже созрела для революции.

Раньше принято было говорить о пролетарской революции в той или иной развитой стране, как об отдельной самодовлеющей величине, противопоставленной отдельному, национальному фронту капитала, как своему антиподу. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которой должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран.

Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию, прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране.

Где начнётся революция, где прежде всего может быть прорван фронт капитала, в какой стране?

Там, где больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культурности, где больше демократии, — отвечали обычно раньше.

Нет, — возражает ленинская теория революции, — **не обязательно там, где промышленность больше развита,** и пр. Фронт капитала прорвётся там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом её месте, причём может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма.

В 1917 году цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции. Почему? Потому, что в России развёртывалась величайшая народная революция, во главе которой шёл революционный пролетариат, имевший такого серьёзного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплуатируемое помещиком. Потому, что против революции стоял там такой отвратительный представитель империализма, как царизм, лишённый всякого морального веса и заслуживший общую ненависть населения. В России цепь оказалась слабее, хотя Россия была менее развита в капиталистическом отношении, чем, скажем, Франция или Германия, Англия или Америка.

Где прорвётся цепь в ближайшем будущем? Опять-таки там, где она слабее. Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, — несомненно большой и несомненно серьёзный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный, противник, как чужеземный империализм, лишённый морального кредита и заслуживший общую ненависть угнетённых и эксплуатируемых масс Индии.

Вполне возможно также, что цепь может прорваться в Германии. Почему? Потому, что факторы, действующие, скажем, в Индии, начинают действовать и в Германии, при этом понятно, что громадная разница в уровне развития, существующая между Индией и Германией, не может не наложить своего отпечатка на ход и исход революции в Германии.

Вот почему говорит Ленин, что:

«Западно-европейские капиталистические страны завершат своё развитие к социализму... не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путём эксплуатации одних государств другими, путём эксплуатации первого из побеждённых во время империалистической войны государства, соединённой с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришёл окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. т. XXVII, стр. 415—416).

Короче: цепь империалистического фронта, как правило, должна прорваться там, где звенья цепи слабее, и уж, во всяком случае, не обязательно там, где

капитализм более развит, где пролетариев столько-то процентов, а крестьян столько-то и так дальше.

Вот почему статистические выкладки о процентном исчислении пролетарского состава населения в отдельной стране теряют то исключительное значение при решении вопроса о пролетарской революции, какое им охотно придавали начётчики из II Интернационала, не понявшие империализма и боящиеся революции, как чумы.

Далее. Герои II Интернационала утверждали (и продолжают утверждать), что между буржуазно-демократической революцией, с одной стороны, и пролетарской — с другой, существует пропасть или, во всяком случае, китайская стена, отделяющая одну от другой более или менее длительным интервалом, в течение которого пришедшая к власти буржуазия развивает капитализм, а пролетариат накопляет силы и готовится к «решительной борьбе» против капитализма. Интервал этот исчисляется обычно многими десятками лет, если не больше. Едва ли нужно доказывать, что эта «теория» китайской стены лишена всякого научного смысла в обстановке империализма, что она является, и не может не являться, лишь прикрытием, скрашиванием контрреволюционных вожделений буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что в обстановке империализма, чреватого столкновениями и войнами, в обстановке «кануна социалистической революции», когда капитализм «цветущий» превращается в капитализм «умирающий» (**Ленин**), а революционное движение растёт во всех странах мира, когда империализм соединяется со всеми, без исключения, реакционными силами, вплоть до царизма и крепостничества, делая тем самым необходимым

коалирование всех революционных сил от пролетарского движения на Западе до национально-освободительного движения на Востоке, когда свержение пережитков феодально-крепостнических порядков становится невозможным без революционной борьбы с империализмом, — едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране, должна сближаться при таких условиях с революцией пролетарской, что первая должна перерастать во вторую. История революций в России с очевидностью доказала правильность и неоспоримость этого положения. Недаром Ленин еще в 1905 году, накануне первой русской революции, в своей брошюре «Две тактики» рисовал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот, как два звена одной цепи, как единую и цельную картину размаха русской революции:

«**Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии.** Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции» (см. **Ленин**, т. VIII, стр. 96).

Я уже не говорю о других, более поздних, трудах Ленина, где идея перерастания буржуазной революции в пролетарскую выступает более рельефно, чем в «Двух тактиках», как один из краеугольных камней ленинской теории революции.

Некоторые товарищи, оказывается, полагают, что Ленин пришёл к этой идее лишь в 1916 году, что до этого времени он считал, будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть, стало быть, из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдёт в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать. Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершенно не соответствует действительности.

Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на III съезде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т. е. победу демократической революции, квалифицировал не как «организацию «порядка»», а как «организацию войны» (см. т. VII, стр. 264).

Я мог бы сослаться, далее, на известные статьи Ленина «О временном правительстве» (1905 г.) [27], где он, изображая перспективу развёртывания русской революции, ставит перед партией задачу «добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей», где он, развёртывая дальше эту перспективу и связывая её с революцией в Европе, продолжает:

«А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжёт Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъём Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных

лет сделает **эпоху** нескольких революционных десятилетий...» (см. там же, стр. 191).

Я мог бы сослаться, дальше, на известную статью Ленина, опубликованную в ноябре 1915 года, где он пишет:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель... за участие «непролетарских народных масс» в освобождении **буржуазной** России от **военно-феодального** «империализма» (= царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется **немедленно** * не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» (см. т. XVIII, стр. 318).

Я мог бы сослаться, наконец, на известное место в брошюре Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он, ссылаясь на приведённую выше цитату из «Двух тактик» ** о размахе русской революции, приходит к следующему выводу:

«Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. **Сначала** вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остаётся буржуазной, буржуазно-демократической). **Затем**, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, **против капитализма**, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится **социалистическою**. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, **кроме** степени подготовки пролетариата и

---

* Курсив мой. *И. Ст.*

** См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*

степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» (см. т. XXIII, стр. 391).

Кажется, довольно.

Хорошо, скажут нам, но почему Ленин воевал, в таком случае, с идеей «перманентной (непрерывной) революции»?

Потому, что Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной революции» не понимали серьёзной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата.

Потому, что Ленин предлагал **увенчать** дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманентной» революции думали **начать** дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую «мелочь», как пережитки крепостничества, и не принимают в расчёт такую серьёзную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоевания крестьянства на сторону пролетариата.

Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной

революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата.

Идею «перманентной» революции нельзя рассматривать, как новую идею. Её выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своём «Обращении» к «Союзу коммунистов» (1850 г.). Из этого документа и взята нашими «перманентниками» идея непрерывной революции. Следует заметить, что наши «перманентники», взяв её у Маркса, несколько видоизменили её и, видоизменив, «испортили» её, сделав непригодной для практического употребления. Понадобилась опытная рука Ленина для того, чтобы выправить эту ошибку, взять идею непрерывной революции Маркса в её чистом виде и сделать её одним из краеугольных камней своей теории революции.

Вот что говорит Маркс в своём «Обращении» о непрерывной (перманентной) революции, после того как он перечисляет ряд революционно-демократических требований, к завоеванию которых призывает он коммунистов:

«В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно бо́льшего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев» [28].

Иначе говоря:

а) Маркс вовсе не предлагал **начать** дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти **вопреки** планам наших русских «перманентников»;

б) Маркс предлагал лишь **увенчать** дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем, чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах, — **в полном соответствии** со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма.

Выходит, что наши русские «перманентники» не только недооценили роль крестьянства в русской революции и значение идеи гегемонии пролетариата, но и видоизменили ещё (к худшему) марксову идею «перманентной» революции, сделав её непригодной для практики.

Вот почему Ленин высмеивал теорию наших «перманентников», называя её «оригинальной» и «прекрасной» и обвиняя их в нежелании «подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории» (статья Ленина написана в 1915 г., спустя 10 лет по появлении в России теории «перманентников», — см. т. XVIII, стр. 317).

Вот почему Ленин считал эту теорию полуменьшевистской, говоря, что она «берёт у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства» (см. статью **Ленина** «О двух линиях революции», там же).

Так обстоит дело с идеей Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, об использовании буржуазной революции для «немедленного» перехода к пролетарской революции.

Дальше. Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — всё это ведёт не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством. Необходимо только помнить при этом, что свержение буржуазии может быть с успехом проведено лишь в том случае, если имеются налицо некоторые, совершенно необходимые условия, без наличия которых нечего и думать о взятии власти пролетариатом.

Вот что говорит Ленин об этих условиях в своей брошюре «Детская болезнь»:

«Основной закон революции, подтверждённый всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чём: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетённые массы сознали невозможность

жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда **«низы» не хотят** старого и когда «верхи» **не могут по-старому,** лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: **революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса** *. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы.., обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его» (см. т. XXV, стр. 222).

Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, т. е. значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую

* Курсив мой. **И. Ст.**

величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах.

Ленин выразил эту мысль в двух словах, сказав, что задача победившей революции состоит в проведении «максимума осуществимого в одной стране **для** развития, поддержки, пробуждения революции **во всех странах»** (см. т. XXIII, стр. 385).

Таковы, в общем, характерные черты ленинской теории пролетарской революции.

IV
ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Из этой темы я беру три основных вопроса:

а) диктатура пролетариата, как орудие пролетарской революции;

б) диктатура пролетариата, как господство пролетариата над буржуазией;

в) Советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата.

1) **Диктатура пролетариата, как орудие пролетарской революции.** Вопрос о пролетарской диктатуре есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции. Пролетарская революция, её движение, её размах, её достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, её орган, её важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца

пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма. Победить буржуазию, свергнуть её власть революция сможет и без диктатуры пролетариата. Но подавить сопротивление буржуазии, сохранить победу и двинуться дальше к окончательной победе социализма революция уже не в состоянии, если она не создаст на известной ступени своего развития специального органа в виде диктатуры пролетариата, в качестве своей основной опоры.

«Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции» (**Ленин**). Значит ли это, что дело ограничивается тут взятием власти, её захватом? Нет, не значит. Взятие власти, это — только начало дела. Буржуазия, свергнутая в одной стране, надолго еще остаётся, в силу многих причин, сильнее свергнувшего её пролетариата. Поэтому всё дело в том, чтобы удержать власть, укрепить её, сделать её непобедимой. Что нужно для того, чтобы добиться этой цели? Для этого необходимо выполнить по крайней мере три главные задачи, встающие перед диктатурой пролетариата «на другой день» после победы:

а) сломить сопротивление свергнутых и экспроприированных революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать все и всякие их попытки к восстановлению власти капитала;

б) организовать строительство в духе сплочения всех трудящихся вокруг пролетариата и повести эту работу в направлении, подготовляющем ликвидацию, уничтожение классов;

в) вооружить революцию, организовать армию революции для борьбы с внешними врагами, для борьбы с империализмом.

Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы провести, выполнить эти задачи.

«Переход от капитализма к коммунизму, — говорит Ленин,— есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остаётся надежда на реставрацию, а эта **надежда** превращается в **попытки** реставрации. И после первого серьёзного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нём, с удесятерённой энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко, и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идёт за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь» (см. т. XXIII, стр. 355).

Буржуазия имеет свои основания делать попытки к реставрации, ибо она после своего свержения надолго еще остаётся сильнее свергнувшего её пролетариата.

«Если эксплуататоры разбиты только в одной стране, — говорит Ленин, — а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, — то они остаются **всё же сильнее** эксплуатируемых» (см. там же, стр. 354).

В чём сила свергнутой буржуазии?

Во-первых, «в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии» (см. т. XXV, стр. 173).

Во-вторых, в том, что «эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у **них** остаются деньги (уничтожить деньги сразу

нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приёмов, средств, возможностей) управления, остаётся более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остаётся неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее» (см. т. XXIII, стр. 354).

В-третьих, «в **силе привычки**, в силе **мелкого производства**. Ибо мелкого производства осталось ещё на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство **рождает** капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»... ибо «уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также **уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать,** их нельзя подавить, с ними **надо ужиться,** их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (см. т. XXV, стр. 173 и 189).

Вот почему говорит Ленин, что:

«Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против **более могущественного** врага, против буржуазии, сопротивление которой **удесятерено** её свержением»,

что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» (см. там же, стр. 173 и 190).

Едва ли нужно доказывать, что выполнить эти задачи в короткий срок, провести всё это в несколько лет — нет никакой возможности. Поэтому диктатуру пролетариата, переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолётный период в виде ряда «революционнейших» актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной

работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений. Эта историческая эпоха необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых — воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых — перевоспитать и переделать мелкобуржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства.

«Вы должны, — говорил Маркс рабочим, — пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству» (см. т. VIII Сочинений **К. Маркса** и **Ф. Энгельса**, стр. 506).

Продолжая и развивая дальше мысль Маркса, Ленин пишет:

«Придётся при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции» так же, как необходимо будет «...перевоспитать... в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» (см. т. XXV, стр. 248 и 247).

2) **Диктатура пролетариата, как господство пролетариата над буржуазией.** Уже из сказанного видно, что диктатура пролетариата не есть простая смена лиц в

правительстве, смена «кабинета» и пр., с оставлением в неприкосновенности старых экономических и политических порядков. Меньшевики и оппортунисты всех стран, боящиеся диктатуры, как огня, и подменивающие с перепугу понятие диктатуры понятием «завоевание власти», обычно сводят «завоевание власти» к смене «кабинета», к появлению у власти нового министерства из людей вроде Шейдемана и Носке, Макдональда и Гендерсона. Едва ли нужно разъяснять, что эти и подобные им смены кабинетов не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата, с завоеванием действительной власти действительным пролетариатом. Макдональды и Шейдеманы у власти, при оставлении старых буржуазных порядков, их, так сказать, правительства не могут быть чем-нибудь другим, кроме обслуживающего аппарата в руках буржуазии, кроме прикрытия язв империализма, кроме орудия в руках буржуазии против революционного движения угнетённых и эксплуатируемых масс. Они, эти правительства, нужны капиталу, как ширма, когда ему неудобно, невыгодно, трудно угнетать и эксплуатировать массы без ширмы. Конечно, появление таких правительств является признаком того, что «у них там» (т. е. у капиталистов), «на Шипке», не спокойно, но правительства такого рода, несмотря на это, неизбежно остаются подкрашенными правительствами капитала. От правительства Макдональда или Шейдемана до завоевания власти пролетариатом так же далеко, как от земли до неба. Диктатура пролетариата есть не смена правительства, а новое государство, с новыми органами власти в центре и на местах, государство пролетариата, возникшее на развалинах старого государства, государства буржуазии.

Диктатура пролетариата возникает не на основе буржуазных порядков, а в ходе их ломки, после свержения буржуазии, в ходе экспроприации помещиков и капиталистов, в ходе социализации основных орудий и средств производства, в ходе насильственной революции пролетариата. Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией.

Государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников. **В этом отношении** диктатура пролетариата ничем по существу не отличается от диктатуры всякого другого класса, ибо пролетарское государство является машиной для подавления буржуазии. Но тут есть одна **существенная** разница. Состоит она в том, что все существовавшие до сих пор классовые государства являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, между тем как диктатура пролетариата является диктатурой эксплуатируемого большинства над эксплуатирующим меньшинством.

Короче: **диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс** (**Ленин.** «Государство и революция»).

Из этого следует два основных вывода.

Первый вывод. Диктатура пролетариата не может быть «полной» демократией, демократией для всех, и для богатых и для бедных, — диктатура пролетариата «должна быть государством **по-новому** демократическим (**для*** пролетариев и неимущих вообще)

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

и **по-новому** диктаторским (**против*** буржуазии)» (см. т. XXI, стр. 393). Разговоры Каутского и К° о всеобщем равенстве, о «чистой» демократии, о «совершенной» демократии и т. д. являются буржуазным прикрытием того несомненного факта, что равенство эксплуатируемых и эксплуататоров невозможно. Теория «чистой» демократии есть теория верхушки рабочего класса, приручённой и подкармливаемой империалистическими грабителями. Она вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплуатируемых масс. Не бывает и не может быть при капитализме действительных «свобод» для эксплуатируемых, хотя бы потому, что помещения, типографии, склады бумаги и т. д., необходимые для использования «свобод», являются привилегией эксплуататоров. Не бывает и не может быть при капитализме действительного участия эксплуатируемых масс в управлении страной, хотя бы потому, что при самых демократических порядках в условиях капитализма правительства ставятся не народом, а Ротшильдами и Стиннесами, Рокфеллерами и Морганами. Демократия при капитализме есть демократия **капиталистическая**, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные свободы для эксплуатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия **пролетарская**,

* Курсив мой. **И. Ст.**

демократия эксплуатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства.

Второй вывод. Диктатура пролетариата не может возникнуть как результат мирного развития буржуазного общества и буржуазной демократии, — она может возникнуть лишь в результате слома буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного чиновничьего аппарата, буржуазной полиции.

«Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить её в ход для своих собственных целей», — говорят Маркс и Энгельс в предисловии к «Манифесту коммунистической партии». — Пролетарская революция должна «...не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, **а сломать** её... — таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте», — говорит Маркс в своём письме к Кугельману в 1871 году [29].

Ограничительная фраза Маркса о континенте дала повод оппортунистам и меньшевикам всех стран прокричать о том, что Маркс допускал, стало быть, возможность мирного развития буржуазной демократии в демократию пролетарскую, по крайней мере для некоторых стран, не входящих в состав европейского континента (Англия, Америка). Маркс, действительно, допускал такую возможность и он имел основание делать такое допущение для Англии и Америки 70-х годов прошлого столетия, когда не было еще монополистического капитализма, не было империализма и не было еще у этих стран, в силу особых условий их развития, развитой военщины и бюрократизма. Так было дело до появления развитого империализма. Но потом,

спустя 30—40 лет, когда положение дел в этих странах изменилось в корне, когда империализм развился и охватил все без исключения капиталистические страны, когда военщина и бюрократизм появились и в Англии с Америкой, когда особые условия мирного развития Англии и Америки исчезли, — ограничение насчёт этих стран должно было отпасть само собой.

«Теперь, — говорит Ленин, — в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всём мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, всё себе подчиняющих, всё собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является **ломка, разрушение** «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины»» (см. т. XXI, стр. 395).

Иначе говоря, закон о насильственной революции пролетариата, закон о сломе буржуазной государственной машины, как о предварительном условии такой революции, является неизбежным законом революционного движения империалистических стран мира.

Конечно, в далёком будущем, если пролетариат победит в важнейших странах капитализма и если нынешнее капиталистическое окружение сменится окружением социалистическим, вполне возможен «мирный» путь развития для некоторых капиталистических стран, капиталисты которых, в силу «неблагоприятной» международной обстановки, сочтут целесообразным «добровольно» пойти на серьёзные уступки пролетариату. Но это предположение касается лишь далёкого и возможного

будущего. Для ближайшего будущего это предположение не имеет никаких, ровно никаких оснований.

Поэтому Ленин прав, когда он говорит:

«Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены её **новою**» (см. т. XXIII, стр. 342).

3) **Советская власть, как государственная форма диктатуры пролетариата.** Победа диктатуры пролетариата означает подавление буржуазии, слом буржуазной государственной машины, замену буржуазной демократии демократией пролетарской. Это ясно. Но каковы организации, при помощи которых может быть проделана эта колоссальная работа? Что старые формы организации пролетариата, выросшие на основе буржуазного парламентаризма, недостаточны для такой работы, — в этом едва ли может быть сомнение. Каковы же те новые формы организации пролетариата, которые способны сыграть роль могильщика буржуазной государственной машины, которые способны не только сломать эту машину и не только заменить буржуазную демократию демократией пролетарской, но и стать основой пролетарской государственной власти?

Этой новой формой организации пролетариата являются Советы.

В чём состоит сила Советов в сравнении со старыми формами организации?

В том, что Советы являются наиболее **всеобъемлющими** массовыми организациями пролетариата, ибо они и только они охватывают всех без исключения рабочих.

В том, что Советы являются **единственными** массовыми организациями, которые объединяют всех угне-

тённых и эксплуатируемых, рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно.

В том, что Советы являются **наиболее мощными органами** революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, органами, способными сломить всесилие финансового капитала и его политических придатков.

В том, что Советы являются **непосредственными** организациями самих масс, то есть **наиболее демократическими** и, значит, **наиболее авторитетными** организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении последним и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад.

Советская власть есть объединение и оформление местных Советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетённых и эксплуатируемых масс и как господствующего класса, — объединение в Республику Советов.

Сущность Советской власти заключается в том, что наиболее массовые и наиболее революционные организации тех именно классов, которые угнетались капиталистами и помещиками, являются теперь «**постоянной и единственной** основой всей государственной власти, всего государственного аппарата», что «именно те массы, которые даже в самых демократических

буржуазных республиках», будучи по закону равноправными, «на деле тысячами приёмов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к **постоянному** и непременному, притом **решающему**, участию в демократическом управлении государством» * (см. **Ленин**, т. XXIV, стр. 13).

Вот почему Советская власть является **новой формой** государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, **новым типом** государства, приноровленным не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнёта и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата.

Ленин прав, говоря, что с появлением Советской власти «эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончилась, началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры».

В чём состоят характерные черты Советской власти?

В том, что Советская власть является наиболее массовой и наиболее демократической государственной организацией из всех возможных государственных организаций в условиях существования классов, ибо она, будучи ареной смычки и сотрудничества рабочих и эксплуатируемых крестьян в борьбе против эксплуататоров и опираясь в своей работе на эту смычку и на это сотрудничество, является тем самым властью большинства населения над меньшинством, государством этого большинства, выражением его диктатуры.

---

* Курсив везде мой. **И. Ст.**

✓ В том, что Советская власть является наиболее интернационалистской из всех государственных организаций классового общества, ибо она, разрушая всякий национальный гнёт и опираясь на сотрудничество трудящихся масс различных национальностей, облегчает тем самым объединение этих масс в едином государственном союзе.

√ В том, что Советская власть, по самой своей структуре, облегчает дело руководства угнетёнными и эксплуатируемыми массами со стороны авангарда этих масс, со стороны пролетариата, как наиболее сплочённого и наиболее сознательного ядра Советов.

«Опыт всех революций и всех движений угнетённых классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, — говорит Ленин, — что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распылённые и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения» (см. т. XXIV, стр. 14). Дело в том, что структура Советской власти облегчает проведение в жизнь указаний этого опыта.

В том, что Советская власть, объединяя законодательную и исполнительную власти в единой организации государства и заменяя территориальные выборные округа производственными единицами, заводами и фабриками, — непосредственно связывает рабочие и вообще трудящиеся массы с аппаратами государственного управления, учит их управлению страной.

В том, что только Советская власть способна избавить армию от подчинения буржуазному командованию и превратить её из орудия угнетения народа, каким она является при буржуазных порядках, в орудие освобождения народа от ига буржуазии, своей и чужой.

В том, что «только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат» (см. там же).

В том, что только советская форма государства, привлекающая массовые организации трудящихся и эксплуатируемых к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способна подготовить то отмирание государственности, которое является одним из основных элементов будущего безгосударственного, коммунистического общества.

Республика Советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская Коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является её развитием и завершением.

Вот почему говорит Ленин, что:

> «Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений.., но и **единственной** * формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму» (см. т. XXII, стр. 131).

V
КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру четыре вопроса:

а) постановка вопроса;

б) крестьянство во время буржуазно-демократической революции;

---

* Курсив мой. *И. Ст.*

в) крестьянство во время пролетарской революции;

г) крестьянство после упрочения Советской власти.

1) **Постановка вопроса.** Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях её завоевания, об условиях её укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным.

Это обстоятельство, однако, не лишает его нисколько того серьёзного, животрепещущего значения, которое, несомненно, имеет он для пролетарской революции. Известно, что серьёзная разработка крестьянского вопроса в рядах русских марксистов началась именно накануне первой революции (1905 г.), когда вопрос о свержении царизма и проведении гегемонии пролетариата предстал перед партией во весь свой рост, а вопрос о союзнике пролетариата в предстоящей буржуазной революции принял животрепещущий характер. Известно также, что крестьянский вопрос в России принял ещё более актуальный характер во время пролетарской революции, когда вопрос о диктатуре пролетариата, об её завоевании и удержании привёл к вопросу о союзниках пролетариата в предстоящей пролетарской революции. Оно и понятно: кто идёт и готовится к власти, тот не может не интересоваться вопросом о своих действительных союзниках.

В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как

таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала объясняется не только особыми условиями развития на Западе. Оно объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти. А кто боится революции, кто не думает вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, — для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным. Ироническое отношение героев II Интернационала к крестьянскому вопросу считается у них признаком хорошего тона, признаком «настоящего» марксизма. На самом деле тут нет ни грана марксизма, ибо равнодушие к такому важному вопросу, как крестьянский вопрос, накануне пролетарской революции является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата, несомненным признаком прямой измены марксизму.

Вопрос стоит так: **исчерпаны ли уже** революционные возможности, таящиеся в недрах крестьянства, в силу известных условий его существования, или нет, и если не исчерпаны, **есть ли надежда, основание** использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить крестьянство, его эксплуатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада и каким оно остаётся и теперь, — в резерв пролетариата, в его союзника?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в рядах большинства крестьянства

революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах пролетарской диктатуры.

История трёх революций в России целиком подтверждает выводы ленинизма на этот счёт.

Отсюда практический вывод о поддержке трудящихся масс крестьянства в их борьбе против кабалы и эксплуатации, в их борьбе за избавление от гнёта и нищеты. Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать **всякое** крестьянское движение. Речь идёт здесь о поддержке такого движения и такой борьбы крестьянства, которые облегчают прямо или косвенно освободительное движение пролетариата, которые льют воду так или иначе на мельницу пролетарской революции, которые способствуют превращению крестьянства в резерв и союзника рабочего класса.

2) **Крестьянство во время буржуазно-демократической революции.** Этот период охватывает промежуток времени от первой русской революции (1905 г.) до второй (февраль 1917 г.) включительно. Характерной чертой этого периода является высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, **отход** крестьянства от кадетов, **поворот** крестьянства в сторону пролетариата, в сторону партии большевиков. История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырёх дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие,

пролетариат. Империалистическая война лишь подтвердила урок думского периода, завершив отход крестьянства от буржуазии, завершив изоляцию либеральной буржуазии, ибо годы войны показали всю тщетность, всю обманчивость надежд получить мир от царя и его буржуазных союзников. Без наглядных уроков думского периода гегемония пролетариата была бы невозможна.

Так сложился союз рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции. Так сложилась гегемония (руководство) пролетариата в общей борьбе за свержение царизма, гегемония, приведшая к февральской революции 1917 года.

Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии. Там освобождение от крепостнических порядков получило крестьянство не из рук пролетариата, который был малочислен и неорганизован, а из рук буржуазии. Там крестьянство шло против старых порядков вместе с либеральной буржуазией. Там крестьянство представляло резерв буржуазии. Там революция привела, ввиду этого, к громадному усилению политического веса буржуазии.

В России, наоборот, буржуазная революция дала прямо противоположные результаты. Революция в России привела не к усилению, а к ослаблению буржуазии, как политической силы, не к умножению её политических резервов, а к потере ею основного резерва, к потере крестьянства. Буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию,

а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство.

Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что буржуазная революция в России переросла в пролетарскую революцию в сравнительно короткий срок. Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата.

Чем объяснить это своеобразное явление в русской революции, не имеющее прецедентов в истории буржуазных революций на Западе? Откуда взялось это своеобразие?

Объясняется оно тем, что буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе, что русский пролетариат успел уже превратиться к этому времени в самостоятельную политическую силу, между тем как либеральная буржуазия, напуганная революционностью пролетариата, растеряла подобие всякой революционности (особенно после уроков 1905 г.) и повернула в сторону союза с царём и помещиками против революции, против рабочих и крестьян.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции:

а) Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции. Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих. Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной пар-

тии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны.

б) Безобразные формы эксплуатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников, — обстоятельство, превращавшее каждую серьёзную стачку рабочих в громадный политический акт и закалявшее рабочий класс, как силу, до конца революционную.

в) Политическая дряблость русской буржуазии, превратившаяся после революции 1905 года в прислужничество царизму и прямую контрреволюционность, объясняемую не только революционностью русского пролетариата, отбросившего русскую буржуазию в объятия царизма, но и прямой зависимостью этой буржуазии от казённых заказов.

г) Наличие самых безобразных и самых нестерпимых пережитков крепостнических порядков в деревне, дополняемых всевластием помещика, — обстоятельство, бросившее крестьянство в объятия революции.

д) Царизм, давивший всё живое и усугублявший своим произволом гнёт капиталиста и помещика, — обстоятельство, соединившее борьбу рабочих и крестьян в единый революционный поток.

е) Империалистическая война, слившая все эти противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придавшая революции невероятную силу натиска.

Куда было ткнуться крестьянству при таких условиях? У кого искать поддержки против всевластия помещика, против произвола царя, против губительной войны, разорявшей его хозяйство? У либеральной буржуазии? Но она враг, — об этом говорил долголет-

ний опыт всех четырёх дум. У эсеров? Эсеры, конечно, «лучше» кадетов, и программа у них «подходячая», почти крестьянская, но что могут дать эсеры, если они думают опереться на одних крестьян и если они слабы в городе, где прежде всего черпает свои силы противник? Где та новая сила, которая ни перед чем не остановится ни в деревне, ни в городе, которая пойдёт смело в первые ряды на борьбу с царём и помещиком, которая поможет крестьянству вырваться из кабалы, из безземелья, из гнёта, из войны? Была ли вообще такая сила в России? Да, была. Это был русский пролетариат, показавший свою силу, своё умение бороться до конца, свою смелость, свою революционность еще в 1905 году.

Во всяком случае, другой такой силы не было, и взять её неоткуда было.

Вот почему крестьянство, отчалив от кадетов и причалив к эсерам, пришло вместе с тем к необходимости подчиниться руководству такого мужественного вождя революции, как русский пролетариат.

Таковы обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции.

3) **Крестьянство во время пролетарской революции.** Этот период охватывает промежуток времени от февральской революции (1917 г.) до Октябрьской (1917 г.). Период этот сравнительно недолгий, всего восемь месяцев, — но эти восемь месяцев, с точки зрения политического просвещения и революционного воспитания масс, смело могут быть поставлены на одну доску с целыми десятилетиями обычного конституционного развития, ибо они составляют восемь месяцев **революции.** Характерной чертой этого периода является

дальнейшее революционизирование крестьянства, его разочарование в эсерах, **отход** крестьянства от эсеров, новый **поворот** крестьянства в сторону **прямого сплочения** вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров (мелкобуржуазная демократия) и большевиков (пролетарская демократия) за крестьянство, за овладение большинством крестьянства. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова.

Если раньше, в предыдущий период, основным вопросом революции являлось свержение царя и помещичьей власти, то теперь, в период после февральской революции, когда царя уже не стало, а нескончаемая война доконала хозяйство страны, разорив вконец крестьянство, — основным вопросом революции стал вопрос о ликвидации войны. Центр тяжести явно переместился с вопросов чисто внутреннего характера к основному вопросу — о войне. «Кончить войну», «вырваться из войны» — это был общий крик истомившейся страны и, прежде всего, крестьянства.

Но, чтобы вырваться из войны, необходимо было свергнуть Временное правительство, необходимо было свергнуть власть буржуазии, необходимо было свергнуть власть эсеров и меньшевиков, ибо они и только они затягивали войну до «победного конца». Иного пути выхода из войны, как через свержение буржуазии, не оказалось на практике.

Это была новая революция, революция пролетарская, ибо она сбрасывала с власти последнюю, крайнюю левую фракцию империалистической буржуазии, партию эсеров и меньшевиков, для того, чтобы создать новую, пролетарскую власть, власть Советов, для того, чтобы поставить у власти партию революционного пролетариата, партию большевиков, партию революционной борьбы против империалистической войны за демократический мир. Большинство крестьянства поддержало борьбу рабочих за мир, за власть Советов.

Иного выхода для крестьянства не было. Иного выхода и не могло быть.

Период керенщины был, таким образом, величайшим предметным уроком для трудовых масс крестьянства, ибо он наглядно показал, что при власти эсеров и меньшевиков не вырваться стране из войны, не видать крестьянам ни земли, ни воли, что меньшевики и эсеры отличаются от кадетов лишь сладкими речами и фальшивыми обещаниями, на деле же проводят ту же империалистическую, кадетскую политику, что единственной властью, способной вывести страну на дорогу, может быть лишь власть Советов. Дальнейшее затягивание войны лишь подтверждало правильность этого урока, подхлёстывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь прямого сплочения вокруг пролетарской революции. Изоляция эсеров и меньшевиков стала непреложным фактом. Без наглядных уроков коалиционного периода диктатура пролетариата была бы невозможна.

Таковы обстоятельства, облегчившие процесс перерастания буржуазной революции в революцию пролетарскую.

Так сложилась диктатура пролетариата в России.

4) **Крестьянство после укрепления Советской власти.** Если раньше, в первый период революции, дело шло, главным образом, о свержении царизма, а потом, после февральской революции, вопрос шёл, прежде всего, о выходе из империалистической войны через свержение буржуазии, то теперь, после ликвидации гражданской войны и упрочения Советской власти, — на первый план выступили вопросы хозяйственного строительства. Усилить и развить национализированную индустрию; связать для этого индустрию с крестьянским хозяйством через торговлю, регулируемую государством; заменить продразвёрстку продналогом с тем, чтобы потом, постепенно уменьшая размеры продналога, свести дело к обмену изделий индустрии на продукты крестьянского хозяйства; оживить торговлю и развить кооперацию, вовлекая в эту последнюю миллионы крестьянства, — вот как рисовал Ленин очередные задачи хозяйственного строительства на пути к постройке фундамента социалистической экономики.

Говорят, что задача эта может оказаться непосильной для такой крестьянской страны, как Россия. Некоторые скептики говорят даже о том, что она просто утопична, невыполнима, ибо крестьянство есть крестьянство, — оно состоит из мелких производителей, и оно не может быть поэтому использовано для организации фундамента социалистического производства.

Но скептики ошибаются, ибо они не учитывают некоторых обстоятельств, имеющих в данном случае решающее значение. Рассмотрим главные из них.

Во-первых. Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство,

прошедшее школу трёх революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее ввиду этого резервом пролетариата, — это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и политическое сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству, — не может не составлять исключительно благоприятный материал для экономического сотрудничества с пролетариатом.

Энгельс говорил, что «завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего», что «для того, чтобы завоевать её, партия должна сначала пойти из города в деревню и сделаться сильной в деревне» (см. «Крестьянский вопрос» **Энгельса**, изд. 1922 г. [30]). Он писал об этом в 90-х годах прошлого столетия, имея в виду западное крестьянство. Нужно ли доказывать, что русские коммунисты, проделавшие в этом отношении колоссальную работу в течение трёх революций, успели уже создать себе в деревне такое влияние и такую опору, о которых не смеют даже мечтать наши западные товарищи? Как можно отрицать, что это обстоятельство не может не облегчить коренным образом дело налаживания экономического сотрудничества между рабочим классом и крестьянством России?

Скептики твердят о мелких крестьянах, как о факторе, несовместимом с социалистическим строительством. Но слушайте, что говорит Энгельс о мелких крестьянах Запада:

«Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать всё возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своём клочке. Мы будем поступать так не только потому, что считаем возможным переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина, но также и из непосредственных партийных интересов. Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечём на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование. Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьётся до своих крайних последствий, когда и последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые придётся принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а, между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз бо́льшие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам» (см. там же).

Так говорил Энгельс, имея в виду западное крестьянство. Но разве не ясно, что сказанное Энгельсом нигде не может быть осуществлено с такой лёгкостью и полнотой, как в стране диктатуры пролетариата? Разве не ясно, что только в Советской России могут

быть проведены в жизнь теперь же и полностью и «переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина», и необходимые для этого «материальные жертвы», и нужная для этого «щедрость по отношению к крестьянам», что эти и подобные им меры в пользу крестьян уже проводятся в России? Как можно отрицать, что это обстоятельство, в свою очередь, должно облегчить и двинуть вперёд дело хозяйственного строительства Советской страны?

Во-вторых. Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идёт по обычной линии капитализма, в обстановке глубокой диференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наёмным рабством — на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области

сбыта, а потом — в области производства продуктов сельского хозяйства.

Крайне интересны в этом отношении некоторые новые явления в деревне в связи с работой сельскохозяйственной кооперации. Известно, что внутри Сельскосоюза [31] народились новые крупные организации по отраслям сельского хозяйства, — по льну, картофелю, маслу и пр., имеющие большую будущность. Из них, например, Льноцентр объединяет целую сеть производственных товариществ крестьян-льноводов. Льноцентр занимается тем, что снабжает крестьян семенами и орудиями производства, потом у тех же крестьян покупает всю продукцию льна, сбывает её в массовом масштабе на рынок; обеспечивает крестьянам участие в прибылях и, таким образом, связывает крестьянское хозяйство через Сельскосоюз с государственной промышленностью. Как назвать такую форму организации производства? Это есть, по-моему, домашняя система крупного государственно-социалистического производства в области сельского хозяйства. Я говорю здесь о домашней системе государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырьё и орудия и сдавая ему всю свою продукцию, фактически являлись полунаёмными рабочими на дому. Это один из многих показателей того, по какому пути должно пойти у нас развитие сельского хозяйства. Я уже не говорю здесь о других показателях такого же рода по другим отраслям сельского хозяйства.

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый

путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наёмного рабства, путь нищеты и разорения.

Вот что говорит Ленин о путях развития нашего сельского хозяйства:

«Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения» (см. т. XXVII, стр. 392).

Говоря дальше о необходимости финансовой и иной поддержки кооперации, как «нового принципа организации населения» и нового «общественного строя» при диктатуре пролетариата, Ленин продолжает:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определённого класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, — под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором **действительно участвуют действительные массы населения**» (см. там же, стр. 393).

О чём говорят все эти обстоятельства?

О том, что скептики не правы.

О том, что прав ленинизм, рассматривающий трудящиеся массы крестьянства, как резерв пролетариата.

О том, что стоящий у власти пролетариат может и должен использовать этот резерв для того, чтобы сомкнуть индустрию с сельским хозяйством, поднять социалистическое строительство и подвести под диктатуру пролетариата тот необходимый фундамент, без которого невозможен переход к социалистической экономике.

VI

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Из этой темы я беру два главных вопроса:

а) постановка вопроса,

б) освободительное движение угнетённых народов и пролетарская революция.

1) **Постановка вопроса.** За последние два десятилетия национальный вопрос претерпел ряд серьёзнейших изменений. Национальный вопрос в период II Интернационала и национальный вопрос в период ленинизма далеко не одно и то же. Они глубоко друг от друга отличаются не только по объёму, но и по внутреннему своему характеру.

Раньше национальный вопрос замыкался обычно тесным кругом вопросов, касающихся, главным образом, «культурных» национальностей. Ирландцы, венгры, поляки, финны, сербы и некоторые другие национальности Европы — таков тот круг неполноправных народов, судьбами которых интересовались деятели II Интернационала. Десятки и сотни миллионов азиат-

ских и африканских народов, терпящих национальный гнёт в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения. Белых и чёрных, «культурных» и «некультурных» не решались ставить на одну доску. Две — три пустых и кисло-сладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний, — это всё, чем могли похвастать деятели II Интернационала. Теперь эту двойственность и половинчатость в национальном вопросе нужно считать ликвидированной. Ленинизм вскрыл это вопиющее несоответствие, разрушил стену между белыми и чёрными, между европейцами и азиатами, между «культурными» и «некультурными» рабами империализма и связал, таким образом, национальный вопрос с вопросом о колониях. Тем самым национальный вопрос был превращён из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетённых народов зависимых стран и колоний от ига империализма.

Раньше принцип самоопределения наций истолковывался обычно неправильно, суживаясь нередко до права наций на автономию. Некоторые лидеры II Интернационала дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. в право угнетённых наций иметь свои культурные учреждения, оставляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий. Теперь эту путаницу нужно считать преодолённой. Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетённых

народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Тем самым была исключена возможность оправдания аннексий путём истолкования права на самоопределение, как права на автономию. Самый же принцип самоопределения был превращён, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистической войны, в орудие разоблачения всех и всяких империалистических вожделений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма.

Раньше вопрос об угнетённых нациях рассматривался обычно, как вопрос чисто правовой. Торжественное провозглашение «национального равноправия», бесчисленные декларации о «равенстве наций» — вот чем пробавлялись партии II Интернационала, замазывающие тот факт, что «равенство наций» при империализме, когда одна группа наций (меньшинство) живёт за счёт эксплуатации другой группы наций, является издёвкой над угнетёнными народами. Теперь эту буржуазно-правовую точку зрения в национальном вопросе нужно считать разоблачённой. Ленинизм низвёл национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о «равенстве наций», не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетённых народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями. Тем самым вопрос об угнетённых нациях стал вопросом о поддержке, о помощи, действительной и постоянной помощи угнетённым нациям в их борьбе с империализмом за действительное

равенство наций, за их самостоятельное государственное существование.

Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку, «самотёком», в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблачённой. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешён лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата.

Вопрос стоит так: **исчерпаны ли уже** революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетённых стран, или нет, и если не исчерпаны, — есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего?

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в недрах национально-освободительного движения угнетённых стран революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма. Механика развития империализма, империалистическая война и революция в России целиком подтверждают выводы ленинизма на этот счёт.

Отсюда необходимость поддержки, решительной и активной поддержки со стороны пролетариата «державных» наций национально-освободительного движения угнетённых и зависимых народов.

Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать **всякое** национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях. Речь идёт о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение. Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетённых стран приходят в столкновение с интересами развития пролетарского движения. Само собой понятно, что в таких случаях не может быть и речи о поддержке. Вопрос о правах наций есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчинённая целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого. Маркс в 40-х годах прошлого века стоял за национальное движение поляков и венгров против национального движения чехов и южных славян. Почему? Потому, что чехи и южные славяне являлись тогда «реакционными народами», «русскими форпостами» в

Европе, форпостами абсолютизма, тогда как поляки и венгры являлись «революционными народами», боровшимися против абсолютизма. Потому, что поддержка национального движения чехов и южных славян означала тогда косвенную поддержку царизма, опаснейшего врага революционного движения в Европе.

«Отдельные требования демократии, — говорит Ленин, — в том числе самоопределение, не абсолют, а **частичка** общедемократического (ныне: общесоциалистического) **мирового** движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть её» (см. т. XIX, стр. 257—258).

Так обстоит дело с вопросом об отдельных национальных движениях, о возможном реакционном характере этих движений, если, конечно, расценивать их не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения.

То же самое нужно сказать о революционном характере национальных движений вообще. Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнёта вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно **революционной** борьбой, несмотря на монархический образ

взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких «отчаянных» демократов и «социалистов», «революционеров» и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Ренодель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой **реакционной**, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма. Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является, по тем же причинам, борьбой объективно **революционной**, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма, между тем как борьба английского «рабочего» правительства за сохранение зависимого положения Египта является, по тем же причинам, борьбой **реакционной**, несмотря на пролетарское происхождение и на пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они «за» социализм. Я уже не говорю о национальном движении других, более крупных, колониальных и зависимых стран, вроде Индии и Китая, каждый шаг которых по пути к освобождению, если он даже нарушает требования формальной демократии, является ударом парового молота по империализму, т. е. шагом, несомненно, **революционным**.

Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетённых стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, то есть «не изолированно, а в мировом масштабе» (см. т. XIX, стр. 257).

2) **Освободительное движение угнетённых народов и пролетарская революция.** При решении национального вопроса ленинизм исходит из следующих положений:

а) мир разделён на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетённых и эксплуатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство;

б) колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьёзнейший источник сил империализма;

в) революционная борьба угнетённых народов зависимых и колониальных стран против империализма является единственным путём их освобождения от гнёта и эксплуатации;

г) важнейшие колониальные и зависимые страны уже вступили на путь национально-освободительного движения, которое не может не привести к кризису всемирного капитализма;

д) интересы пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях требуют соединения этих двух видов революционного движения в общий фронт против общего врага, против империализма;

е) победа рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетённых народов от ига империализма невозможны без образования и укрепления общего революционного фронта;

ж) образование общего революционного фронта невозможно без прямой и решительной поддержки со

стороны пролетариата угнетающих наций освободительного движения угнетённых народов против «отечественного» империализма, ибо «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (Энгельс);

з) поддержка эта означает отстаивание, защиту, проведение в жизнь лозунга — право наций на отделение, на самостоятельное государственное существование;

и) без проведения этого лозунга невозможно наладить объединение и сотрудничество наций в едином мировом хозяйстве, составляющем материальную базу победы всемирного социализма;

к) объединение это может быть лишь добровольным, возникшим на основе взаимного доверия и братских взаимоотношений народов.

Отсюда две стороны, две тенденции в национальном вопросе: тенденция к политическому освобождению от империалистических уз и к образованию самостоятельного национального государства, возникшая на основе империалистического гнёта и колониальной эксплуатации, и тенденция к хозяйственному сближению наций, возникшая в связи с образованием мирового рынка и мирового хозяйства.

«Развивающийся капитализм, — говорит Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнёта, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» (см. т. XVII, стр. 139—140).

Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями, ибо империализм не может жить без эксплуатации и насильственного удержания колоний в рамках «единого целого», ибо империализм может сближать нации лишь путём аннексии и колониальных захватов, без которых он, вообще говоря, немыслим.

Для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетённых народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от «единого» империалистического «целого», через превращение их в самостоятельные государства.

Отсюда необходимость упорной, непрерывной, решительной борьбы с великодержавным шовинизмом «социалистов» господствующих наций (Англия, Франция, Америка, Италия, Япония и пр.), не желающих бороться со своими империалистическими правительствами, не желающих поддержать борьбу угнетённых народов «их» колоний за освобождение от гнёта, за государственное отделение.

Без такой борьбы немыслимо воспитание рабочего класса господствующих наций в духе действительного интернационализма, в духе сближения с трудящимися массами зависимых стран и колоний, в духе действительной подготовки пролетарской революции. Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетённых народов

бывшей Российской империи. Но для того, чтобы завоевать сочувствие и поддержку этих народов, он должен был прежде всего разбить цепи русского империализма и освободить эти народы от национального гнёта.

Без этого невозможно было бы упрочить Советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве.

Отсюда необходимость борьбы против национальной замкнутости, узости, обособленности социалистов угнетённых стран, не желающих подняться выше своей национальной колокольни и не понимающих связи освободительного движения своей страны с пролетарским движением господствующих стран.

Без такой борьбы немыслимо отстоять самостоятельную политику пролетариата угнетённых наций и его классовую солидарность с пролетариатом господствующих стран в борьбе за свержение общего врага, в борьбе за свержение империализма.

Без такой борьбы интернационализм был бы невозможен.

Таков путь воспитания трудовых масс господствующих и угнетённых наций в духе революционного интернационализма.

Вот что говорит Ленин об этой двусторонней работе коммунизма по воспитанию рабочих в духе интернационализма:

«Может ли это воспитание... быть **конкретно одинаково** в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему **слиянию всех** наций идёт здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, — всё равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идёт налево от одного бокового края её и направо от противоположного края. Если социал-демократ большой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что «его» Николай II, «его» Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. **тоже за слияние** с мелкими нациями (путём аннексий) — Николай II за «слияние» с Галицией, Вильгельм II за «слияние» с Бельгией и пр., — то подобный социал-демократ окажется смешным доктринёром в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетённых стран. Без этого **нет** интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который **не** ведёт такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы **случай** отделения был возможен и «осуществим» до социализма всего в 1 из 1 000 случаев...

Наоборот. Социал-демократ маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на **втором** слове нашей общей формулы: «добровольное **соединение**» наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть **и** за политическую независимость своей нации, **и** за её включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во всех случаях он должен бороться **против** мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности, за учёт целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе **отделения**», а социал-демократы угнетённых наций на «свободе **соединения**». Но небольшое размышление показывает, что **иного** пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели **от данного** положения нет и быть не может» (см. т. XIX, стр. 261—262).

VII

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Из этой темы я беру шесть вопросов:

а) стратегия и тактика, как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата;

б) этапы революции и стратегия;

в) приливы и отливы движения и тактика;

г) стратегическое руководство;

д) тактическое руководство;

е) реформизм и революционизм.

1) **Стратегия и тактика, как наука о руководстве классовой борьбой пролетариата.** Период господства II Интернационала был периодом по преимуществу формирования и обучения пролетарских политических армий в обстановке более или менее мирного развития. Это был период парламентаризма, как преимущественной формы классовой борьбы. Вопросы о великих столкновениях классов, о подготовке пролетариата к революционным схваткам, о путях завоевания диктатуры пролетариата не стояли тогда, как казалось, на очереди. Задача сводилась к тому, чтобы использовать все пути легального развития для формирования и обучения пролетарских армий, использовать парламентаризм применительно к условиям, при которых пролетариат оставался и должен был, как казалось, остаться в положении оппозиции. Едва ли нужно доказывать, что в такой период и при таком понимании задач пролетариата не могло быть ни цельной стратегии, ни разработанной тактики. Были обрывки, отдельные мысли о тактике и стратегии, но тактики и стратегии не было.

Смертный грех II Интернационала состоит не в том, что он проводил в своё время тактику использования парламентских форм борьбы, а в том, что он переоценивал значение этих форм, считая их чуть ли не единственными, а когда настал период открытых революционных схваток и вопрос о внепарламентских формах борьбы стал на первую очередь, партии II Интернационала отвернулись от новых задач, не приняли их.

Только в следующий период, период открытых выступлений пролетариата, в период пролетарской революции, когда вопрос о свержении буржуазии стал вопросом прямой практики, когда вопрос о резервах пролетариата (стратегия) сделался одним из самых животрепещущих вопросов, когда все формы борьбы и организации — и парламентские, и внепарламентские (тактика) — выявили себя с полной определённостью, — только в этот период могли быть выработаны цельная стратегия и разработанная тактика борьбы пролетариата. Гениальные мысли Маркса и Энгельса о тактике и стратегии, замуравленные оппортунистами II Интернационала, были вытащены Лениным на свет божий в этот именно период. Но Ленин не ограничился восстановлением отдельных тактических положений Маркса и Энгельса. Он их развил дальше и дополнил новыми мыслями и положениями, объединив всё это в систему правил и руководящих начал по руководству классовой борьбой пролетариата. Такие брошюры Ленина, как «Что делать?», «Две тактики», «Империализм», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь», несомненно войдут как ценнейший вклад в общую сокровищницу марксизма, в его революционный арсенал. Стратегия и

тактика ленинизма есть наука о руководстве революционной борьбой пролетариата.

2) **Этапы революции и стратегия.** Стратегия есть определение направления главного удара пролетариата на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всём протяжении данного этапа революции.

Наша революция пережила уже два этапа и вступила после Октябрьского переворота в третий этап. Сообразно с этим менялась стратегия.

Первый этап. 1903 год — февраль 1917 года. Цель — свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — крестьянство. Направление основного удара: изоляция либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путём соглашения с царизмом. План расположения сил: союз рабочего класса с крестьянством. «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» (см. **Ленин**, т. VIII, стр. 96).

Второй этап. Март 1917 года — октябрь 1917 года. Цель — свалить империализм в России и выйти из империалистической войны. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — беднейшее крестьянство. Пролетариат соседних стран, как вероятный резерв. Затянувшаяся война и кризис империализма, как благоприятный момент. Направление основного

удара: изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путём **соглашения** с империализмом. План расположения сил: союз пролетариата с беднейшим крестьянством. «Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (см. там же).

Третий этап. Начался он после Октябрьского переворота. Цель — упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя её как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала, представляющих основную опору политики **соглашения** с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран.

Стратегия имеет дело с основными силами революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений за весь период данного этапа.

3) **Приливы и отливы движения и тактика.** Тактика есть определение линии поведения пролетариата за

сравнительно короткий период прилива или отлива движения, подъёма или упадка революции, борьба за проведение этой линии путём смены старых форм борьбы и организации новыми, старых лозунгов новыми, путём сочетания этих форм и т. д. Если стратегия имеет целью выиграть войну, скажем, с царизмом или с буржуазией, довести до конца борьбу с царизмом или буржуазией, то тактика ставит себе менее существенные цели, ибо она старается выиграть не войну в целом, а те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного подъёма или упадка революции. Тактика есть часть стратегии, ей подчинённая, её обслуживающая.

Тактика меняется в зависимости от приливов и отливов. В то время, как в период первого этапа революции (1903—1917, февраль) стратегический план оставался без изменения, тактика менялась за это время несколько раз. В период 1903—1905 годов тактика партии была наступательная, ибо был прилив революции, движение поднималось в гору, и тактика должна была исходить из этого факта. Соответственно с этим и формы борьбы были революционные, отвечающие требованиям прилива революции. Местные политические забастовки, политические демонстрации, общая политическая забастовка, бойкот Думы, восстание, революционно-боевые лозунги, — таковы сменяющие друг друга формы борьбы за этот период. В связи с формами борьбы изменились тогда и формы организации. Фабрично-заводские комитеты, крестьянские революционные комитеты, забастовочные комитеты, Советы рабочих депутатов,

более или менее открытая рабочая партия, — таковы формы организации за этот период.

В период 1907—1912 годов партия вынуждена была перейти на тактику отступления, ибо мы имели тогда упадок революционного движения, отлив революции, и тактика не могла не считаться с этим фактом. Соответственно с этим изменились и формы борьбы, так же как и формы организации. Вместо бойкота Думы — участие в Думе, вместо открытых внедумских революционных выступлений — думские выступления и думская работа, вместо общих политических забастовок — частичные экономические забастовки или просто затишье. Понятно, что партия должна была уйти в этот период в подполье, массовые же революционные организации были заменены культурно-просветительными, кооперативными, страховыми и прочими подзаконными организациями.

То же самое нужно сказать о втором и третьем этапах революции, на протяжении которых тактика менялась десятки раз, тогда как стратегические планы оставались без изменения.

Тактика имеет дело с формами борьбы и формами организации пролетариата, с их сменой, их сочетанием. На основе данного этапа революции тактика может меняться несколько раз, в зависимости от приливов или отливов, от подъёма или упадка революции.

4) **Стратегическое руководство.** Резервы революции бывают:

прямые: а) крестьянство и вообще переходные слои своей страны, б) пролетариат соседних стран, в) революционное движение в колониях и зависимых странах, г) завоевания и приобретения диктатуры

пролетариата, — от части которых пролетариат может временно отказаться, оставив за собой перевес сил, с тем, чтобы подкупить сильного противника и получить передышку, и

косвенные: а) противоречия и конфликты между непролетарскими классами своей страны, могущие быть использованными пролетариатом для ослабления противника, для усиления своих резервов, б) противоречия, конфликты и войны (например, империалистическая война) между враждебными пролетарскому государству буржуазными государствами, могущие быть использованными пролетариатом при своём наступлении или при маневрировании в случае вынужденного отступления.

О резервах первого рода не стоит распространяться, так как их значение понятно всем и каждому. Что касается резервов второго рода, значение которых не всегда ясно, то нужно сказать, что они имеют иногда первостепенное значение для хода революции. Едва ли можно отрицать громадное значение, например, того конфликта между мелкобуржуазной демократией (эсеры) и либерально-монархической буржуазией (кадеты) во время первой революции и после неё, который, несомненно, сыграл свою роль в деле высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии. Ещё меньше оснований отрицать колоссальное значение факта смертельной войны между основными группами империалистов в период Октябрьского переворота, когда империалисты, занятые войной между собой, не имели возможности сосредоточить силы против молодой Советской власти, а пролетариат именно поэтому получил возможность взяться вплотную за организацию своих

сил, за укрепление своей власти и подготовить разгром Колчака и Деникина. Надо полагать, что теперь, когда противоречия между империалистическими группами всё более углубляются и когда новая война между ними становится неизбежной, резервы такого рода будут иметь для пролетариата всё более серьёзное значение.

Задача стратегического руководства состоит в том, чтобы правильно использовать все эти резервы для достижения основной цели революции на данном этапе её развития.

В чём состоит правильное использование резервов?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие.

Во-первых. Сосредоточение главных сил революции в решающий момент на наиболее уязвимом для противника пункте, когда революция уже назрела, когда наступление идёт на всех парах, когда восстание стучится в дверь и когда подтягивание резервов к авангарду является решающим условием успеха. Примером, демонстрирующим такого рода использование резервов, можно считать стратегию партии за период апрель — октябрь 1917 года. Несомненно, что наиболее уязвимым пунктом противника в этот период была война. Несомненно, что именно на этом вопросе, как основном, собрала партия вокруг пролетарского авангарда широчайшие массы населения. Стратегия партии в этот период сводилась к тому, чтобы, обучая авангард уличным выступлениям путём манифестаций и демонстраций, подтягивать вместе с тем к авангарду резервы через Советы в тылу и солдатские комитеты на фронте. Исход революции показал, что использование резервов было правильное.

Вот что говорит Ленин об этом условии стратегического использования сил революции, перефразируя известные положения Маркса и Энгельса о восстании:

«1) Никогда **не играть** с восстанием, а, начиная его, знать твёрдо, что надо **идти до конца.**

2) Необходимо собрать **большой перевес сил** в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей **решительностью** и непременно, безусловно переходить **в наступление.** «Оборона есть смерть вооружённого восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться **ежедневно** хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, **«моральный перевес»»** (см. т. XXI, стр. 319—320).

Во-вторых. Выбор момента решающего удара, момента открытия восстания, рассчитанный на то, что кризис дошёл до высшей точки, что готовность авангарда биться до конца, готовность резерва поддержать авангард и максимальная растерянность в рядах противника — имеются уже налицо.

Решительное сражение, — говорит Ленин, — можно считать вполне назревшим, **если** «(1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам»; **если** «(2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством»; **если** «(3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно-смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, **вот тогда наша**

победа, если мы верно учли все намеченные выше ... условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена» (см. т. XXV, стр. 229).

Образцом такой стратегии можно считать проведение Октябрьского восстания.

Нарушение этого условия ведёт к опасной ошибке, называемой «потерей темпа», когда партия отстаёт от хода движения или забегает далеко вперёд, создавая опасность провала. Примером такой «потери темпа», примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического совещания в сентябре 1917 года, когда в Советах чувствовалось еще колебание, фронт находился еще на перепутьи, резервы не были еще подтянуты к авангарду.

В-третьих. Неуклонное проведение уже принятого курса через все и всякие затруднения и осложнения на пути к цели, необходимое для того, чтобы авангард не терял из виду основной цели борьбы, а массы не сбивались с пути, идя к этой цели и стараясь сплачиваться вокруг авангарда. Нарушение этого условия ведёт к громадной ошибке, хорошо известной морякам под именем «потери курса». Примером такой «потери курса» нужно считать ошибочное поведение нашей партии непосредственно после Демократического совещания, принявшей решение об участии в предпарламенте. Партия как бы забыла в этот момент, что предпарламент есть попытка буржуазии перевести страну с пути Советов на путь буржуазного парламентаризма, что участие партии в таком учреждении может спутать все карты и сбить с пути рабочих и крестьян, ведущих революционную борьбу под лозунгом: «Вся власть Советам!».

Эта ошибка была исправлена уходом большевиков из предпарламента.

В-четвёртых. Маневрирование резервами, рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно, когда принять бой, навязываемый противником, заведомо невыгодно, когда отступление становится при данном соотношении сил единственным средством вывести авангард из-под удара и сохранить за ним резервы.

«Революционные партии, — говорит Ленин, — должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, — что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (см. т. XXV, стр. 177).

Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина.

«Заключая сепаратный мир, — говорил тогда Ленин, — мы в наибольшей, **возможной для данного момента** степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции» (см. т. XXII, стр. 198).

«Теперь даже последний дурак» видит, — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — «что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» (см. т. XXVII, стр. 7).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность стратегического руководства.

5) **Тактическое руководство.** Тактическое руководство есть часть стратегического руководства, подчинённая задачам и требованиям последнего. Задача тактического руководства состоит в том, чтобы овладеть всеми формами борьбы и организации пролетариата и обеспечить правильное их использование для того, чтобы добиться максимума результатов при данном соотношении сил, необходимого для подготовки стратегического успеха.

В чём состоит правильное использование форм борьбы и организации пролетариата?

В выполнении некоторых необходимых условий, из которых главными условиями нужно считать следующие:

Во-первых. Выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые, более всего соответствуя условиям данного прилива или отлива движения, способны облегчить и обеспечить подвод масс к революционным позициям, подвод миллионных масс к фронту революции, их размещение на фронте революции.

Дело идёт не о том, чтобы авангард сознал невозможность сохранения старых порядков и неизбежность их ниспровержения. Дело идёт о том, чтобы массы, миллионные массы поняли эту неизбежность и проявили готовность поддержать авангард. Но понять это могут массы лишь путём собственного опыта. Дать

миллионным массам возможность распознать на своём собственном опыте неизбежность свержения старой власти, выдвинуть такие способы борьбы и такие формы организации, которые бы облегчили массам на опыте распознать правильность революционных лозунгов, — в этом задача.

Авангард оторвался бы от рабочего класса, а рабочий класс утерял бы связи с массами, если бы партия не решила в своё время принять участие в Думе, если бы она не решила сосредоточить силы на думской работе и развернуть борьбу на основе этой работы с тем, чтобы облегчить массам на собственном опыте распознать никчёмность Думы, лживость кадетских обещаний, невозможность соглашения с царизмом, неизбежность союза крестьянства с рабочим классом. Без опыта масс в период Думы разоблачение кадетов и гегемонии пролетариата были бы невозможны.

Опасность тактики отзовизма состояла в том, что она грозила отрывом авангарда от его миллионных резервов.

Партия оторвалась бы от рабочего класса, а рабочий класс лишился бы влияния в широких массах крестьян и солдат, если бы пролетариат пошёл по стопам «левых» коммунистов, звавших к восстанию в апреле 1917 года, когда меньшевики и эсеры не успели еще разоблачить себя, как сторонников войны и империализма, когда массы еще не успели распознать на своём собственном опыте лживость меньшевистско-эсеровских речей о мире, о земле, о воле. Без опыта масс в период керенщины меньшевики и эсеры не были бы изолированы, и диктатура пролетариата была бы невозможна. Поэтому тактика «терпеливого разъяснения» ошибок

мелкобуржуазных партий и открытой борьбы внутри Советов была единственно правильной тактикой.

Опасность тактики «левых» коммунистов состояла в том, что она грозила превратить партию из вождя пролетарской революции в кучку пустых и беспочвенных заговорщиков.

«С одним авангардом, — говорит Ленин, — победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему... было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетённых капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтверждённый теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре всё бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, всё лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и К° в Германии), как единственный альтернатив по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму» (см. т. XXV, стр. 228).

Во-вторых. Нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха.

Дело идёт о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом

и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач.

Значение этого положения можно было бы демонстрировать на двух примерах, из которых один можно было бы взять из далёкого прошлого (период образования партии), а другой — из наиболее близкого нам настоящего (период нэпа).

В период образования партии, когда бесчисленное множество кружков и организаций не было еще связано между собой, когда кустарничество и кружковщина разъедали партию сверху донизу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии, — в этот период основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией, оказалось создание общерусской нелегальной газеты («Искра»). Почему? Потому, что только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних условиях создать спевшееся ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить, таким образом, фундамент для образования действительной партии.

В период перехода от войны к хозяйственному строительству, когда промышленность прозябала в когтях разрухи, а сельское хозяйство страдало от недостатка городских изделий, когда смычка государственной индустрии с крестьянским хозяйством превратилась в основное условие успешного социалистического строительства, — в этот период основным звеном в цепи процессов, основной задачей в ряду других задач оказалось развитие торговли. Почему? Потому, что в условиях нэпа смычка индустрии с крестьянским

хозяйством невозможна иначе, как через торговлю, потому, что производство без сбыта в условиях нэпа является смертью для индустрии, потому, что индустрию можно расширить лишь через расширение сбыта путём развития торговли, потому, что, только укрепившись в области торговли, только овладев торговлей, только овладев этим звеном, можно будет надеяться сомкнуть индустрию с крестьянским рынком и успешно разрешить другие очередные задачи для того, чтобы создать условия для постройки фундамента социалистической экономики.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще... — говорит Ленин. — Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»...

«В данный момент... таким звеном является оживление внутренней **торговли** при её правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., **«за которое надо всеми силами ухватиться»**...» (см. т. XXVII, стр. 82).

Таковы главные условия, обеспечивающие правильность тактического руководства.

6) **Реформизм и революционизм.** Чем отличается революционная тактика от тактики реформистской?

Иные думают, что ленинизм против реформ, против компромиссов и соглашений вообще. Это совершенно неверно. Большевики знают не меньше, чем всякий другой, что в известном смысле «всякое даяние благо», что при известных условиях реформы вообще, компромиссы и соглашения в частности — необходимы и полезны.

«Вести войну, — говорит Ленин, — за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную,

сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперёд отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?» (см. т. XXV, стр. 210).

Дело, очевидно, не в реформах или компромиссах и соглашениях, а в том употреблении, которое делают люди из реформ и соглашений.

Для реформиста реформа — всё, революционная же работа — так себе, для разговора, для отвода глаз. Поэтому реформа при реформистской тактике в условиях существования буржуазной власти неизбежно превращается в орудие укрепления этой власти, в орудие разложения революции.

Для революционера же, наоборот, главное — революционная работа, а не реформа, — для него реформа есть побочный продукт революции. Поэтому реформа при революционной тактике в условиях существования буржуазной власти, естественно, превращается в орудие разложения этой власти, в орудие укрепления революции, в опорный пункт для дальнейшего развития революционного движения.

Революционер приемлет реформу для того, чтобы использовать её, как зацепку для сочетания легальной работы с работой нелегальной, для того, чтобы использовать её, как прикрытие для усиления нелегальной

работы на предмет революционной подготовки масс к свержению буржуазии.

В **этом** суть революционного использования реформ и соглашений в условиях империализма.

Реформист же, наоборот, приемлет реформы для того, чтобы отказаться от всякой нелегальной работы, подорвать дело подготовки масс к революции и почить под сенью «дарованной» реформы.

В **этом** суть реформистской тактики.

Так обстоит дело с реформами и соглашениями в условиях империализма.

Дело, однако, меняется несколько после свержения империализма, при диктатуре пролетариата. При известных условиях, при известной обстановке пролетарская власть может оказаться вынужденной сойти временно с пути революционной перестройки существующих порядков на путь постепенного их преобразования, «на путь реформистский», как говорит Ленин в известной статье «О значении золота» [32], на путь обходных движений, на путь реформ и уступок непролетарским классам для того, чтобы разложить эти классы, дать революции передышку, собраться с силами и подготовить условия для нового наступления. Нельзя отрицать, что этот путь является в известном смысле «реформистским» путём. Следует только помнить, что мы имеем здесь одну коренную особенность, состоящую в том, что реформа исходит в данном случае от пролетарской власти, что она укрепляет пролетарскую власть, что она даёт ей необходимую передышку, что она призвана разложить не революцию, а непролетарские классы.

Реформа при таких условиях превращается, таким образом, в свою противоположность.

Проведение такой политики со стороны пролетарской власти становится возможным потому, и только потому, что размах революции в предыдущий период был достаточно велик, и дал он, таким образом, достаточно широкий простор для того, чтобы можно было куда отступить, заменив тактику наступления тактикой временного отступления, тактикой обходных движений.

Таким образом, если раньше, при буржуазной власти, реформы являлись побочным продуктом революции, то теперь, при диктатуре пролетариата, источником реформ являются революционные завоевания пролетариата, накопившийся резерв в руках пролетариата, состоящий из этих завоеваний.

«Отношение реформ к революции, — говорит Ленин, — определено точно и правильно только марксизмом, причём Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остаётся тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма... После победы они (т.е. реформы. **И. Ст.**) (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, нехватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа даёт такой «запас сил», что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле» (см. т. XXVII, стр. 84—85).

VIII
ПАРТИЯ

В период предреволюционный, в период более или менее мирного развития, когда партии II Интернационала представляли в рабочем движении господствующую силу, а парламентские формы борьбы считались основными формами, — в этих условиях партия не имела и не могла иметь того серьёзного и решающего значения, которое она приобрела потом в условиях открытых революционных схваток. Защищая II Интернационал от нападок, Каутский говорит, что партии II Интернационала являются инструментом мира, а не войны, что именно поэтому они оказались не в силах предпринять что-либо серьёзное во время войны, в период революционных выступлений пролетариата. Это совершенно верно. Но что это значит? Это значит, что партии II Интернационала непригодны для революционной борьбы пролетариата, что они являются не боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что в период господства оппортунистов II Интернационала основной политической организацией пролетариата являлась не партия, а парламентская фракция. Известно, что на деле партия в этот период была придатком и обслуживающим элементом парламентской фракции. Едва ли нужно доказывать, что в таких условиях и с такой партией во главе не могло быть и речи о подготовке пролетариата к революции.

Дело, однако, изменилось в корне с наступлением нового периода. Новый период есть период открытых

столкновений классов, период революционных выступлений пролетариата, период пролетарской революции, период прямой подготовки сил к свержению империализма, к захвату власти пролетариатом. Этот период ставит перед пролетариатом новые задачи о перестройке всей партийной работы на новый, революционный лад, о воспитании рабочих в духе революционной борьбы за власть, о подготовке и подтягивании резервов, о союзе с пролетариями соседних стран, об установлении прочных связей с освободительным движением колоний и зависимых стран и т. д. и т. п. Думать, что эти новые задачи могут быть разрешены силами старых социал-демократических партий, воспитанных в мирных условиях парламентаризма, — значит обречь себя на безнадёжное отчаяние, на неминуемое поражение. Оставаться с такими задачами на плечах при старых партиях во главе — значит оказаться в состоянии полного разоружения. Едва ли нужно доказывать, что пролетариат не мог примириться с таким положением.

Отсюда необходимость новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели.

Без такой партии нечего и думать о свержении империализма, о завоевании диктатуры пролетариата.

Эта новая партия есть партия ленинизма.

В чём состоят особенности этой новой партии?

1) **Партия, как передовой отряд рабочего класса.** Партия должна быть, прежде всего, **передовым** отрядом

рабочего класса. Партия должна вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата. Но, чтобы быть действительно передовым отрядом, партия должна быть вооружена революционной теорией, знанием законов движения, знанием законов революции. Без этого она не в силах руководить борьбой пролетариата, вести за собой пролетариат. Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрированием того, что̀ переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения, если она не умеет подняться выше минутных интересов пролетариата, если она не умеет поднимать массы до уровня понимания классовых интересов пролетариата. Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса, она должна вести за собой пролетариат, а не тащиться в хвосте за стихийностью. Партии II Интернационала, проповедующие «хвостизм», являются проводниками буржуазной политики, обрекающей пролетариат на роль орудия в руках буржуазии. Только партия, ставшая на точку зрения передового отряда пролетариата и способная поднимать массы до уровня понимания классовых интересов пролетариата, — только такая партия способна совлечь рабочий класс с пути тред-юнионизма и превратить его в самостоятельную политическую силу.

Партия есть политический вождь рабочего класса.

Я говорил выше о трудностях борьбы рабочего класса, о сложности обстановки борьбы, о стратегии и

тактике, о резервах и маневрировании, о наступлении и отступлении. Эти условия не менее сложны, если не более, чем условия войны. Кто может разобраться в этих условиях, кто может дать правильную ориентировку миллионным массам пролетариев? Ни одна армия на войне не может обойтись без опытного штаба, если она не хочет обречь себя на поражение. Разве не ясно, что пролетариат тем более не может обойтись без такого штаба, если он не хочет отдать себя на съедение своим заклятым врагам? Но где этот штаб? Этим штабом может быть только революционная партия пролетариата. Рабочий класс без революционной партии — это армия без штаба.

Партия есть боевой штаб пролетариата.

Но партия не может быть только **передовым** отрядом. Она должна быть вместе с тем отрядом **класса**, частью класса, тесно связанной с ним всеми корнями своего существования. Различие между передовым отрядом и остальной массой рабочего класса, между партийными и беспартийными не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, пока пролетариат будет пополняться выходцами из других классов, пока рабочий класс в целом будет лишён возможности подняться до уровня передового отряда. Но партия перестала бы быть партией, если бы это различие превратилось в разрыв, если бы она замкнулась в себе и оторвалась от беспартийных масс. Партия не может руководить классом, если она не связана с беспартийными массами, если нет смычки между партией и беспартийными массами, если эти массы не приемлют её руководства, если партия не пользуется в массах моральным и политическим кредитом.

Недавно были приняты в нашу партию двести тысяч новых членов из рабочих. Замечательно тут то обстоятельство, что эти люди не столько сами пришли в партию, сколько были посланы туда всей остальной беспартийной массой, которая принимала активное участие в приёме новых членов и без одобрения которой не принимались новые члены. Этот факт говорит о том, что широкие массы беспартийных рабочих считают нашу партию **своей** партией, партией **близкой** и **родной**, в расширении и укреплении которой они кровно заинтересованы и руководству которой они добровольно вверяют свою судьбу. Едва ли нужно доказывать, что без этих неуловимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса.

Партия есть неразрывная часть рабочего класса.

«Мы, — говорит Ленин, — партия класса, и потому **почти весь класс** (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии, как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать,что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоёв) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда **поднимать** всё более и более обширные слои до этого передового уровня» (см. т. VI, стр. 205—206).

2) **Партия, как организованный отряд рабочего класса.** Партия не есть только **передовой** отряд рабочего класса. Если она хочет действительно руководить борьбой класса, она должна быть вместе с тем **организованным** отрядом своего класса. Задачи партии в условиях капитализма чрезвычайно велики и разнообразны. Партия должна руководить борьбой пролетариата при чрезвычайно трудных условиях внутреннего и внешнего развития, она должна вести пролетариат в наступление, когда обстановка требует наступления, она должна вывести пролетариат из-под удара сильного противника, когда обстановка требует отступления, она должна вносить в миллионные массы неорганизованных беспартийных рабочих дух дисциплины и планомерности в борьбе, дух организованности и выдержки. Но партия может выполнить эти задачи лишь в том случае, если она сама является олицетворением дисциплины и организованности, если она сама является **организованным** отрядом пролетариата. Без этих условий не может быть и речи о действительном руководстве со стороны партии миллионными массами пролетариата.

Партия есть организованный отряд рабочего класса.

Мысль о партии, как об организованном целом, закреплена в известной формулировке Ленина первого пункта устава нашей партии, где партия рассматривается как **сумма** организаций, а члены партии — как члены одной из организаций партии. Меньшевики, возражавшие против этой формулировки еще в 1903 году, предлагали взамен её «систему» самозачисления в партию, «систему» распространения «звания» члена партии на каждого «профессора» и «гимназиста», каждого

«сочувствующего» и «стачечника», поддерживающего партию так или иначе, но не входящего и не желающего входить ни в одну из партийных организаций. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная «система», если бы она укрепилась в нашей партии, неминуемо привела бы к переполнению партии профессорами и гимназистами и к вырождению её в расплывчатое, неоформленное, дезорганизованное «образование», теряющееся в море «сочувствующих», стирающее грань между партией и классом и опрокидывающее задачу партии о поднятии неорганизованных масс до уровня передового отряда. Нечего и говорить, что при такой оппортунистической «системе» наша партия не смогла бы выполнить роли организующего ядра рабочего класса в ходе нашей революции.

«С точки зрения тов. Мартова, — говорит Ленин, — граница партии остаётся совершенно неопределённой, ибо «каждый стачечник» может «объявлять себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия». Вред её — внесение **дезорганизующей** идеи о смешении класса и партии» (см. т. VI, стр. 211).

Но партия не есть только **сумма** партийных организаций. Партия есть, вместе с тем, единая **система** этих организаций, их формальное объединение в единое целое, с высшими и низшими органами руководства, с подчинением меньшинства большинству, с практическими решениями, обязательными для всех членов партии. Без этих условий партия не в состоянии быть единым организованным целым, способным осуществить планомерное и организованное руководство борьбой рабочего класса.

«**Прежде,** — говорит Ленин, — наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. **Теперь** мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших» (см. т. VI, стр. 291).

Принцип подчинения меньшинства большинству, принцип руководства партийной работой из центра нередко вызывает нападки со стороны неустойчивых элементов, обвинения в «бюрократизме», «формализме» и т. д. Едва ли нужно доказывать, что планомерная работа партии, как целого, и руководство борьбой рабочего класса были бы невозможны без проведения этих принципов. Ленинизм в организационном вопросе есть неуклонное проведение этих принципов. Борьбу с этими принципами Ленин называет «русским нигилизмом» и «барским анархизмом», заслуживающим того, чтобы быть высмеянным и отброшенным прочь.

Вот что говорит Ленин об этих неустойчивых элементах в своей книге «Шаг вперёд»:

«Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением»..., разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колёсики и винтики»..., упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное... замечание, что можно бы и вовсе без устава».

«Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок... Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты

формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на моё согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, тёплой компании» * (см. т. VI, стр. 310 и 287).

3) **Партия, как высшая форма классовой организации пролетариата.** Партия есть организованный отряд рабочего класса. Но партия не является единственной организацией рабочего класса. У пролетариата имеется ещё целый ряд других организаций, без которых он не может вести успешную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации, союзы молодёжи, революционно-боевые организации (во время открытых революционных выступлений), Советы депутатов, как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д. Громадное большинство этих организаций являются беспартийными, и только некоторая часть из них примыкает прямо к партии или составляет её разветвление. Все эти организации при известных условиях абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообразных сферах борьбы, ибо без них невозможно закалить пролетариат как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими. Но как осуществить единое руководство

* Речь идёт о «компании» Аксельрода, Мартова, Потресова и др., не подчинявшихся решениям II съезда и обвинявших Ленина в «бюрократизме». **И. Ст.**

при таком обилии организаций? Где гарантия, что наличие множества организаций не поведёт к разнобою в руководстве? Могут сказать, что каждая из этих организаций ведёт работу в своей обособленной сфере и что они не могут поэтому мешать друг другу. Это, конечно, верно. Но верно и то, что все эти организации должны вести работу в одном направлении, ибо они обслуживают один класс, класс пролетариев. Спрашивается: кто определяет ту линию, то общее направление, по которому должны вести свою работу все эти организации? Где та центральная организация, которая не только способна, ввиду наличия необходимого опыта, выработать эту общую линию, но имеет еще возможность, ввиду наличия достаточного для этого авторитета, побудить все эти организации провести в жизнь эту линию для того, чтобы добиться единства в руководстве и исключить возможность перебоев?

Такой организацией является партия пролетариата.

Партия имеет для этого все данные, потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслужи-

вающие органы и приводные ремни, соединяющие её с классом.

Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата.

Это не значит, конечно, что беспартийные организации, профсоюзы, кооперативы и т. д., должны быть формально подчинены партийному руководству. Дело идёт лишь о том, чтобы члены партии, входящие в состав этих организаций, как люди, несомненно, влиятельные, принимали все меры убеждения к тому, чтобы беспартийные организации сближались в своей работе с партией пролетариата и добровольно принимали её политическое руководство.

Вот почему говорит Ленин, что партия есть «**высшая** форма классового объединения пролетариев», политическое руководство которой должно быть распространено на все другие формы организации пролетариата (см. т. XXV, стр. 194).

Вот почему оппортунистическая теория «независимости» и «нейтральности» беспартийных организаций, плодящая **независимых** парламентариев и **оторванных** от партии деятелей печати, **узколобых** профессионалистов и **омещанившихся** кооператоров, — является совершенно несовместимой с теорией и практикой ленинизма.

4) **Партия, как орудие диктатуры пролетариата.** Партия есть высшая форма организации пролетариата. Партия является основным руководящим началом внутри класса пролетариев и среди организаций этого класса. Но из этого вовсе не следует, что партию можно рассматривать как самоцель, как самодовлеющую силу. Партия есть не только высшая форма классового объединения пролетариев, — она есть вместе с тем

орудие в руках пролетариата для завоевания диктатуры, когда она еще не завоёвана, для укрепления и расширения диктатуры, когда она уже завоёвана. Партия не могла бы подняться так высоко в своём значении, и она не могла бы покрыть собой все остальные формы организации пролетариата, если бы пролетариат не стоял перед вопросом о власти, если бы условия империализма, неизбежность войн, наличие кризиса не требовали концентрации всех сил пролетариата в одном пункте, сосредоточения всех нитей революционного движения в одном месте для того, чтобы свергнуть буржуазию и завоевать диктатуру пролетариата. Партия нужна пролетариату прежде всего как свой боевой штаб, необходимый для успешного захвата власти. Едва ли нужно доказывать, что без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру.

Но партия нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она ещё больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить её в интересах полной победы социализма.

«Наверное, теперь уже почти всякий видит, — говорит Ленин, — что большевики не продержались бы у власти не то что $2^1/_2$ года, но и $2^1/_2$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки её всей массой рабочего класса, т. е. всем, что̀ есть в нём мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои» (см. т. XXV, стр. 173).

Но что значит «удержать» и «расширить» диктатуру? Это значит — внести в миллионные массы пролетариев

дух дисциплины и организованности; это значит — создать в пролетарских массах скрепу и оплот против разъедающих влияний мелкобуржуазной стихии и мелкобуржуазных привычек; это значит — подкрепить организаторскую работу пролетариев по перевоспитанию и переделке мелкобуржуазных слоёв; это значит — помочь пролетарским массам воспитать себя, как силу, способную уничтожить классы и подготовить условия для организации социалистического производства. Но проделать всё это невозможно без партии, сильной своей сплочённостью и дисциплиной.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закалённой в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XXV, стр. 190).

Партия нужна пролетариату для того, чтобы завоевать и удержать диктатуру. Партия есть орудие диктатуры пролетариата.

Но из этого следует, что с исчезновением классов, с отмиранием диктатуры пролетариата должна отмереть и партия.

5) **Партия, как единство воли, несовместимое с существованием фракций.** Завоевание и удержание диктатуры пролетариата невозможно без партии, сильной своей сплочённостью и железной дисциплиной. Но железная дисциплина в партии немыслима без единства воли, без полного и безусловного единства действия всех членов партии. Это не значит, конечно, что тем

самым исключается возможность борьбы мнений внутри партии. Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает критику и борьбу мнений внутри партии. Это, тем более, не значит, что дисциплина должна быть «слепой». Наоборот, железная дисциплина не исключает, а предполагает сознательность и добровольность подчинения, ибо только сознательная дисциплина может быть действительно железной дисциплиной. Но после того, как борьба мнений кончена, критика исчерпана и решение принято, единство воли и единство действия всех членов партии является тем необходимым условием, без которого немыслимы ни единая партия, ни железная дисциплина в партии.

«В нынешнюю эпоху обострённой гражданской войны, — говорит Ленин, — коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если её партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии» (см. т. XXV, стр. 282—283).

Так обстоит дело с дисциплиной в партии в условиях борьбы перед завоеванием диктатуры.

То же самое надо сказать о дисциплине в партии, но еще в большей степени, после завоевания диктатуры.

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет, — говорит Ленин, — железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (см. т. XXV, стр. 190).

Но из этого следует, что существование фракций несовместимо ни с единством партии, ни с её железной дисциплиной. Едва ли нужно доказывать, что наличие фракций ведёт к существованию нескольких центров,

существование же нескольких центров означает отсутствие общего центра в партии, разбивку единой воли, ослабление и разложение дисциплины, ослабление и разложение диктатуры. Конечно, партии II Интернационала, борющиеся против диктатуры пролетариата и не желающие вести пролетариев к власти, могут позволить себе такой либерализм, как свободу фракций, ибо они вовсе не нуждаются в железной дисциплине. Но партии Коммунистического Интернационала, строящие свою работу на основе задач завоевания и укрепления диктатуры пролетариата, не могут пойти ни на «либерализм», ни на свободу фракций.

Партия есть единство воли, исключающее всякую фракционность и разбивку власти в партии.

Отсюда разъяснение Ленина об «опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата», закреплённое в специальной резолюции X съезда нашей партии «О единстве партии» [33].

Отсюда требование Ленина о «полном уничтожении всякой фракционности» и «немедленном роспуске всех без изъятия образовавшихся на той или иной платформе групп» под страхом «безусловного и немедленного исключения из партии» (см. резолюцию «О единстве партии»).

6) **Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов.** Источником фракционности в партии являются её оппортунистические элементы. Пролетариат не есть замкнутый класс. К нему непрерывно притекают выходцы из крестьян, мещан, интеллигенции, пролетаризированные развитием капитализма. Одновременно происходит процесс разложения

верхушек пролетариата, главным образом из профессионалистов и парламентариев, подкармливаемых буржуазией за счёт колониальной сверхприбыли. «Этот слой обуржуазившихся рабочих, — говорил Ленин, — или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная **социальная** (не военная) **опора буржуазии.** Ибо это настоящие **агенты буржуазии в рабочем** движении, рабочие приказчики класса капиталистов.., настоящие проводники реформизма и шовинизма» (см. т. XIX, стр. 77).

Все эти мелкобуржуазные группы проникают так или иначе в партию, внося туда дух колебания и оппортунизма, дух разложения и неуверенности. Они, главным образом, и являются источником фракционности и распада, источником дезорганизации и взрыва партии изнутри. Воевать с империализмом, имея в тылу таких «союзников», — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых с двух сторон — и с фронта, и с тыла. Поэтому беспощадная борьба с такими элементами, изгнание их из партии является предварительным условием успешной борьбы с империализмом.

Теория «преодоления» оппортунистических элементов путём идейной борьбы внутри партии, теория «изживания» этих элементов в рамках одной партии есть гнилая и опасная теория, грозящая обречь партию на паралич и хроническое недомогание, грозящая отдать партию на съедение оппортунизму, грозящая оставить пролетариат без революционной партии, грозящая лишить пролетариат главного оружия в борьбе с империализмом. Наша партия не смогла бы выйти на широкую

дорогу, она не смогла бы взять власть и организовать диктатуру пролетариата, она не смогла бы выйти из гражданской войны победителем, если бы она имела в своих рядах Мартовых и Данов, Потресовых и Аксельродов. Если нашей партии удалось создать в себе внутреннее единство и небывалую сплочённость своих рядов, то это, прежде всего, потому, что она сумела во-время очиститься от скверны оппортунизма, она сумела изгнать вон из партии ликвидаторов и меньшевиков. Путь развития и укрепления пролетарских партий проходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, социал-империалистов и социал-шовинистов, социал-патриотов и социал-пацифистов.

Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов.

«Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, — говорит Ленин, — **нельзя** победить в пролетарской революции, **нельзя** отстоять её. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии... В России **много раз** бывали трудные положения, когда **наверняка** был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии... в Италии, где, по общему признанию, дело идёт к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, туратианцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов... Накануне революции и в моменты самой ожесточённой борьбы за её победу малейшие колебания внутри партии способны **погубить всё**, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на неё слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди

отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию» (см. т. XXV, стр. 462, 463, 464).

IX

СТИЛЬ В РАБОТЕ

Речь идёт не о литературном стиле. Я имею в виду стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике ленинизма, которое создаёт особый тип ленинца-работника. Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе.

В чём состоят характерные черты этого стиля? Каковы его особенности?

Этих особенностей две:

а) русский революционный размах и

б) американская деловитость.

Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе.

Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперёд, ломает прошлое, даёт перспективу. Без него невозможно никакое движение вперёд.

Но русский революционный размах имеет все шансы выродиться на практике в пустую «революционную» маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе. Примеров такого вырождения — хоть отбавляй. Кому не известна болезнь «революционного» сочинительства и «революционного» планотвор-

чества, имеющая своим источником веру в силу декрета, могущего всё устроить и всё переделать? Один из русских писателей, И. Эренбург, изобразил в рассказе «Ускомчел» (Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью «большевика», который задался целью набросать схему идеально усовершенствованного человека и... «утоп» в этой «работе». В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнь — это несомненно. Но никто, кажется, не издевался над такими больными так зло и беспощадно, как Ленин. «Коммунистическое чванство» — так третировал он эту болезненную веру в сочинительство и декретотворчество.

«Коммунистическое чванство — значит то,—говорит Ленин,— что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием» (см. т. XXVII, стр. 50—51).

«Революционному» пустозвонству Ленин обычно противопоставлял простые и будничные дела, подчёркивая этим, что «революционное» сочинительство противно и духу, и букве подлинного ленинизма.

«Поменьше пышных фраз, — говорит Ленин, — побольше **простого, будничного,** дела...».

«Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым... фактам коммунистического строительства...» (см. т. XXIV, стр. 343 и 335).

Американская деловитость является, наоборот, противоядием против «революционной» маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признаёт преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело,

если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьёзная строительная работа.

Но ~~американская~~ деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если её не соединить с русским революционным размахом. Кому не известна болезнь узкого практицизма и беспринципного делячества, приводящего нередко некоторых «большевиков» к перерождению и к отходу их от дела революции? Эта своеобразная болезнь получила своё отражение в рассказе Б. Пильняка «Голый год», где изображены типы русских «большевиков», полных воли и практической решимости, «фукцирующих» весьма «энегрично», но лишённых перспективы, не знающих «что к чему» и сбивающихся, ввиду этого, с пути революционной работы. Никто так едко не издевался над этой деляческой болезнью, как Ленин. «Узколобый практицизм», «безголовое делячество» — так третировал эту болезнь Ленин. Он противопоставлял ей обычно живое революционное дело и необходимость революционных перспектив во всех делах нашей повседневной работы, подчёркивая тем самым, что беспринципное делячество столь же противно подлинному ленинизму, сколь противно «революционное» сочинительство.

Соединение русского революционного размаха с ~~американской~~ деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе.

Только такое соединение даёт нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе.

«Правда» №№ 96, 97, 103,
105, 107, 108, 111;
26 и 30 апреля,
9, 11, 14, 15 и 18 мая 1924 г.

XIII СЪЕЗД РКП(б)[34]

23—31 мая 1924 г.

«Правда» №№ 118 и 119;
27 и 28 мая 1924 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ОТЧЁТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

24 мая

Товарищи! Общую обстановку, создавшуюся за год в стране и вокруг партии, можно характеризовать, как обстановку благоприятную. Основные факты: подъём в хозяйстве страны, рост активности вообще, рост активности рабочего класса в особенности, оживление партийной жизни.

Вопрос сводится к тому, насколько удалось партии использовать за год эту обстановку для того, чтобы усилить своё влияние в массовых организациях, окружающих партию, насколько ей удалось улучшить свой состав, улучшить свою работу вообще, улучшить учёт ответственных работников, их распределение, их выдвижение, и, наконец, насколько удалось партии улучшить внутреннюю жизнь своих организаций.

Отсюда восемь вопросов, о которых я буду говорить:

а) состояние массовых организаций, окружающих партию и связывающих её с классом, и рост коммунистического влияния в этих организациях;

б) состояние госаппарата, наркоматского и хозрасчётного, а также низового советского аппарата, и рост коммунистического влияния в этой области;

в) состав партии и ленинский призыв;

г) состав руководящих органов партии, кадры партии и молодняк партийный;

д) работа партии в области агитации и пропаганды, работа в деревне;

е) работа партии в области учёта, распределения и выдвижения ответственных работников, партийных и беспартийных;

ж) внутренняя жизнь партии;

з) выводы.

Мне придётся в дальнейшем привести ряд цифр, ибо без них отчёт будет неполный и неудовлетворительный. Должен при этом оговориться, что в абсолютную точность этих цифр я не верю, ибо статистика у нас хромает, так как элементарное чувство профессиональной чести имеется, к сожалению, не у всех советских статистиков.

Сделав эту необходимую оговорку, я перехожу к цифрам.

1. МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ ПАРТИЮ С КЛАССОМ

а) **Профсоюзы.** В прошлом году в профсоюзах было организовано, по данным статистики, 4 800 тысяч. В этом году 5 млн. Прирост несомненен. Если взять 12 основных производственных союзов, взять число рабочих, занятых в этих производствах, и число организованных, то получится 92% организованности. В основных отраслях промышленности профессиональная организованность даёт 91—92% всего рабочего класса. Это в области индустрии.

Хуже обстоит дело в сельском хозяйстве, где имеется сельскохозяйственных рабочих около 800 тысяч, причём, если взять сельскохозяйственных рабочих, занятых не в государственных предприятиях, то профессиональная организованность составляет 3%.

Что касается коммунистического влияния в союзах, то имеются цифры о председателях губернских советов профессиональных союзов и окружных советов профессиональных союзов. К XII съезду подпольщиков-председателей было 57% с лишним. К нынешнему съезду — только 35%. Убыль. Зато возрос процент вступивших в партию после февраля 1917 года. Объясняется это тем, что число организованных в профессиональные союзы возросло, подпольщиков нехватает, к кадрам на помощь подошёл партийный молодняк. Из этих председателей рабочих было 55%, стало 61%. Улучшение социального состава руководящих органов.

б) **Кооперативы.** В этой области цифры больше, чем в какой-либо другой области, сбивчивы и не внушают доверия. В потребительской кооперации в прошлом году было около 5 миллионов членов. В этом же году около 7 миллионов. Дай бог каждый день новый год, но я не верю в эти цифры, ибо потребкооперация не перешла еще полностью на добровольность, и мёртвые души тут, несомненно, имеются. В сельскохозяйственной кооперации было, будто бы, в прошлом году 2 миллиона (хотя у меня есть цифровые данные, полученные в прошлом году из Сельскосоюза о 4 млн. членов), а в этом году — 1 500 тысяч членов. Падение организованности в области сельскохозяйственной кооперации — несомненное. Партийный состав руководящих органов в центре потребительской кооперации составлял 87%

в прошлом году, а теперь составляет 86%. Убыль. По губсоюзам и райсоюзам было 68% коммунистов, а теперь стало 86%. Усиление влияния. Однако, если поставить вопрос не о «руководящих» органах, а об ответственных работниках, действительно руководящих, то коммунистов среди всех вообще ответственных работников оказывается всего 26%. Эту цифру я считаю более правдоподобной. В сельскохозяйственной кооперации состав руководящих органов даёт цифры: 46% в прошлом году и 55% в нынешнем. А если покопаться и взять ответственных руководителей, то коммунистов среди них оказывается всего 13%.

Вот как у нас умеют некоторые статистики украшать фасад, внешний вид, скрывая от глаз гнилое.

в) **Союз молодёжи.** Число членов и кандидатов в прошлом году было 317 тысяч (хотя у меня имеются цифры за прошлый год, за подписью члена ЦК РКСМ, где указано 400 тыс.), а в этом году число членов и кандидатов составляет 570 тысяч. Несмотря на некоторую сбивчивость в цифрах, рост организованности имеется тут несомненный. Рабочих в РКСМ было в прошлом году 34%, в этом году — 41%; крестьян было в прошлом году 42%, в этом году — 40%. Учащихся в школах фабзавуча в прошлом году было 50 тысяч человек, в этом году — 47 тысяч человек. Число членов РКП(б) во всём союзе молодёжи в прошлом году было около 10%, в этом году — 11%. Рост тоже несомненный.

г) **Объединения работниц и крестьянок.** Основная организация в этой области — делегатские собрания. Здесь путаных цифр сколько угодно, хоть отбавляй, но если разобраться хорошенько, то выходит, что в городах в прошлом году было 37 тысяч делегаток, а

в этом году 46 тысяч, т. е. немного больше, чем в прошлом. В сёлах делегаток в прошлом году было 58 тысяч, а теперь 100 тысяч. Какое количество широких масс крестьянок и работниц объединяют эти делегатки, об этом не удалось мне получить сколько-нибудь точных цифр.

Ввиду особой важности вопроса о вовлечении в советскую и партийную работу работниц и крестьянок, нелишне будет проследить процент участия работниц и крестьянок в профессиональных органах, в Советах, в губернских и уездных комитетах партии. В сельских Советах в прошлом году женщин было всего около 1% (страшно мало). В этом году 2,9% (тоже очень мало), но прирост всё-таки имеется. В волисполкомах было 0,3% женщин в прошлом году, в этом году — 0,5%, — прирост минимальный, о котором не стоит и говорить. В уездных исполкомах в прошлом году было около 2% женщин, а в этом году немного больше 2% (я даю цифры по РСФСР, ибо по всем республикам цифр не имеется). В губисполкомах по РСФСР было в прошлом году 2% с лишком, теперь 3% с лишком. Членов профсоюзов — женщин 26% в этом году, за прошлый год данных не имеется. Членов фабзавкомов — 14%. Членов губотделов — женщин 6%, в центральных комитетах союзов 4% с лишком. В партии было в прошлом году около 8%, стало около 9%. Кандидатов было около 9%, стало около 11%. Всё это до ленинского призыва. В губкомах к XIII съезду было 3% женщин, в укомах — около 6%. Коммунисток в важнейших женских объединениях, делегатских собраниях, было 10%, стало 8%. Уменьшение объясняется ростом числа беспартийных делегаток. Нужно признать, что половина населения нашего Советского Союза — женщины — всё еще

остаётся в стороне, или почти в стороне, от большой дороги советского и партийного строительства.

д) **Армия.** В армии, в военно-учебных заведениях и во флоте общее количество коммунистов уменьшилось с 61 тысячи до 52 тысяч. Это — дефект, подлежащий устранению. В то же время общее количество партийного комсостава увеличилось. К XII съезду коммунистов из комсостава было 13%, теперь мы имеем 18%. Интересен партийный состав армии с точки зрения партстажа. Из 52 тысяч коммунистов, работающих в рядах армии, подпольщиков 0,9%, — нет и одного процента; вступивших после февраля по октябрь 1917 года — 3% с лишним; вступивших до 1919 года — 11%; в 1919 году — 22%; в 1920 году — 23%; в 1921—1923 годах — 20%. Из этого вы видите, что наша армия обслуживается главным образом, если не исключительно, партийным молодняком.

е) **Добровольные организации общественной инициативы.** Обращает на себя внимание тот факт, что за этот год народился новый тип организации — добровольные организации, организации общественной инициативы — всякие культурно-просветительные кружки и общества, спортивные организации, общества содействия, организации рабочих и крестьянских корреспондентов и пр. Число этих организаций растёт непрерывно, причём следует отметить, что среди них имеются не только сочувствующие Советской власти организации, но и враждебные. Если взять РСФСР, то таких организаций общественной инициативы в прошлом году можно было бы насчитать около 78—80, в этом году свыше 300. Если взять организацию физкультуры по РСФСР, то число членов в этой организации составляло в прошлом году

126 тысяч, в этом же году — 375 тысяч. Социальный состав этой организации: рабочих в прошлом году было 35%, теперь — 42%. Основными центрами этих организаций являются фабзавкомы и клубы на заводах, крестьянские комитеты взаимопомощи [35] в деревнях. Обращают на себя внимание организации рабкоров и селькоров, имеющие целью быть выразителями пролетарского общественного мнения. Организации рабкоров охватывают 25 тысяч человек, селькоров — 5 тысяч. Если перейти к составу губернских органов этих организаций, то оказывается, что в прошлом году имелось по РСФСР коммунистов 19%, в этом году 29% с лишним. Наконец, нельзя не упомянуть о новой организации, производившей вчера у нас демонстрацию перед мавзолеем Ленина [36], об организации пионеров, численность которых в прошлом году к июню, по подсчётам нашей статистики (которая, как я уже говорил, хромает несколько), была 75 тысяч, в этом же году к апрелю — свыше 161 тысячи. Среди пионеров детей рабочих в промышленных губерниях 71%, детей крестьян — 7%. По национальным областям в этой организации детей рабочих — 38%. По крестьянским губерниям детей рабочих — 36%.

Так обстоит дело с массовыми организациями, окружающими партию и связывающими её с классом. В основном рост влияния партии в этих организациях несомненен.

2. ГОСАППАРАТ

а) **Численность служащих.** По данным статистики, служащих наркоматских, значит — служащих тех учреждений, которые состоят на государственном

бюджете, было в прошлом году 1 500 тысяч с лишним, в этом году осталось будто бы 1 200 тысяч. Сокращение на 300 тысяч. Но если перейти к учреждениям, работающим на основе хозрасчёта, то оказывается, что в этом году мы имеем в этой области около 200 тысяч (цифр за прошлый год нет), т. е. то, что мы выиграли на учреждениях госбюджетных в смысле сокращения, мы в значительной мере проиграли на учреждениях, работающих на основе хозрасчёта. Я уже не говорю о том, что часть служащих перешла на местный бюджет, т. е. не попала в данное исчисление. В общем, количество служащих осталось то же самое, если не увеличилось. Остаются служащие кооперации, которых было в прошлом году 103 тысячи, теперь 125 тысяч, — увеличение; служащие в профсоюзах, которых было 28 тысяч, теперь 27 тысяч, и служащие в партийном аппарате, которых было 26 тысяч, а теперь 23 тысячи. Всего 1 575 тысяч, не считая служащих на местном бюджете. Как видите, пока нет оснований говорить об успехах по сокращению служащих вообще и особенно служащих госаппарата.

б) **Партсостав высших органов страны.** Если считать членов высших учреждений, членов коллегий, заведующих главными отделами и их помощников (без промышленности), то оказывается, что в 1923 году коммунистов было 83%, в этом году — 86%. Некоторый прогресс, безусловно, имеется, если сравнить с тем состоянием, которое мы переживали года два тому назад. Рабочих в этих руководящих органах было в прошлом году 19%, в этом году — 21%. Мало, но всё-таки есть увеличение.

в) **Партсостав промышленных органов.** Что касается промышленных органов, трестов, синдикатов

и крупнейших предприятий, то мы получаем такую картину: в трестах по СССР во всём аппарате коммунистов было 6% с лишним в прошлом году, в этом году 10% с лишним. В руководящих органах трестов, синдикатов и крупнейших предприятий в прошлом году — 47% с лишним, в этом году — 52% с лишним. Если взять директоров крупнейших предприятий, то в прошлом году мы имели 31%, в этом — 61% коммунистов. По трестам РСФСР во всём аппарате было 9,5% коммунистов, в этом году стало 12% с лишним (около 13%). В руководящем составе трестов РСФСР было 37% коммунистов, теперь — 49%. В синдикатах в прошлом году было 9%, в этом году — 10% во всём аппарате в целом. В руководящем составе синдикатов было 42%, стало 55%.

В общем надо признать, что в хозорганах, если взять руководящий состав, мы имеем около 48—50% коммунистов.

г) Партсостав торговых и кредитных учреждений. Совершенно другую картину представляют наши торговые и кредитные учреждения, приобрёвшие в данный момент исключительное значение во всей нашей экономике. Взять, например, Внуторг, имеющий важнейшее значение во всём нашем развитии. До последней реформы там в центральном учреждении, в руководящем составе было всего только 4% коммунистов. Если взять важнейший орган Внешторга — Госторг, то оказывается, что мы имеем там среди ответственных работников всего 19% коммунистов, причём, что̀ это за коммунисты, вы можете судить по тому, что в центральном учреждении Госторга коммунисты вычищены на 100%. (Смех.) Второй важный орган, имеющий серьёзное

значение во всей экономике, — Хлебопродукт, — представляет следующую картину. По 58 конторам Хлебопродукта, не считая аппарата центрального учреждения, уполномоченных и замов, всего числится 9 900 сотрудников. Из них коммунистов 5,9%, членов РКСМ — 0,7%, а остальные — беспартийные. В органах, ближе всего соприкасающихся с крестьянством, в ссыпных пунктах, во всяких подсобных пунктах и среди агентуры, коммунистов всего 17%. В центральном учреждении Хлебопродукта ответственных работников 137 человек, из них членов РКП(б) 13 человек — 9%. Следует заметить, что партийцы в Хлебопродукте используются в высшей степени нерационально — только 20% из них находятся на ответственной работе, а остальные 80% — низшие служащие. Не лучше обстоит дело в таком кредитном учреждении, как Госбанк. Это — важнейшее кредитное учреждение, имеющее серьёзное значение во всей нашей хозяйственной жизни. Вы знаете силу кредита, — это такая сила, при помощи которой можно разорить или поднять любой слой населения, стòит только пустить в ход так называемый льготный кредит. И вот этот Госбанк во всём аппарате имеет всего 7% коммунистов, в руководящем же составе только 12%, а между тем Госбанк решает судьбы целого ряда предприятий и очень многих хозяйственных учреждений.

д) **Партсостав Советов.** Имеются данные по РСФСР. В сельских Советах было у нас в прошлом году около 6% коммунистов, а нынче стало 7% с лишком. В волисполкомах было 39% с лишком коммунистов, стало 48%. В уисполкомах было 80% с лишком, стало 87% с лишком. В горсоветах уездных городов было 61%,

а стало меньше — 58%. В губисполкомах было 90%, стало 89%. В горсоветах губернских городов было 78%, стало 71%. В этих трёх последних Советах — в горсоветах уездных городов, в губисполкомах и горсоветах губернских городов — влияние беспартийных незначительно, но всё же оно растёт. Что касается пленумов губисполкомов, — имеются данные по 69 губерниям, причём имеются сведения о 2 623 работниках. И что же оказывается? Беспартийных членов пленумов губисполкомов около 11%. Наиболее высокий процент беспартийных мы имеем в Сибири и в Дальневосточной области, где он равен 20. Что касается национальных республик, то там 7% беспартийных. Это — наименьший процент беспартийных в губисполкомах. И это в национальных республиках, где вообще партийных мало!

3. СОСТАВ ПАРТИИ. ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

а) **Численность.** К XII съезду насчитывалось у нас членов и кандидатов партии 485 тысяч с лишком. Нынче насчитывается 472 тысячи без ленинского призыва. С ленинским призывом, если взять данные на 1 мая (до этого числа было принято 128 тысяч), у нас состав определяется в 600 тысяч человек. Если принять, что недели через две ленинский призыв составит не менее 200 тысяч, численность партии можно определить в 670—680 тысяч человек.

б) **Социальный состав партии.** Рабочих было в прошлом году 44,9%, в этом году, без ленинского призыва, 45,75%, — увеличение на 0,8%. Крестьян было 25,7%, теперь стало 24,6%, т. е. убыло на 1,1%. Служащих и прочих было 29% с лишком, теперь стало 29%

с некоторым плюсом, т. е. незначительное увеличение. Если взять социальный состав с ленинским призывом на 1 мая, то членов и кандидатов РКП(б) рабочих оказывается 55,4%, крестьян — 23%, служащих и других — 21,6%.

в) **Состав с точки зрения партстажа.** Вступивших в партию до 1905 года было в прошлом году 0,7%, стало — 0,6%. Вступивших в 1905—1916 годах было 2%, осталось 2%. Вступивших в 1917 году было 9% с лишним, осталось немногим меньше 9%. Вступивших в 1918 году было 16,5%, осталось 15,7%. Вступивших в 1920 году было 31,5%, осталось 30,4%. Вступивших в 1921 году — 10,5%, осталось — 10,1%. Вступивших в 1922 году — цифр за тот год не имеется, сейчас — 3,2%. Вступивших в 1923 году — 2,3%. Всё это без учёта ленинского призыва.

г) **Национальный и половой состав.** Великороссов в партии к XIII съезду — 72%, очевидно после ленинского призыва процент должен увеличиться. Вторая группа — украинцы — 5,88%. Третья группа — евреи — 5,2%. Дальше идут тюркские национальности — 4% с лишним, и за ними другие национальности, вроде латышей, грузин, армян и пр. Женщин — членов партии было к XII съезду 7,8%, стало 8,8%. Кандидаток было 9%, стало 10,5%. По ленинскому набору принято женщин 13% общего числа, что несколько увеличит упомянутый выше процент женщин.

Наконец, коммунистов от станка к 1 декабря 1923 года (членов и кандидатов) — 17%, с ленинским же призывом, если считать цифру 128 тысяч, — 35,3%.

д) **Парторганизованность рабочего класса.** Если считать всю рабочую часть нашей партии, т. е. и то количество, которое имеется налицо к 1 мая, и то количество, которое у нас будет недели через две, когда ленинский призыв дойдёт (пожалуй, перевалит) до 200 тысяч, то общее количество рабочей части нашей партии составит 410 тысяч из общей суммы 672 тысячи. Это составляет в отношении всего промышленного и сельского пролетариата по Союзу, насчитывающего 4 100 тысяч, — 10%.

Мы добились того, что на каждые 100 человек рабочих имеем организованных в партию 10 человек.

4. СОСТАВ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ ПАРТИИ. КАДРЫ И МОЛОДНЯК

а) **Состав местных органов.** Я беру пленумы губкомов и обкомов по 45 организациям. Подпольщики составляют в пленумах губкомов и обкомов 32% с лишним, остальные 67% составляют вступившие в партию попозже: вступившие в 1917 году — 23%, в 1918—1919 годах — 33%, в 1920 году — 9%. В руководящих местных органах, как в губкомах, так и в обкомах, преобладают не подпольщики, а вступившие после Октября. Если взять президиумы губкомов и обкомов по 52-м организациям, по которым имеются данные о партстаже, то вступивших до революции — 49%, после февраля в 1917 году — 19%, вступивших в 1918—1919 годах — 26% и остальных — 6%. Тут мы имеем всё-таки преобладание членов партии, вступивших после февраля в нашу партию. Подпольщиков-заворготделами губернских и областных комитетов к XII съезду

было 27,4%, к XIII съезду — 30%; завагитпропов-подпольщиков к XII съезду — 31%, теперь — 23%. Что касается секретарей губкомов и обкомов, мы имеем обратную тенденцию. Подпольщиков было к XII съезду среди секретарей губкомов и обкомов 62,5%, к настоящему съезду — 71%.

Задача ясна — надо понизить стаж секретарей губкомов.

Состав пленумов укомов по 67 уездам: подпольщиков — 12%; вступивших в 1917 году — 22%; вступивших в 1918—1919 годах — 43%. Секретарей укомов, по данным 248 уездов: подпольщиков к нашему XIII съезду — 25%; вступивших в 1917 году, до Октября — 27%; вступивших до 1919 года — 37%. Секретарей ячеек по 28 губерниям (имеются данные относительно 6 541 секретаря): подпольщиков всего 3% с лишним; основная цифра — 55% — падает на группу вступивших в партию после Октября, в 1917—1918 годах.

По социальному составу в 45 организациях рабочих в этом году было в губкомах и обкомах 48%. В президиумах губкомов и обкомов по 52-м организациям рабочих было 41%. Среди секретарей губкомов и обкомов к XII съезду было рабочих 44,6%, к XIII съезду — 48,6%. В пленумах укомов (по 67 уездам) рабочих было 63,4%. Среди секретарей укомов (по 248 уездам) рабочих — 50%.

Все эти данные относятся к периоду до последних партконференций, губернских и уездных.

Но я получил некоторые данные о результатах последних конференций перед самым съездом партии. Эти данные, касающиеся 11 губерний и 16 областей,

показывают, что число подпольщиков в пленумах губкомов и обкомов уменьшилось до 27%, а число рабочих увеличилось до 53%.

Из этого ясно, что мы имеем дело с двумя тенденциями: с внедрением молодняка в кадры и расширением кадров, с одной стороны, и с улучшением социального состава парторганизаций, с другой.

б) **Состав ЦК и Центральной Контрольной Комиссии.** Если взять кандидатов и членов ЦК, всего 56 человек, то из них рабочих — 44,6%, крестьян и интеллигентов — 55,3%. Нужно, стало быть, расширить ЦК за счёт увеличения его рабочего состава. В ЦКК членов и кандидатов рабочих — 48%, крестьян и интеллигентов — 52%. Тут вывод получается тот же самый. По партстажу подпольщиков в составе членов и кандидатов ЦК — 96%. Это всё вступившие до февраля. Из 56 членов и кандидатов ЦК имеются всего только 2, которые вступили попозже, — это составляет 4%. То же самое и в ЦКК. Из 60 человек — 57 подпольщиков и 3 (это составляет 5%) не подпольщика. Нужно, стало быть, подбавить молодых.

в) **Состав данного съезда.** Всего учтено 742 делегата. Из них рабочих 63,2%, подпольщиков — 48,4%. Остальные более или менее молодые.

5. РАБОТА ПАРТИИ В ОБЛАСТИ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ

а) **Коммунистическое просвещение.** Бросается в глаза большой процент политнеграмотности внутри партии: по некоторым губерниям она доходит до 70%. В среднем по нескольким губерниям центральной России

(проверено 60 тысяч человек) политнеграмотных — 57%; в прошлом году было около 60%. Это один из основных дефектов нашей работы. Очевидно, работа идёт не столько вглубь, сколько вширь. Количество совпартшкол, собственно слушателей совпартшкол, несколько уменьшилось из-за того, что часть совпартшкол перешла на местный бюджет. Число студентов комвузов увеличилось в сравнении с прошлым годом. Придётся их, однако, сократить несколько для того, чтобы соразмерно с наличными средствами улучшить их материальное положение и нажать на углубление коммунистического просвещения. Особо нужно подчеркнуть пропаганду ленинизма, имеющую решающее значение в деле коммунистического просвещения.

б) **Печать.** Газет было у нас в прошлом году 560, в нынешнем стало меньше — 495, но тираж увеличился от $1^1/_2$ миллиона до $2^1/_2$ миллионов. Интересен рост газет на нерусских языках. Мы имеем даже такие республики, где не выходит ни одной русской газеты, например, Армению, где 100% газет выходит на армянском языке. В Грузии 91% газет выходит на грузинском языке. В Белоруссии 88% на нерусском. Рост количества национальных газет наблюдается буквально во всех национальных областях и республиках. Следует обратить внимание на редакторский состав наших периодических органов. Обследовано 287 органов печати, и оказывается, что в этих органах печати подпольщиков-редакторов всего 10%. Наиболее крупные цифры падают на членов партии 1918—1919 годов. Это — дефект, который следовало бы устранить, послав на помощь молодым газетным работникам старых и более опытных.

в) **Работа среди крестьян.** В этой области имеется целый ряд минусов. Советы в деревнях и волостях пока еще являются органами налогового аппарата. Крестьяне расценивают их прежде всего как органы, собирающие налог. Работа местных органов в деревнях, по общим отзывам работников, знающих деревню, такова: политика наша верна, но проводится она на местах неправильно. Состав советских органов в сёлах и волостях оставляет желать очень многого. Плохо влияет на работу администраторский состав ячеек в деревнях. Еще хуже влияют незнание советских законов со стороны близких к деревне работников и неумение разъяснить эти законы деревенской бедноте, неумение защищать на основе советских законов интересы бедноты и средних крестьян против засилья кулака, на основе тех льгот, которые предоставляются бедноте советскими законами. Затем общая ошибка: люди хотят подойти к крестьянину с точки зрения словесной агитации, не понимая, что крестьянину нужна агитация предметная, а не словесная, — агитация, дающая непосредственную пользу. Вовлечение в кооперативы, использование льгот для бедноты, сельскохозяйственный кредит, взаимопомощь, организуемая кресткомами, — вот, прежде всего, какие вопросы могут заинтересовать крестьянина.

6. РАБОТА ПАРТИИ В ОБЛАСТИ УЧЁТА, РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЫДВИЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ

а) **Учёт и распределение.** В прошлом году было учтено ответственных работников около 5 тысяч, в нынешнем году мы имеем учтённых ответственных работников всех масштабов около 15 тысяч. Наш учёт

улучшается, это несомненно. Цифры говорят, что в прошлом году было распределено 10 тысяч всяких работников, из них ответственных 4 тысячи с лишним. В этом году распределено 6 тысяч, из них ответственных 4 тысячи. Основная работа партии по распределению шла вокруг снабжения работниками прежде всего партии, потом органов Высшего совета народного хозяйства и, наконец, органов Наркомфина, главным образом, его налогового аппарата. Все остальные отрасли работы снабжались коммунистами в меньшей степени. Это большая ошибка в нашей работе. В то время, как центр хозяйственной жизни передвинулся на торговлю, мы проявили недостаточно инициативы и решимости к тому, чтобы перейти на путь максимального снабжения активнейшими работниками торговых и кредитных учреждений, их представительств на местах и за границей. Я имею в частности в виду такие органы, как Госторг и Хлебопродукт.

7. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ПАРТИИ

Я не буду перечислять, сколько вопросов было рассмотрено в ЦК и его органах и какого рода вопросы, — это не имеет решающего значения, да об этом уже сказано в письменном отчёте, розданном вам. Я хотел бы только обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, внутренняя жизнь наших организаций, несомненно, улучшилась. Получается впечатление, что организации отстоялись, склок мало, деловая работа идёт. Есть исключения на окраинах, где наряду со старыми работниками, не очень твёрдыми в коммунизме,

растут кадры молодых работников-марксистов, побывавших в Свердловке и других учебных заведениях, сильных в партийной работе и страшно слабых в советской. Эти конфликты на окраинах между молодыми и старыми работниками не скоро еще будут ликвидированы. В этом смысле окраины составляют исключение. Что касается большинства губерний центральной России, то надо считать, что там организации отстоялись, и деловая работа пошла вперёд. Самая склочная республика — Грузия, о которой мы так много говорили на прошлом съезде, нынче оказалась замирённой в партийном отношении. Лучшие люди из бывших уклонистов, вроде Филиппа Махарадзе и Окуджава, окончательно порвали с крайними уклонистами и заявили о своей готовности вести дружную работу.

Во-вторых, в губернских комитетах, и особенно в ЦК партии, за этот год произошло перемещение центра тяжести в работе от бюро или президиумов к пленумам. Раньше пленумы ЦК передоверяли Политбюро решение основных вопросов. Нынче этого уже нет. Нынче основные вопросы нашей политики и нашего хозяйства решаются пленумом. Посмотрите порядок дня наших пленумов, стенограммы, которые раздаются всем губкомам, и вы поймёте, что центр тяжести от Политбюро и Оргбюро переместился к пленуму. Это очень важно в том смысле, что на пленуме у нас собирается человек сто — сто двадцать (это — члены ЦК и ЦКК и кандидаты к ним), и ввиду перемещения центра к пленуму пленум превратился в величайшую школу выработки лидеров рабочего класса, политических руководителей рабочего класса. На наших глазах растут и расцветают новые люди, завтрашние руководители рабочего

класса, — в этом неоценимая важность наших расширенных пленумов.

Характерно, что та же тенденция замечается на местах. Важнейшие вопросы передвигаются из бюро губкомов в пленумы, пленумы расширяются, их заседания становятся более длительными, туда привлекаются все лучшие работники губернии, и, таким образом, пленумы губкомов превращаются в школу лидеров местного и областного значения. Надо добиться того, чтобы эта тенденция на местах, в губерниях и уездах, превратилась в факт.

В-третьих, внутренняя жизнь нашей партии за этот год была небывало интенсивной, она, можно сказать, била ключом. Мы, большевики, привыкли ворочать большими делами и часто, совершая крупнейшие дела, не замечаем этого. Такие факты, как дискуссия и ленинский призыв — нечего и доказывать это — являются крупнейшими событиями в стране и в партии, и они, конечно, не могли не оживить внутреннюю жизнь партии.

О чём говорят эти два факта? О том, что партия наша, пережившая дискуссию, крепка, как скала. О том, что партия наша, принявшая 200 тысяч новых членов по воле и с одобрения всего рабочего класса, является по сути дела выборной партией, выборным органом рабочего класса.

8. ВЫВОДЫ

1. Из массовых организаций, облегающих нашу партию, следует обратить особое внимание на кооперацию и на объединения работниц и крестьянок. Я выделяю

эти организации потому, что они являются в данный момент наиболее угрожаемыми.

а) Несомненно, что аппарат потребительской кооперации, призванный связать государственную индустрию с крестьянским хозяйством, не оказался на высоте задачи. Об этом говорит тот несомненный факт, что крестьянский сектор потребкооперации составляет лишь $^1/_3$ общего числа членов. Надо добиться того, чтобы крестьяне заняли в потребкооперации подобающее им положение. Необходимо коммунистам перенести центр работы из губерний в уезды и районы с тем, чтобы проложить связи к массам крестьянства и превратить, таким образом, потребкооперацию в связующее звено между индустрией и крестьянским хозяйством.

б) Не лучше обстоит дело в сельскохозяйственной кооперации. Путаница в цифрах, уменьшение количества членов за год, — всё это факты, над которыми нужно задуматься. И здесь, как и в потребкооперации, коммунисты должны центр тяжести перенести в уезды и районы — поближе к крестьянским массам, поставив себе целью добиться того, чтобы органы Сельскосоюза на местах не служили прикрытием для кулаческого засилья. Но этого мало. Нужно укрепить коммунистическими силами руководящие органы Сельскосоюза, где дело за последнее время начало не на шутку хромать.

в) Хуже обстоят дела в области работы среди женщин. Правда, делегатские собрания работниц и крестьянок растут и ширятся, но то, чего успели добиться работники женского движения в области агитации, далеко еще не закреплено в организационном отношении,

даже в сотой части необходимого минимума. Процент участия женщин-работниц и крестьянок в Советах, в союзах, в партии говорит об этом с несомненностью. Партия должна принять все меры к тому, чтобы пробел этот был заполнен в ближайшем будущем. Нельзя терпеть положения, при котором половина населения Советского Союза всё еще стоит в стороне от большой дороги советского и партийного развития.

г) Обращают на себя особое внимание добровольные организации общественной инициативы, особенно организации рабкоров и селькоров. Организации рабкоров и селькоров имеют большую будущность. При известных условиях развития эти организации могут сыграть роль величайшего выразителя и могучего проводника воли пролетарского общественного мнения. Вы знаете силу пролетарского общественного мнения в деле обличения и исправления недостатков нашей советской общественности, — она много серьёзнее, чем сила административного давления. Вот почему партия должна оказать всемерную помощь этим организациям.

2. Дело с госаппаратом обращает на себя особое внимание. Неудовлетворительное положение в этой области едва ли может вызвать какое-либо сомнение.

а) Заветы Ленина о сокращении и упрощении государственного аппарата выполнены лишь отчасти, в самой минимальной дозе. Сокращение наркоматских аппаратов на 2—3 сотни тысяч служащих, в то время как сбоку выросли новые аппараты — тресты, синдикаты и пр., — нельзя назвать, собственно говоря, ни сокращением, ни упрощением аппарата. Партия должна принять все меры к тому, чтобы заветы Ленина в этой области были проведены железной рукой.

б) Я вам изложил цифры, говорящие о минимальном проценте участия беспартийных в наших Советах. Товарищи, так дальше жить нельзя, и так дальше строить новое государство невозможно. Без обращения особого внимания на дело вовлечения беспартийных в советскую работу в губернии и уезде серьёзная строительная работа невозможна. Тут можно было бы наметить различные пути. Одним из целесообразных путей можно было бы принять следующее: при отделах губернских и уездных Советов создать секции, либо, ещё лучше, — регулярно собирающиеся деловые совещания для беспартийных — в городе из рабочих, в уездах — из крестьян с тем, чтобы втянуть беспартийных в деловую работу по различным отраслям управления и потом из втягиваемых в деловую работу беспартийных рабочих и крестьян отобрать лучших, наиболее способных и поставить их на государственную работу. Без такого расширения базы городских и уездных Советов, расширения базы советской работы, без вовлечения беспартийных Советы могут серьёзно потерять в своём весе и влиянии.

в) Существует мнение в нашей партии, будто настоящую партийную работу составляет работа в губкомах, обкомах, в уездных комитетах и ячейках. Что касается всех остальных видов работы, то это будто бы не чисто партийная работа. Часто высмеивают людей, работающих в трестах и синдикатах: «оторвались, дескать, от партии». (Голос с места: «Их вычищают».) Вычищать надо некоторых товарищей и в хозорганах, и в парторганизациях. Но я беру не исключительный случай, я беру случай массового характера. Обычно у нас делят партийную работу на две категории:

категорию высшую — это чисто партийная работа в губкомах, обкомах, ячейках, в ЦК, и категорию низшую, называемую партийной работой в кавычках, это — работа во всех советских органах, особенно торговых. Товарищи! Такое отношение к хозяйственникам глубоко противно ленинизму. Каждый хозяйственник, работающий в самой паршивой лавке, в самом паршивом торговом учреждении, если он строит и двигает дело вперёд, он — настоящий партийный работник, заслуживающий полной поддержки со стороны партии. Нельзя двинуться ни на шаг в деле нашего строительства при таком барском, интеллигентском отношении к торговле. Недавно я читал лекцию в Свердловском университете, где говорил о том, что нам, может быть, придётся тысяч десять коммунистов передвинуть из области партийной или промышленной в область торговой работы. Они захохотали. Не желают торговать! Между тем ясно, что все наши разговоры о социалистическом строительстве рискуют выродиться в пустую болтовню, если мы не искореним в партии барско-интеллигентских предрассудков насчёт торговли, и если не овладеем мы, коммунисты, всеми отраслями торговли.

г) Товарищи, никакая строительная работа, никакая государственная работа, никакая плановая работа немыслима без правильного **учёта**. А учёт немыслим без статистики. Учёт без статистики ни на шаг не двинется вперёд. Недавно на конференции Рыков говорил, что в период военного коммунизма у него в ВСНХ был статистик, который сегодня давал одни цифры по одному вопросу, а завтра другие цифры по тому же вопросу. К сожалению, такие статистики у нас еще не вывелись. Работа статистики такова, что отдельные

отрасли целого представляют непрерывные звенья, и если испорчено одно звено, то вся работа рискует быть испорченной. В буржуазном государстве статистик имеет некоторый минимум профессиональной чести. Он не может соврать. Он может быть любого политического убеждения и направления, но что касается фактов, цифр, то он отдаст себя на заклание, но неправды не скажет. Побольше бы нам таких буржуазных статистиков, людей, уважающих себя и обладающих некоторым минимумом профессиональной чести! Если такой постановки работы по статистике у нас не будет, то строительная работа у нас не двинется ни на шаг.

То же самое нужно сказать об **отчётности**. Никакая хозяйственная работа без отчётности двигаться не может. А наши бухгалтера не всегда, к сожалению, отличаются элементарными свойствами обычного буржуазного, честного бухгалтера. Я преклоняюсь перед некоторыми из них, среди них есть честные и преданные работники, но что имеются и паршивые, которые могут сочинить любой отчёт и которые опаснее контрреволюционеров,— это факт. Не преодолев этих недочётов, не ликвидировав их, мы не можем двинуть дальше ни хозяйства страны, ни её торговли.

д) Процент рабочих и коммунистов в руководящих органах некоторых государственных учреждений всё еще минимален и недостаточен. Этот недостаток особенно бьёт в глаза в отношении руководящих учреждений и заграничных представительств торговых органов (внешняя торговля, внутренняя торговля, синдикаты) и кредитных учреждений, имеющих в данный момент решающее значение в жизни и развитии народного

хозяйства и, прежде всего, государственной индустрии. Партия должна принять все меры к тому, чтобы этот пробел был заполнен. Без этого нечего и думать о проведении в жизнь хозяйственно-политических директив партии.

е) До сего времени важнейшим вопросом хозяйственного строительства являлся вопрос об организации и оформлении трестов. Теперь, когда центр переместился в область торговли, на очередь стали вопросы об организации смешанных и акционерных обществ [37] внутренней и внешней торговли. Практика показала, что, если мы и справились с вопросом о трестах, то наши учреждения хромают на обе ноги при решении вопросов о смешанных и акционерных обществах. Есть тенденция добиться организации такого типа торговых учреждений, которые бы сводили к минимуму значение государственного контроля в этом большом деле. Нет сомнения, что партия будет всеми мерами бороться с такого рода тенденцией.

3. Нужно продолжать дальше улучшение состава партии вообще и её руководящих органов в частности. Ни в коем случае не следует рассматривать кадры партии, как нечто замкнутое. Кадры должны расширяться шаг за шагом за счёт партийного молодняка. Партийный молодняк должен пополнять кадры. Без этого существование кадров бесцельно.

4. В области агитации:

а) Плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотности). Ленинский призыв увеличивает процент неграмотности. Нужна систематическая работа по ликвидации этого недочёта. Задача — двинуть это дело вперёд.

б) Плохо обстоит дело с кино. Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача — взять это дело в свои руки.

в) Дело с печатью развивается, но недостаточно. Задача — поднять тираж «Крестьянской Газеты» [38] до миллиона, тираж «Правды» до 600 тысяч и поставить популярную газету ленинского призыва, доведя тираж, по крайней мере, до полумиллиона.

г) Стенные газеты развиваются, но недостаточно. Задача — поддержать корреспондентов стенных газет и двинуть дело вперёд.

д) Плохо обстоит дело с работой в деревне. Агитация в деревне должна быть, главным образом, предметной, по линии всяческой помощи бедняцким и середняцким элементам, вплоть до льготного кредита, по линии развития начатков коллективных хозяйств (не коммун), на манер комнезамов [39] на Украине, где имеется около 5 тысяч колхозов, по линии вовлечения крестьянства в кооперацию, прежде всего в сельскохозяйственную кооперацию. Особенно важной задачей нужно считать овладение кресткомами. Следует помнить о терформированиях [40], имеющих крупное значение для агитации в деревне.

5. В области учёта, распределения и выдвижения работников, партийных и беспартийных:

а) Учёт более или менее налажен.

б) С распределением немного хуже, ибо основные задачи перегруппировки сил в новой обстановке внутреннего развития, поставленные Лениным на XI съезде [41], еще не выполнены. Очередная задача максимального насыщения лучшими силами всех и всяческих торговых организаций ждёт своего разрешения.

Прошлый год Учраспред работал, собственно говоря, на органы ВСНХ и Наркомфин, особенно на его налоговый аппарат, снабжая работниками по преимуществу эти органы. Теперь задача состоит в том, чтобы повернуть руль в сторону торговых органов и кредитных учреждений и снабжать их работниками преимущественно перед другими учреждениями. Здесь, может быть, понадобится тысяч 5 коммунистов.

Одновременно задача состоит в том, чтобы существующий способ распределения сил дополнить новыми способами: способом добровольности, способом призыва добровольцев для организации работы в особо важных пунктах советского строительства. Этот способ имеет прямое отношение к вопросу о постановке образцовой работы в известных районах, без чего (без постановки образцовой работы) обойтись на данной стадии нет возможности. Идея Ленина об образцовой работе, данная им в «Продналоге» [42], должна быть проведена.

в) Особенное внимание должно быть обращено на выдвижение работников, партийных и беспартийных. Метод выдвижения новых людей только сверху недостаточен. Его надо дополнить методами выдвижения снизу в ходе практической работы, в ходе вовлечения новых сил в практическую работу. В этом смысле в деле выдвижения рабочих на ответственные посты по заводам и трестам большую роль должны сыграть производственные, заводские и трестовские конференции. Необходимо развить секции при отделах Советов в губернских и уездных городах, превращая их в периодические совещания делового характера и вовлекая в эти совещания как членов Советов, так и, осо-

бенно, не членов, рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. Только в ходе такой широкой практической работы можно будет выдвинуть новых людей из беспартийных рабочих и крестьян. Волна ленинского призыва в городах и возросшая политическая активность крестьянства с несомненностью говорят о том, что этот путь выдвижения должен дать большие результаты.

6. Два вывода из области внутренней жизни партии:

а) Так называемый «принцип» расширения ЦК партии оказался правильным. Опыт показал, что расширение ЦК дало громадную пользу, что товарищи, отстаивавшие «принцип» сужения ЦК, стояли на неправильном пути.

б) Теперь ясно для всех, что оппозиция во время дискуссии, говоря о разложении партии, была сугубо неправа. Едва ли найдётся в нашей партии хоть одна серьёзная организация, которая, наблюдая за ходом внутренней жизни партии и за её могучим ростом, не сказала бы, что люди, каркавшие еще недавно о гибели нашей партии, на самом деле партии не знали, от партии стояли далеко и очень напоминали людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии.

Итог: партия наша растёт, она идёт вперёд, она учится управлять, она становится авторитетнейшим органом рабочего класса. Ленинский призыв — прямое на то указание. (Долго не смолкающие аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

27 мая

Товарищи! В речах ораторов я не усмотрел возражений против орготчёта ЦК. Я это расцениваю, как согласие съезда с выводами этого отчёта. (Аплодисменты.)

В своём отчёте я намеренно не коснулся наших разногласий внутри партии, не коснулся потому, что не хотел бередить раны, которые, казалось, зажили. Но после того, как Троцкий и Преображенский коснулись этих вопросов, допустили ряд неточностей и сделали вызов, — молчать не следует. При таком положении молчание было бы непонятно.

Тов. Крупская говорила здесь против дублировки прений по разногласиям. Я решительно против дублировки и именно поэтому в отчёте своём не коснулся разногласий. Но раз товарищи — члены оппозиции коснулись этого и сделали вызов, — молчать мы не имеем права.

Троцкий и Преображенский, оба они, говоря о разногласиях, сосредоточивают внимание съезда на одной резолюции, резолюции от 5 декабря, забывая о том, что, кроме этой резолюции, есть другая резолюция —

об итогах дискуссии [43], забывая, что была конференция и что после резолюции, принятой ЦК 5 декабря, была новая волна дискуссии, которая получила свою оценку в специальной резолюции XIII конференции об итогах дискуссии. Забывают они, что замалчивание XIII конференции не пройдёт даром для оппозиции.

Я обращаю внимание съезда на то, что на конференции была принята одна резолюция по экономической политике, а по партстроительству — две резолюции. Почему это? Была одна резолюция, подтверждённая всей партией и принятая ЦК 5 декабря, а потом оказалось необходимым дать другую резолюцию по тому же вопросу — о мелкобуржуазном уклоне. Откуда такая напасть, и чем это объяснить? Объясняется это тем, что вся дискуссия имела два периода. Первый период, который закончился резолюцией 5 декабря, принятой единогласно, и период второй, закончившийся резолюцией о мелкобуржуазном уклоне. Мы предполагали тогда, т. е. в первый период, что резолюцией 5 декабря, пожалуй, закончатся споры в партии, и именно поэтому я в прошлый раз, в докладе на XIII конференции, говорил, касаясь этого периода, что, при желании со стороны оппозиции, резолюция от 5 декабря могла бы положить конец борьбе в партии. Об этом я говорил, и все мы так думали. Но дело в том, что на этом периоде дискуссия не закончилась. После резолюции от 5 декабря появились письма Троцкого — новая платформа с новыми вопросами, и началась новая волна дискуссии, более жестокой, чем до этого времени. Этим и была сорвана возможность мира в партии. Это был период второй, который сейчас оппозиционеры стараются замолчать, обойти боком.

Дело в том, что между дискуссией во второй период и дискуссией в первый период, которая получила своё отражение в резолюции от 5 декабря, — огромная разница. В резолюции 5 декабря не поднимался вопрос о перерождении кадров. Троцкий, с которым вместе составляли мы тогда эту резолюцию, и не заикался о том, что кадры перерождаются. Он эту прибавку, видимо, приберёг для следующих своих выступлений. Далее, в резолюции от 5 декабря нет вопроса, что учащаяся молодёжь является вернейшим барометром. И этот вопрос Троцкий оставил, видимо, про запас для новых выступлений в дискуссии. В резолюции 5 декабря нет того уклона к атаке на аппарат, нет тех требований мер наказания против партийного аппарата, о чём он очень пространно говорил в своих последующих письмах. Наконец, в резолюции 5 декабря нет и намёка на то, что группировки нужны, а между тем об этом, о группировках, в последующих своих письмах Троцкий очень пространно говорил.

Вот до чего громадна разница между позицией оппозиции до 5 декабря и позицией её лидеров после 5 декабря.

Теперь Троцкий и Преображенский стараются замолчать, спрятать свою вторую платформу во второй период дискуссии, думая, видимо, перехитрить партию. Нет, это вам не удастся! Неумной хитростью и дипломатией вам не провести съезд. Я не сомневаюсь, что съезд выскажется и о первой стадии дискуссии, получившей своё выражение в резолюции 5 декабря, и о второй стадии, получившей своё выражение в резолюции конференции о мелкобуржуазном уклоне.

Эти две резолюции — две части одного целого, называемого дискуссией. Кто думает смешивать эти две части и тем провести съезд, тот ошибается. Партия выросла, её сознательность поднялась, и партию дипломатией не провести. Вся ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает этого.

Рассмотрим, кто оказался прав по вопросам о платформе оппозиции после 5 декабря? Кто оказался прав по четырём новым вопросам, затронутым в письмах Троцкого?

Первый вопрос: кадры перерождаются. Мы все требовали и требуем фактов, указывающих на перерождение кадров. Однако, таких фактов не дали нам, да и нельзя дать, ибо нет таких фактов в природе. А присмотревшись к делу, мы все заметили, что перерождения у нас нет, а вот уклон некоторых лидеров оппозиции в сторону мелкобуржуазной политики, несомненно, есть. Кто же, оказывается, прав? Как будто не оппозиция.

Второй вопрос — об учащейся молодёжи, которая будто бы является вернейшим барометром. Кто в этом вопросе оказался прав? Опять-таки как будто не оппозиция. Если посмотрим на рост нашей партии за это время, на приём 200 тысяч новых членов, то выходит, что барометр нужно искать не в рядах учащейся молодёжи, а в рядах пролетариата, что партия должна ориентироваться не на учащуюся молодёжь, а на пролетарское ядро партии. 200 тысяч новых членов партии — вот барометр. И здесь оппозиция оказалась неправа.

Третий вопрос — кары против аппарата, атака на партийный аппарат. Кто оказался прав? Опять-таки не оппозиция. Она свернула свой флаг атаки на аппарат и перешла к обороне. Вы были здесь свидетелями,

как она вывёртывалась, отступая в беспорядке в борьбе против партийного аппарата.

Вопрос четвёртый — о фракциях, о группировках. Троцкий заявил, что он решительно против группировок. Это очень хорошо. Но, если уж необходимо коснуться истории, позвольте восстановить некоторые факты. Была у нас в декабре подкомиссия ЦК партии по выработке той резолюции, которая была опубликована 5 декабря. Эта подкомиссия состояла из трёх человек: Троцкий, Каменев, Сталин. Обратили ли вы внимание, что в этой резолюции от 5 декабря фраза о группировках выпала? Там говорится о запрещении фракций, но о запрещении группировок ничего не сказано. Есть лишь ссылка на известное решение X съезда об единстве партии. Чем объяснить это? Случайностью? Это не случайность. Мы с Каменевым решительно ставили вопрос о запрещении группировок. Троцкий ультимативно протестовал против запрещения группировок, сказав, что он не может голосовать за резолюцию при таком положении вещей. Мы тогда ограничились ссылкой на резолюцию X съезда, которую тогда Троцкий, повидимому, не читал, и где говорится не только о запрещении фракций, но и о запрещении группировок. (Смех, аплодисменты.) Троцкий стоял тогда за свободу группировок. Он здесь хвалил резолюцию 5 декабря. В своём же письме в ЦК РКП(б), спустя 4 дня после принятия резолюции о партстроительстве, т. е. 9 декабря, Троцкий писал: «Особенную тревогу внушает мне чисто формальная позиция членов Политбюро в вопросе о группировках и фракционных образованиях». Не угодно ли? Человек, который распинается за эту резолюцию, оказывается, носит в душе особую

тревогу, которую ему внушает отношение Политбюро к вопросам о группировках и фракциях. Это непохоже на то, чтобы он был тогда за запрещение группировок. Нет, Троцкий стоял тогда за образование группировок, за их свободу.

Далее, кто не помнит известной резолюции Преображенского в Москве с требованием уточнить вопрос о фракциях, решённый на X съезде партии, в смысле отмены некоторых ограничений? Это все помнят в Москве. А кто из вас не помнит, что Преображенский в своих фельетонах требовал восстановления в партии тех порядков, которые существовали в эпоху Брестского мира? А мы знаем, что партия в эпоху Бреста вынуждена была допустить существование фракций, — это нам хорошо известно. А кто не помнит, что на XIII конференции, в момент, когда я предлагал самую простую вещь — восстановить в памяти членов партии седьмой пункт резолюции об единстве, о запрещении группировок, — как бесновались все оппозиционеры, требуя невнесения этого пункта? Следовательно, оппозиция стояла в этом вопросе целиком и полностью на точке зрения свободы группировок, предполагая, что она усыпит бдительность партии, сказав, что требует не свободы фракций, а свободы группировок. Если нынче нам заявляют о том, что они против группировок, это очень хорошо. Но это я никак не могу назвать наступлением с их стороны: это — отступление в беспорядке, это — признак правоты ЦК и в этом вопросе.

После этой справки позвольте мне, товарищи, сказать несколько слов о некоторых принципиальных ошибках, допущенных Троцким и Преображенским

в своих выступлениях по партийно-организационным вопросам.

Троцкий сказал, что существо демократии сводится к вопросу о поколениях. Это неверно. Принципиально неверно. Существо демократии вовсе не к этому сводится. Вопрос о поколениях есть второстепенный вопрос. Цифры из жизни нашей партии говорят, жизнь нашей партии говорит о том, что молодое поколение партии шаг за шагом внедряется в кадры, — кадры расширяются за счёт молодёжи. Партия всегда стояла и будет стоять на этом пути. Только тот, кто рассматривает кадры, как замкнутое целое, как привилегированное сословие, не впускающее в свою среду новых членов, только тот, кто рассматривает эти кадры, как офицерский корпус старого времени, который всех остальных членов партии считает «ниже своего достоинства», только тот, кто хочет образовать щель между кадрами и партийным молодняком, — только тот может заострить вопрос о демократии на вопросе о партийных поколениях. Существо демократии сводится не к вопросу о поколениях, а к вопросу о самодеятельности, об активном участии членов партии в партийном руководстве. Так и только так может быть поставлен вопрос о демократии, если, конечно, речь идёт не о формально-демократической партии, а о действительно пролетарской партии, связанной неразрывными узами с массами рабочего класса.

Второй вопрос. Самая большая опасность, — говорит Троцкий, — заключается в бюрократизации партийного аппарата. Это тоже неверно. Опасность состоит не в этом, а в возможности реального отрыва партии от беспартийных масс. Вы можете иметь партию, построившую

аппарат демократически, но если она не связана с рабочим классом, то демократия эта будет впустую, грош ей цена. Партия существует для класса. Поскольку она связана с классом, имеет контакт с ним, имеет авторитет и уважение со стороны беспартийных масс,— она может существовать и развиваться даже при бюрократических недочётах. Если всего этого не имеется, то поставьте какую угодно организацию партии, — бюрократическую, демократическую, — партия погибнет наверняка. Партия есть часть класса, существующая для класса, а не для себя самой.

Третье положение — тоже принципиально ошибочное: партия, — говорит Троцкий, — не ошибается. Это неверно. Партия нередко ошибается. Ильич учил нас учить партию правильному руководству на её собственных ошибках. Если бы у партии не было ошибок, то не на чем было бы учить партию. Задача наша состоит в том, чтобы улавливать эти ошибки, вскрывать их корни и показывать партии и рабочему классу, как мы ошибались, и как мы не должны в дальнейшем эти ошибки повторять. Без этого развитие партии было бы невозможно. Без этого формирование лидеров и кадров партии было бы невозможно, ибо они формируются и воспитываются на борьбе со своими ошибками, на преодолении этих ошибок. Я думаю, что такого рода заявление Троцкого является некоторым комплиментом с некоторой попыткой издёвки, — попыткой, правда, неудачной.

Дальше — о Преображенском. Он говорил о чистке. Преображенский считает, что чистка есть орудие большинства партии против оппозиции, и, видно, не одобряет методов чистки. Это — принципиальный вопрос.

Глубокой ошибкой со стороны Преображенского является непонимание того, что без периодической чистки от шатких элементов партия не может укрепляться. Товарищ Ленин учил, что партия может укрепляться, только освобождаясь шаг за шагом от шатких элементов, которые проникают и будут еще проникать в партию. Мы пошли бы против ленинизма, если бы отнеслись отрицательно к чистке вообще. Что касается данной чистки, то чем она плоха? Говорят, есть отдельные ошибки. Конечно, есть. Когда это бывало, чтобы в большом деле отдельных ошибок не было? Никогда этого не бывало. Отдельные ошибки могут быть и должны быть, но в основном чистка правильна. Мне рассказывали, как некоторые непролетарские элементы из интеллигентов и служащих со страхом и трепетом ждали чистки. Мне передали такую сцену. Сидят в одном кабинете люди, подлежащие чистке. Ячейка — советская. В другом кабинете — комиссия по чистке. Один из членов ячейки, пройдя чистку, вылетает, как пуля, весь облитый потом. Его просят рассказать, в чём дело. А тот в ответ: «Дайте перевести дух, дайте перевести дух, — я не могу». (Смех.) Для тех лиц, которые так страдают и обливаются потом, может быть, чистка и нехороша, а для партии это очень хорошо. (Аплодисменты.) У нас, к сожалению, имеется еще некоторая толика членов партии, которые, получая по 1 000 и 2 000 рублей в месяц, считаются членами партии и забывают о том, что партия существует. Я знаю факты, когда ячейка при одном из комиссариатов, где служат такие члены, имеющая в своём составе, между прочим, и шофёров, послала шофёра для проведения чистки и вызвала ряд нареканий, вроде того, что

шофёр не должен чистить советских вельмож. Такие факты имели место у нас в Москве. Члены партии, оторвавшиеся, видимо, от партии, возмущаются и не могут переварить того, что «какой-то шофёр» будет их чистить. Таких членов партии надо воспитывать и перевоспитывать, иногда путём исключения из партии. Основное в чистке — это то, что люди такого сорта чувствуют, что есть хозяин, есть партия, которая может потребовать отчёта за грехи против партии. Я думаю, что иногда, время от времени, пройтись хозяину по рядам партии с метлой в руках обязательно следовало бы. (Аплодисменты.)

Преображенский говорит: ваша политика правильна, а организационная линия неправильна, и в этом — основа возможной гибели партии. Это — глупость, товарищи. Не бывает, чтобы политика у партии была правильной, и чтобы она при этом погибла из-за недочётов в организационной линии. Никогда этого не бывает. Основа партийной жизни и партийной работы состоит не в тех организационных формах, которые она принимает или может принять в данный момент, а в политике партии, в её внутренней и внешней политике. Если политика партии правильна, если она правильно ставит вопросы политические и экономические, имеющие решающее значение для рабочего класса, то организационные дефекты не могут иметь решающего значения,— политика вывезет. Это так было всегда и так останется в будущем. Люди, не понявшие этого, — плохие марксисты, — они забывают об азах марксизма.

Была ли права партия в тех вопросах, по которым шла дискуссия, — в вопросах экономического характера, в вопросах партийного строительства? Если кто

хочет это проверить в один присест, без лишних слов, он должен обратиться к партии и рабочей массе и поставить вопрос: а как встречает партию беспартийная рабочая масса — сочувственно или несочувственно? Если бы члены оппозиции поставили так вопрос, если бы они спросили себя: а как расценивает партию рабочий класс — сочувственно или несочувственно? — то они поняли бы, что партия идёт правильным путём. Ключ к пониманию всех вещей, касающихся итогов дискуссии, сводится к ленинскому призыву. Если рабочий класс посылает в партию 200 тысяч своих членов, отбирая наиболее честных и выдержанных, то это значит, что такая партия непобедима, ибо партия стала по сути дела выборным органом рабочего класса, пользующимся безраздельным доверием со стороны рабочего класса. Такая партия будет жить на страх врагам, такая партия разлагаться не может. Беда нашей оппозиции состоит в том, что она подошла к вопросам партии, к вопросам об итогах дискуссии не с точки зрения марксиста, расценивающего удельный вес партии под углом зрения её влияния в массах, ибо партия для масс существует, а не наоборот, — а с точки зрения формальной, с точки зрения «чистого» аппарата. Для того, чтобы найти простой и прямой ключ к пониманию итогов дискуссии, нужно обратиться не к болтовне об аппарате, а к тем 200 тысячам, которые вошли в партию и которые вскрыли глубокий демократизм партии. Упоминания в речах оппозиционеров о демократии есть пустая болтовня, а вот когда рабочий класс посылает в партию 200 тысяч новых членов, — это настоящий демократизм. Наша партия стала выборным органом рабочего класса. Укажите мне другую такую партию.

Вы её не укажете, ибо её нет еще в природе. Но, странное дело, даже такая мощная партия нашим оппозиционерам не нравится. Где же они найдут лучшую партию на земле? Боюсь, как бы в поисках за лучшей им не пришлось перекочевать на Марс. (Аплодисменты.)

Последний вопрос — о мелкобуржуазном уклоне оппозиции, о том, что обвинения в мелкобуржуазном уклоне будто бы несправедливы. Верно ли это? Нет, неверно. Откуда вытекло такое обвинение, где основа этого обвинения? Основа обвинения в том, что в своей безудержной агитации за демократию в партии оппозиционеры невольно, помимо своей воли, послужили некоторым рупором для той новой буржуазии, которая чихать не хочет на демократию в нашей партии, а демократию в стране хотела бы получить, очень и очень хотела бы получить. Та часть партии, которая подняла шум вокруг вопросов о демократии, невольно послужила рупором и каналом для агитации, идущей в стране со стороны новой буржуазии и направленной на то, чтобы ослабить диктатуру, «расширить» советскую конституцию, восстановить политические права эксплуататоров. Вот в чём пружина и секрет, что члены оппозиции, несомненно любящие партию и т. п. и т. п., сами этого не замечая, превратились в рупор для тех, которые стоят вне партии, и которые хотят ослабить, разложить диктатуру.

Недаром меньшевики и эсеры сочувствуют оппозиции. Случайно ли это? Нет, не случайно. Расположение сил в международном масштабе таково, что всякая попытка ослабить авторитет нашей партии и прочность диктатуры в нашей стране обязательно будет подхватываться врагами революции, как плюс для себя, —

всё равно, делает ли эту попытку наша оппозиция или эсеры с меньшевиками. Кто этого не понимает, тот не понял логики фракционной борьбы внутри нашей партии, тот не понял, что итоги этой борьбы зависят не от лиц и желаний, а от результатов, получающихся в общем балансе борьбы советских и антисоветских элементов. Вот где основа того, что мы имеем дело в лице оппозиции с мелкобуржуазным уклоном.

Ленин говорил как-то о партийной дисциплине и о сплочённости наших рядов, что — «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (см. т. XXV, стр. 190). Разве нужно ещё доказывать, что товарищи из оппозиции своими нападками на московскую организацию и на Центральный Комитет партии ослабляли дисциплину партии и подрывали основы диктатуры, ибо партия есть основное ядро диктатуры?

Вот почему я думаю, что XIII конференция была права, сказав, что мы имеем здесь дело с уклоном к мелкобуржуазной политике. Это еще не есть мелкобуржуазная политика. Нисколько! Ленин на X съезде разъяснил, что уклон есть еще нечто незакончившееся, неоформившееся. Если не будете настаивать, товарищи из оппозиции, на этом мелкобуржуазном уклоне, на этих небольших ошибках, — всё будет исправлено, и работа партии пойдёт вперёд. Если же будете настаивать, — мелкобуржуазный уклон может развиться в мелкобуржуазную политику. От вас, стало быть, зависит всё дело, товарищи из оппозиции.

Каковы же выводы? А выводы таковы, что мы должны и впредь повести работу внутри партии на основе

полного единства партии. Глядите на съезд, стеной стоящий за линию ЦК, — вот вам единство партии. Оппозиция представляет незначительное меньшинство в нашей партии. Что партия у нас едина, и что она будет единой, об этом говорит настоящий съезд, его единство, его сплочённость. Будет ли у нас единство с той незначительной группой партии, которая называется оппозицией, — это зависит от них. Мы за дружную работу с оппозицией. В самый разгар дискуссии в прошлом году мы заявили о необходимости совместной работы с оппозицией. Мы подтверждаем это здесь ещё раз. Но выйдет ли это единство, я этого не знаю, ибо единство в будущем зависит целиком от оппозиции. Единство в данном случае есть результат взаимодействия двух факторов, большинства партии и меньшинства. Большинство хочет единства работы. Хочет ли этого искренно меньшинство, — я этого не знаю. Это зависит целиком от товарищей из оппозиции.

Итог. Итог состоит в том, чтобы подтвердить резолюции XIII конференции и одобрить деятельность ЦК. Я не сомневаюсь, что съезд подтвердит эти резолюции и одобрит политическую и организационную деятельность ЦК. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

ОБ ИТОГАХ XIII СЪЕЗДА РКП(б)

Доклад на курсах
секретарей укомов при ЦК РКП(б)
17 июня 1924 г.

Товарищи! Я не буду подробно разбирать резолюций XIII съезда. Этих резолюций порядочно много, они составляют целую брошюру, и едва ли есть возможность подробно их разбирать сейчас, тем более, что ни у меня, ни у вас нет времени для этого в настоящее время. Я думаю поэтому, что целесообразнее будет наметить в докладе основные отправные пункты и выяснить их для того, чтобы потом облегчить вам возможность изучения резолюций у себя дома.

Так вот, если взяться за резолюции XIII съезда и изучить их подробно, то можно будет разнообразные вопросы, затронутые в резолюциях, свести к четырём основным вопросам, которые проходят красной нитью через все резолюции.

Какие же это вопросы?

Первый основной вопрос или первая группа вопросов — это вопросы, касающиеся внешнего положения нашей Республики, вопросы об упрочении международного положения нашей Республики.

Второй основной вопрос или вторая группа вопросов касается вопросов смычки государственной

промышленности с крестьянским хозяйством, вопросов союза пролетариата с крестьянством.

Третья группа вопросов охватывает вопросы воспитания и перевоспитания трудящихся масс в духе диктатуры пролетариата и социализма. Сюда войдут такие вопросы, как госаппарат, работа среди крестьян, работа среди трудящихся женщин, работа среди молодёжи.

Наконец, четвёртая группа вопросов, — это вопросы, касающиеся самой партии, её внутренней жизни, её существования, её развития.

Особо буду говорить в конце доклада о задачах уездных работников в связи с решениями XIII съезда.

ВНЕШНИЕ ДЕЛА

Что дал нового истекший год в смысле международного положения Советской России? В чём состоит то новое и основное в международном мире, которое необходимо учесть, переходя от старого истекшего года к новому году, и которое не мог не учесть XIII съезд?

Это новое заключается, во-первых, в том, что за истекший год мы имели случай наблюдать ряд попыток сделать Западную Европу открыто фашистской в её внутренней политике, и эти попытки оказались беспочвенными, они сорвались. Если отвлечься от Италии, где фашизм разлагается, то в основных странах Европы, во Франции и Англии, попытки фашизировать политику Европы сорвались, авторы же этих попыток, Пуанкаре и Керзон, попросту говоря, слетели, оказались выброшенными за борт.

Это первое, что дал нам нового истекший год.

Второе, что дал нам истекший год, — это ряд попыток со стороны воинствующих империалистов Англии и Франции изолировать нашу страну, попыток, потерпевших поражение. Едва ли можно сомневаться в том, что многочисленные махинации Пуанкаре против Советского Союза и известный ультиматум Керзона преследовали цели изоляции нашей страны. И что же? Вместо изоляции Советского Союза, получилось его фактическое признание. Более того, вместо изоляции Советского Союза, получилась изоляция изоляторов, отставка Пуанкаре и Керзона. Удельный вес нашей страны оказался более значительным, чем это могло показаться некоторым старым политикам империализма.

Это второе, что дал нам нового истекший год в области внешней политики.

Чем объяснить всё это?

Иные склонны объяснить это мудростью нашей политики. Я не отрицаю, что наша политика была, если не мудрой, то, во всяком случае, правильной, что подтверждено XIII съездом. Но объяснять дело одной мудростью или правильностью нашей политики нельзя. Вопрос тут не столько в правильности нашей политики, сколько в той обстановке, которая создалась в Европе за последнее время и которая определила успехи нашей политики. Необходимо тут отметить три обстоятельства.

Во-первых. Бессилие империалистических держав справиться с результатами своих военных побед и установить в Европе сколько-нибудь сносный мир, их неспособность развиваться дальше без ограбления побеждённых стран и колоний, без конфликтов и столкновений между собой из-за дележа награбленного. Отсюда

новые вооружения. Отсюда опасность новой войны. Ну, а народные массы не хотят войны, ибо они еще не забыли о тех жертвах, которые пришлось им нести из-за прибылей капиталистов. Отсюда нарастающее недовольство народов политикой воинствующего империализма.

В этом причина внутренней слабости империализма. Почему прогнали Керзона и Пуанкаре? Потому, что народная молва считает их зачинщиками новой войны. Потому, что они своей открыто воинствующей политикой возбуждали недовольство масс против империализма вообще и создавали тем самым опасность для империализма.

Во-вторых. Упрочение Советской власти внутри страны. Капиталистические государства держали курс на провал Советской власти внутри страны. Псалмопевец говорит, что устами младенцев иногда бог говорит правду. Если считать западный империализм богом, то естественно, что он не может обойтись без своего младенца. И вот нашёлся у него свой младенец в лице небезызвестного Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии, устами которого он возвестил, что торопиться с признанием Союза Республик не следует, ввиду непрочности Советской власти, что, так как Советская власть будет сменена в скором времени новой буржуазно-демократической властью, то лучше было бы пока что «воздержаться» от «нормальных сношений» с Советским Союзом. Так было еще недавно. Но «правды» империализма, возвещённой устами его младенца, едва хватило на пару месяцев, ибо, как известно, политика «воздержания» сменилась вскоре у целого ряда государств политикой «признания» [44]. Почему? Потому, что

против очевидности трудно спорить, а очевидность состоит в том, что Советская власть крепка, как скала. Прежде всего, обыватель, как он ни наивен в политике, не мог не заметить, что Советская власть, пожалуй, прочнее любого буржуазного правительства, ибо за семь лет диктатуры пролетариата буржуазные правительства приходят и уходят, а Советская власть остаётся. Далее, тот же обыватель не мог не заметить, что хозяйство нашей страны прогрессирует хотя бы потому, что наш экспорт растёт шаг за шагом. Нужно ли еще доказывать, что эти обстоятельства говорят за Советский Союз, а не против него? Нас обвиняют в том, что мы ведём в Западной Европе пропаганду против капитализма. Я должен сказать, что нам такой пропаганды не нужно, мы в ней не нуждаемся. Само существование Советской власти, её рост, её материальное преуспеяние, её несомненное упрочение является серьёзнейшей пропагандой среди европейских рабочих в пользу Советской власти. Любой рабочий, приехавший в Советскую страну и поглядевший на наши пролетарские порядки, мог бы увидеть, что̀ такое Советская власть и на что способен рабочий класс, когда он стоит у власти. Это именно и есть действительная пропаганда, но пропаганда фактами, которая гораздо больше действует на рабочих, чем пропаганда словом или путём печати. Нас обвиняют в том, что мы ведём пропаганду на Востоке. Это тоже пустяки. Мы не нуждаемся в пропаганде на Востоке. Сто̀ит любому гражданину зависимой страны или колонии приехать в Советскую страну и посмотреть, как у нас люди управляют страной, сто̀ит посмотреть, как чёрные и белые, русские и нерусские, люди всех цветов и народностей стоят в одной упряжке и тянут вместе

дело управления великой страной, чтобы убедиться, что это единственная страна, где братство народов является не фразой, а делом. Никакой печатной или устной пропаганды нам не нужно, если у нас есть факт такой пропаганды делом, как Союз Советских Социалистических Республик.

В-третьих. Рост удельного веса Советской власти, рост её популярности среди народных масс капиталистических стран, объясняемый, прежде всего, тем, что наша страна является единственной страной в мире, которая способна вести и действительно ведёт политику мира, ведёт её не фарисейски, а честно и открыто, решительно и последовательно. Теперь все признают, и враги, и друзья, что наша страна является единственной страной, которая по праву может быть названа оплотом и знаменосцем политики мира во всём мире. Нужно ли доказывать, что это обстоятельство не могло не усилить сочувствия и симпатии народных масс Европы в пользу Советской власти? Обратили ли вы внимание на то, что некоторые правители в Европе стараются строить свою карьеру на «дружбе» с Советским Союзом, что даже такие из них, как Муссолини, не прочь иногда «заработать» на этой «дружбе»? Это прямой показатель того, что Советская власть стала действительно популярной в широких массах капиталистических государств. Но ничему так не обязана Советская власть своей популярностью, как политике мира, честно и мужественно проводимой ею в трудных условиях капиталистического окружения.

Таковы в общем обстоятельства, определившие успехи нашей внешней политики за истекший год.

XIII съезд одобрил в своей резолюции политику ЦК в области внешних сношений. Что это значит? А это значит, что съезд обязал партию и впредь проводить политику мира, политику решительной борьбы против новой войны, политику беспощадного разоблачения всех и всяких сторонников или потатчиков новых вооружений, новых столкновений.

ВОПРОСЫ СМЫЧКИ

Что такое смычка? Смычка есть постоянная связь, постоянный обмен между городом и деревней, между нашей индустрией и крестьянским хозяйством, между изделиями нашей индустрии и продовольствием и сырьём крестьянского хозяйства. Крестьянское хозяйство не может жить, не может существовать, не отчуждая на городской рынок продовольствие и сырьё и не получая за это необходимых фабрикатов и орудий труда из города. Равным образом государственная индустрия не может развиваться, не отчуждая на крестьянский рынок своих изделий и не снабжаясь из деревни продовольствием и сырьём. Стало быть, источником существования нашей социалистической индустрии является внутренний рынок и, прежде всего, крестьянский рынок, крестьянское хозяйство. Поэтому вопрос о смычке есть вопрос о существовании нашей индустрии, вопрос о существовании самого пролетариата, вопрос о жизни и смерти нашей Республики, вопрос о победе социализма в нашей стране.

Осуществить эту смычку, постоянную связь между городом и деревней, между индустрией и крестьянским хозяйством путём прямого обмена продуктов индустрии

на продукты крестьянского хозяйства нам не удалось. Не удалось потому, что индустрия наша мало развита, аппаратов снабженческих с большими разветвлениями во всей стране не было у нас, а народное хозяйство в целом после войны переживало разруху. Поэтому мы были вынуждены ввести так называемую новую экономическую политику, т. е. были вынуждены объявить свободу торговли, свободу циркуляции товаров, допустить капитализм, мобилизовать усилия миллионов людей из крестьян и мелких хозяйчиков для того, чтобы создать в стране поток товарооборота, развить торговлю и потом, овладев основными позициями в области торговли, установить смычку между индустрией и крестьянским хозяйством через торговлю. Это есть установление смычки обходным путём, как говорит Ленин, не прямо, не путём прямого обмена продуктов крестьянского хозяйства на продукты индустрии, а через торговлю.

Задача состоит в том, чтобы, используя усилия миллионов мелких хозяев, овладеть торговлей, взять в руки государства и кооперации основные нити снабжения деревни и города и организовать, таким образом, между индустрией и крестьянским хозяйством неразрывную связь, неразрывную смычку.

Нельзя сказать, чтобы эта задача была для нас непосильной. Нельзя потому, что пролетариат, стоящий у власти, имеет, так сказать, все основные средства для того, чтобы такую смычку обходным порядком через торговлю осуществить. Во-первых, у него, у пролетариата, есть власть. Во-вторых, он имеет индустрию. В-третьих, он располагает кредитом, а кредит есть величайшая сила в руках государства. В-четвёртых,

у него имеется свой торговый аппарат, плохой или хороший, но всё-таки такой, который развивается и крепнет. Наконец, он имеет известные товарные фонды, которые можно время от времени выбросить на рынок для того, чтобы обуздать или нейтрализовать капризы рынка, влиять на состояние цен и прочее. Все эти средства у рабочего государства имеются, и поэтому нельзя сказать, что осуществление смычки через торговлю представляет для нас непосильную задачу.

Так обстоит дело с вопросом об организации смычки между городом и деревней, с возможностями этой смычки.

Итак, что дал нового и важного истекший год с точки зрения установления смычки между городом и деревней?

С какими новыми материалами имел дело XIII съезд, решая вопросы о смычке?

Новое за год в этой области состоит в том, что в истекшем году мы впервые столкнулись в своей практической работе с широкой борьбой, с борьбой в большом масштабе между социалистическими и частно-капиталистическими элементами внутри нашего народного хозяйства и, столкнувшись, впервые поставили на практическую ногу вопрос о смычке во всей его конкретности. Вопросы о смычке и торговле предстали перед нами уже не как вопросы теории, а как животрепещущие вопросы непосредственной практики, требующие немедленного разрешения.

Если помните, Ленин еще на XI съезде говорил [45], что охват рынка силами государства и кооперации, овладение основными нитями торговли будет протекать не в порядке мирной работы, а в порядке борьбы между

элементами социалистическими и элементами частно-капиталистическими, что эта работа будет протекать в порядке отчаянного соревнования между этими противоположными элементами нашего народного хозяйства. И вот, эта борьба разгорелась. Она вскрылась, главным образом, по двум линиям: по линии торговли между городом и деревней и по линии кредита, главным образом, в деревне.

Каковы же результаты этой борьбы?

Во-первых. Оказалось, что частный капитал внедрился не в производство, где риску больше и капитал оборачивается медленнее, а в торговлю, в ту самую торговлю, которая составляет, как говорит Ленин, основное звено в цепи процессов в наше переходное время. И, внедрившись в торговлю, частный капитал укрепился там до того, что у него оказалось в руках около 80 процентов всей розничной торговли и около 50 процентов всей оптово-розничной торговли в стране. Объясняется это молодостью и неналаженностью наших торговых и кооперативных аппаратов, неправильной политикой наших синдикатов, злоупотреблявших своим монопольным положением и вздувавших цены на товары, слабостью нашего Комвнуторга, обязанного регулировать торговлю под углом зрения государства, наконец, неустойчивостью нашей тогдашней совзначной валюты, бившей, главным образом, крестьянина и тем понижавшей его покупательную способность.

Во-вторых. Оказалось, что кредит в деревне находится целиком в руках кулака и ростовщика, что маломощное крестьянство, лишённое инвентаря, вынуждено итти в кабалу к ростовщику, вынуждено платить безбожные проценты и безропотно сносить господство

ростовщика. Объясняется это тем, что у нас нет еще низовой сети сельскохозяйственного кредита, могущей снабжать крестьянина дешёвым кредитом и оттеснить на задний план ростовщика, что поле борьбы тут целиком в руках ростовщика.

Таким образом, между государством, с одной стороны, и крестьянским хозяйством, с другой, вклинились купец и ростовщик, ввиду чего смычка между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством оказалась затруднённой, неналаженной. Летний кризис сбыта в прошлом году был выражением этой затруднённости и неналаженности.

Партия тогда же, еще до съезда, приняла меры к тому, чтобы кризис сбыта был ликвидирован и чтобы были заложены основы сельскохозяйственного кредита. Была введена новая, устойчивая валюта, которая улучшила дело. Были двинуты товарные массы на рынок с целью понижения цен, что также отразилось благоприятно. Был реорганизован Комвнуторг на началах, обеспечивающих успешную борьбу с частным капиталом. Был поставлен вопрос о перестройке работы торговых и кооперативных органов под углом зрения смычки. Кризис сбыта был в основном ликвидирован.

Но партия не могла ограничиться этими мерами. Задача XIII съезда состояла в том, чтобы вопрос о смычке поставить вновь во весь рост и наметить основные линии решения этого вопроса в новой обстановке после ликвидации кризиса сбыта.

Что же дал нам XIII съезд в этой области?

Во-первых. Съезд дал лозунг дальнейшего расширения индустрии, прежде всего, лёгкой, а также металла, ибо ясно, что при тех запасах изделий, которые

у нас имеются, мы утолить жажду в товарах у крестьянина не можем. Я уже не говорю о росте безработицы, настоятельно требующей расширения индустрии. Дальнейшее расширение индустрии является, поэтому, вопросом жизни и смерти (см. резолюцию съезда по отчёту ЦК [46]).

Во-вторых. Съезд дал лозунг дальнейшего расширения крестьянского хозяйства, лозунг о помощи крестьянскому хозяйству в деле дальнейшего расширения запашки. Это также необходимое дело для смычки, ибо ясно, что крестьянство заинтересовано удовлетворить не только потребности нашей индустрии, конечно, в обмен на фабрикаты, но и потребности внешнего рынка, конечно, в обмен на машины. Отсюда дальнейшее расширение крестьянского хозяйства, как очередная задача партийной политики (см. резолюцию «О работе в деревне» [47]).

В-третьих. Съезд утвердил создание Наркомата внутренней торговли и поставил перед всеми нашими торговыми и кооперативными органами основную задачу борьбы с частным капиталом, задачу овладения рынком, задачу вытеснения частного капитала из области торговли мерами экономического характера, путём понижения цен на товары и улучшения качества товаров, путём маневрирования товарными массами, использования льготного кредита и т. п. (см. резолюции «О внутренней торговле» и «О кооперации» [48]).

В-четвёртых. Съезд поставил и разрешил важнейший вопрос о сельскохозяйственном кредите. Речь идёт не только о Центральном сельскохозяйственном банке или даже о губернских комитетах сельскохозяйственного кредита. Речь идёт, главным образом, об

организации низовой сети кредитной кооперации по уездам и волостям, речь идёт о том, чтобы демократизировать кредит, сделать сельскохозяйственный кредит доступным для крестьянина, заменить кабальный кредит ростовщика дешёвым кредитом государства и вышибить ростовщика из деревни. Это важнейший вопрос всей нашей экономики, без разрешения которого невозможна сколько-нибудь прочная смычка между пролетариатом и крестьянством. Вот почему XIII съезд обратил на этот вопрос особое внимание (см. резолюцию «О работе в деревне»). Центральный Комитет добился того, что было отпущено 40 миллионов рублей в основной капитал сельскохозяйственного банка с тем, чтобы при известной комбинации с Государственным банком расширить эти 40 миллионов до 80 миллионов рублей. Я думаю, что при известном напряжении эту сумму можно было бы довести до 100 миллионов рублей. Конечно, это не так много для такого гиганта, как наш Союз, но это всё-таки кое-что для того, чтобы облегчить крестьянину дело улучшения своего хозяйства и подорвать кабалу ростовщика. Я говорил выше о значении низовой крестьянской кредитной кооперации для маломощных крестьян, для смычки крестьянства с рабочим государством. Но низовая кредитная кооперация может помочь не только крестьянину. При известных условиях она может оказаться величайшим источником помощи не только крестьянину со стороны государства, но и государству со стороны крестьянина. В самом деле, если у нас на местах, по уездам и волостям, разовьётся широкая сеть сельскохозяйственного кредита и соответствующие учреждения будут пользоваться авторитетом в крестьянских массах, то крестьянство

не только будет брать у государства, т. е. эти учреждения будут иметь не только активные операции, но крестьянство еще будет давать туда, т. е. там будут и пассивные операции. Не трудно представить, что при благоприятном обороте дел в низовых кредитных учреждениях последние могут превратиться в источник такой солидной помощи государству со стороны многомиллионного крестьянства, с которым не может сравниться никакой внешний заём. Как видите, съезд не ошибся, обратив особое внимание на организацию дешёвого кредита в деревне.

В-пятых. Съезд ещё раз провозгласил незыблемость монополии внешней торговли. Думаю, что нет необходимости разъяснять значение этого института как для индустрии и сельского хозяйства, так и для смычки между ними. Кардинальное значение монополии внешней торговли не нуждается в новых доказательствах (см. резолюцию по отчёту ЦК).

В-шестых. Съезд подтвердил необходимость усиления экспорта вообще и, прежде всего, экспорта хлеба. Я думаю, что это решение также не нуждается в комментариях (см. резолюцию по отчёту ЦК).

В-седьмых. Съезд постановил принять все меры к тому, чтобы денежная реформа [49], которая облегчила дело товарооборота и дело установления прочной связи между промышленностью и крестьянским хозяйством, чтобы денежная реформа была проведена до конца, и чтобы все условия, необходимые для этого, были осуществлены как силами центра, так и силами мест (см. резолюцию по отчёту ЦК).

Таковы лозунги XIII съезда по вопросу о смычке, рассчитанные на то, чтобы овладеть торговлей,

установить прочную смычку между нашей индустрией и крестьянским хозяйством и подготовить, таким образом, условия для победы социалистических элементов народного хозяйства над элементами капиталистическими.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ И ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС

Одна из существенных задач партии в эпоху диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы развить работу по перевоспитанию старых поколений и воспитанию новых в духе диктатуры пролетариата и социализма. Старые навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества, являются опаснейшим врагом социализма. Они, эти традиции и навыки, держат в руках миллионные массы трудящихся, они захлёстывают иногда целые слои пролетариата, они создают иногда величайшую опасность для самого существования диктатуры пролетариата. Поэтому борьба с этими традициями и навыками, обязательное их преодоление во всех сферах нашей работы, наконец, воспитание новых поколений в духе пролетарского социализма — являются теми очередными задачами нашей партии, без проведения которых невозможна победа социализма. Работа по улучшению госаппарата, работа в деревне, работа среди трудящихся женщин, работа среди молодёжи — таковы основные сферы деятельности партии по осуществлению этих задач.

а) **Борьба по улучшению госаппарата.** Съезд уделил мало времени вопросу о госаппарате. Доклад ЦКК о борьбе с изъянами госаппарата был утверждён без прений. Резолюция «О работе контрольных комиссий» [50]

была принята тоже без прений. Произошло это, по-моему, ввиду недостатка времени и большого обилия вопросов, поставленных на съезде. Но было бы абсолютно неправильно делать из этого тот вывод, что партия не считает важнейшим вопросом вопрос о госаппарате. Наоборот, вопрос о госаппарате является одним из существеннейших вопросов всего нашего строительства. Работает ли госаппарат честно, или лихоимствует; проводит ли он экономию в расходах, или расточает народное достояние; фальшивит ли он в работе, или служит государству верой и правдой; является ли он обузой для трудящихся, или организацией помощи трудящимся; насаждает ли он идею пролетарской законности, или развращает сознание населения в духе отрицания этой идеи; развивается ли он вперёд в сторону перехода к безгосударственному коммунистическому обществу, или тянет назад к затхлому бюрократизму заурядного буржуазного государства, — всё это вопросы, правильное решение которых не может не иметь решающего значения для партии и социализма. Что наш госаппарат полон изъянов, что он громоздок и дорог, что он на $^9/_{10}$ бюрократичен, что бюрократизм госаппарата давит на партию и её организации, затрудняя борьбу за улучшение госаппарата, — в этом едва ли может быть сомнение. А между тем ясно, что если бы наш госаппарат освободился хотя бы от некоторых основных своих недостатков, он мог бы служить в руках пролетариата величайшим средством воспитания и перевоспитания широких слоёв населения в духе диктатуры пролетариата и социализма.

Вот почему Ленин обращал особое внимание на дело улучшения госаппарата.

Вот почему были созданы партией специальные организации из рабочих и крестьян (реорганизованная РКИ и расширенная ЦКК) для борьбы с недостатками нашего госаппарата.

Задача состоит в том, чтобы помочь ЦКК и РКИ в их трудной работе по улучшению, упрощению, удешевлению и моральному оздоровлению госаппарата сверху до низу (см. резолюцию съезда «О работе контрольных комиссий»).

б) **О работе в деревне.** Этот вопрос является одним из самых сложных и трудных вопросов нашей партийной практики. Съезд принял прекрасную резолюцию об основных линиях нашей работы в деревне. Стóит только сравнить эту резолюцию с резолюцией VIII съезда о работе в деревне[51], чтобы понять, насколько вперёд шагнула партия в этой области. Но было бы ошибкой думать, что XIII съезд исчерпал или мог исчерпать в этом году сложнейший вопрос о деревне. Такие вопросы, как формы организации колхозов, преобразование совхозов, урегулирование землеустроительного дела в центре и на окраинах, новые формы организации труда в связи с работой сельскохозяйственной кооперации, охват особенностей разнообразных районов нашего Союза и учёт этих особенностей в своей работе, — все эти вопросы, по понятным причинам, не могли получить исчерпывающего решения в резолюции съезда. Резолюция съезда важна в том отношении, что она, намечая основные линии работы, облегчает дальнейшую разработку этих вопросов. Вы знаете, должно быть, что пленум ЦК[52] создал постоянную комиссию по работе в деревне для подробной разработки этих вопросов.

Центром резолюции является лозунг кооперирования крестьянских масс. Кооперирование должно пойти по трём линиям: по линии потребительской кооперации, по линии сельскохозяйственной кооперации и по линии кредитной кооперации. Это один из вернейших путей насаждения среди крестьянства, среди маломощных и середняцких его слоёв, идеи и методов коллективизма (см. резолюцию съезда «О работе в деревне»).

в) **О работе среди трудящихся женщин.** Я еще в своём докладе на съезде говорил, что эта область работы у нас находится в загоне, что эта работа является для партии чрезвычайно важной, а в некоторых случаях — решающей областью работы в деле воспитания новых поколений в духе социализма. Повторять то, что сказано уже на съезде, конечно, не стоит. Я хотел бы только обратить внимание на то, что съезд, не имея, к сожалению, возможности специально обсудить вопрос о работе среди трудящихся женщин, принял тем не менее особое решение о том, что «съезд обращает особое внимание всей партии на необходимость усиления работы среди работниц и крестьянок и продвижения их во все партийные и советские выборные органы» (см. резолюцию по отчёту ЦК). Я думаю, что на следующем съезде этим вопросом придётся заняться специально. В соответствии с решением съезда пленум ЦК тотчас по закрытии съезда постановил поручить Организационному бюро нашего ЦК принять специальные меры к тому, чтобы работа среди трудящихся женщин была поднята на должную высоту.

г) **О работе среди молодёжи.** Вопросу о работе среди молодёжи съезд уделил особенное внимание.

Соответствующая резолюция съезда является, по-моему, наиболее разработанной и исчерпывающей из всех резолюций съезда. Она представляет поэтому большую ценность для партии и молодёжи.

Значение молодёжи, — я говорю о рабоче-крестьянской молодёжи, — состоит в том, что она представляет благодарнейшую почву для построения будущего, что она есть и она носит в себе будущность нашей страны. Если наша работа в госаппарате, среди крестьян, среди трудящихся женщин имеет громадное значение в деле преодоления старых навыков и традиций, в деле **перевоспитания** старых поколений трудящихся масс, то работа среди молодёжи, более или менее свободной от этих традиций и этих навыков, приобретает неоценимое значение в деле **воспитания** новых кадров трудящихся в духе диктатуры пролетариата и социализма, ибо здесь почва, — это ясно само собой, — исключительно благоприятная.

Отсюда серьёзнейшее значение союза молодёжи и его разветвлений среди пионеров.

Союз молодёжи есть добровольная организация рабочей и крестьянской молодёжи. Его центром, его ядром является рабочая молодёжь. Его опора — крестьянская молодёжь. Союз рабочей и крестьянской молодёжи — вот основа организации молодёжи. Собрать вокруг пролетарского ядра всё честное и революционное в крестьянской молодёжи; втянуть своих членов во все области работы, хозяйственной и культурной, военной и административной; подготовить из них борцов и строителей, тружеников и руководителей нашей страны — таковы задачи союза молодёжи (см. резолюцию «О работе среди молодёжи» [53]).

ПАРТИЯ

Здесь четыре вопроса: об оппозиции, о ленинском призыве, о демократизации партийного руководства, о теории вообще и пропаганде ленинизма в особенности.

а) **Об оппозиции.** Теперь, когда вопрос об оппозиции разрешён съездом, и дело, стало быть, ликвидировано, можно было бы поставить вопрос: что̀ представляет собой оппозиция и о чём, собственно, шла борьба в период дискуссии? Я думаю, товарищи, что борьба шла о жизни и смерти партии. Оппозиция, может быть, сама и не сознавала этого. Но дело не в этом. Дело не в том, какие цели ставит себе тот или иной товарищ, или та или иная оппозиционная группа. Дело в тех объективных результатах, которые неизбежно вытекают из действий данной группы. Ведь, что значит объявить войну партийному аппарату? Это значит разрушать партию. Что значит восстанавливать молодёжь против кадров? Это значит разлагать партию. Что значит бороться за свободу группировок? Это значит пытаться разбить партию, её единство. Что значит развенчивать кадры партии болтовнёй о перерождении? Это значит пытаться перевернуть партию, переломить ей хребет. Да, товарищи, речь шла о жизни и смерти партии. Этим, собственно, и объясняется та страстность, с которой велась у нас дискуссия. Этим же нужно объяснить тот небывалый факт в истории нашей партии, что съезд **единогласно** осудил платформу оппозиции. Серьёзнейшая опасность сплотила партию в сплошное железное кольцо.

Интересна историческая справка об оппозиции. Начать хотя бы с VII съезда нашей партии. Это был

первый съезд после появления Советской власти (в начале 1918 г.). Там у нас была оппозиция во главе с теми же лицами, которые возглавляли оппозицию на XIII съезде. Речь шла о войне и мире, о Брестском мире. Тогда оппозиция имела одну четвёртую часть всего съезда на своей стороне. Это, всё-таки, не мало. Недаром говорили тогда о расколе.

Спустя два года вновь возгорелась борьба в партии по вопросу о профсоюзах на X съезде с теми же лицами во главе оппозиции. Тогда оппозиция имела одну восьмую часть съезда. Это, конечно, меньше, чем одна четверть.

Спустя ещё два года после этого возгорается новая борьба на XIII съезде, на том, который только что кончился. Здесь тоже была оппозиция, но ни одного голоса на съезде она уже не имела. Это, уже, как видите, совсем плохо для оппозиции.

Итак, трижды пыталась оппозиция повести войну против основных кадров партии. Первый раз на VII съезде, второй — на X, третий раз на XIII, и она, всё время терпя поражение, каждый раз теряла людей, уменьшая шаг за шагом количество своей армии.

О чём говорят все эти факты? О том, во-первых, что история нашей партии за последние шесть лет есть история прогрессирующего сплочения вокруг основных кадров партии большинства нашей партии. О том, во-вторых, что от оппозиции шаг за шагом отрывались одни элементы за другими, присоединяясь к основному ядру партии и пополняя его состав. Отсюда вывод: не исключено, что от оппозиции, которая на XIII съезде не имела делегатов (у нас нет пропорциональных выборов), но в партии несомненно имеет своих сторонников,

отколется ряд товарищей и присоединится к основному ядру партии, как это бывало и в прошлом.

Какова же должна быть наша политика в отношении таких оппозиционеров, или — точнее — бывших оппозиционеров? Она должна быть исключительно товарищеской. Должны быть приняты все меры к тому, чтобы облегчить таким товарищам переход к основному ядру партии, совместную и дружную работу с этим ядром.

б) **О ленинском призыве.** Я не буду распространяться о том, что ленинский призыв, т. е. факт приёма в нашу партию 250 тысяч новых членов из рабочих, говорит о глубокой демократичности нашей партии, о том, что наша партия является по сути дела выборным органом рабочего класса. В этом смысле значение ленинского призыва безусловно колоссально. Но не об этом я хотел говорить сегодня. Я хотел обратить ваше внимание на те опасные увлечения, которые появились в нашей партии в последнее время в связи с ленинским призывом. Одни говорят, что нужно пойти ещё дальше, довести число членов до миллиона. Другие хотят итти ещё дальше, утверждая, что было бы лучше дойти до двух миллионов. Не сомневаюсь, что найдутся третьи, которые захотят пойти ещё дальше. Это, товарищи, опасное увлечение. Самые большие армии в мире погибали от того, что слишком увлекались, много захватывали и потом, не будучи способны переварить занятое, разлагались. Самые большие партии могут погибнуть, если они увлекутся, слишком много захватят и потом окажутся неспособными обнять, переварить захваченное. Судите сами. У нас в партии политнеграмотность доходит до 60 процентов. 60 процентов политнеграмотности — это до ленинского призыва, а после

призыва я боюсь, что этот процент дойдёт до 80. Не пора ли, товарищи, остановиться? Не пора ли ограничиться восемьюстами тысячами и поставить вопрос, резко и определённо, об улучшении **качественного** состава партии, об **обучении** ленинского призыва основам ленинизма, о превращении их в сознательных ленинцев? Я думаю, что пора.

в) **О демократизации партийного руководства.** Ленинский призыв говорит о глубоком демократизме нашей партии, о пролетарском составе её основных ячеек, о несомненном доверии миллионов беспартийных масс к нашей партии. Но этим не исчерпывается демократизм нашей партии. Это только одна сторона демократизма. Другая сторона состоит в том, что само партийное руководство шаг за шагом демократизируется. На съезде уже говорилось, что центр тяжести партийного руководства всё более перемещается от узких верхушек и бюро к широким организациям, к пленумам местных и центральных организаций, причём сами эти пленумы расширяются и улучшаются в своём составе. Вы знаете, должно быть, что эту тенденцию в развитии наших руководящих организаций съезд целиком одобрил. О чём говорит всё это? О том, что наши руководящие организации начинают уходить всеми корнями своего существования в самую гущу пролетарских масс. Интересно проследить развитие Центрального Комитета нашей партии за последние шесть лет с точки зрения его численного и социального состава. Во время VII съезда (1918 г.) наш ЦК состоял из 15 членов, из коих рабочих — **один** (7 процентов), а интеллигентов 14 (93 процента). Это было на VII съезде. А теперь, после XIII съезда, ЦК состоит уже из

54 членов, из коих 29 рабочих (53 процента) и 25 интеллигентов (47 процентов). Это несомненный признак демократизации основного партийного руководства.

г) **О теории вообще и пропаганде ленинизма в частности.** Один из опасных недостатков нашей партии состоит в понижении теоретического уровня её членов. Причина — адская практическая работа, отбивающая охоту к теоретическим занятиям и культивирующая некую опасную беззаботность — чтобы не сказать больше — к вопросам теории. Несколько примеров.

Недавно я читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, Каменева), где чёрным по белому написано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение «России **нэпмановской**» в Россию социалистическую. Причём, — что еще хуже, — этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину. Ни больше, ни меньше! Между тем известно, что ничего такого не говорил и не мог сказать Ленин, ибо России «нэпмановской», как известно, нет в природе. Правда, Ленин говорил о России **«нэповской»**. Но одно дело «нэповская» Россия (т. е. Советская Россия, практикующая новую экономическую политику) и совершенно другое дело Россия «нэпмановская» (т. е. такая Россия, во главе которой стоят нэпманы). Понимает ли эту принципиальную разницу Каменев? Конечно, понимает. Почему же он выпалил тогда этот странный лозунг? По обычной беззаботности насчёт вопросов теории, насчёт точных теоретических определений. А между тем, весьма вероятно, что этот странный лозунг может породить в партии кучу недоразумений, если ошибка не будет исправлена.

Ещё один пример. Нередко говорят, что у нас «диктатура партии». Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется, даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда неправ Ленин, учивший нас, что Советы **осуществляют** диктатуру, а партия **руководит** Советами. Тогда неправ Ленин, говоривший о диктатуре пролетариата, а не о диктатуре партии. Если это верно, тогда не нужно Советов, тогда нечего было говорить Ленину на XI съезде о необходимости «**размежевания** партийных и советских органов». Но откуда и каким образом проникла эта чепуха в партийную среду? От увлечения «партийностью», которое приносит больше всего вреда именно партийности без кавычек, от беззаботности насчёт вопросов теории, от отсутствия привычки продумать лозунги раньше, чем они пущены в ход, ибо стòит на минуту подумать, чтобы понять всю несообразность подмены диктатуры класса диктатурой партии. Нужно ли доказывать, что эта несообразность способна породить в партии путаницу и неразбериху?

Или ещё. Всем известно, что во время дискуссии одна часть нашей партии поддалась антипартийной агитации оппозиционеров против организационных основ ленинизма. Любой большевик, прошедший самую краткосрочную школу теории ленинизма, догадался бы сразу, что проповедь оппозиции не имеет ничего общего с ленинизмом. Однако, одна часть партии, как известно, не сумела сразу разглядеть подлинную физиономию оппозиции. Чем это объяснить? Объясняется

это той же беззаботностью насчёт теории, низким теоретическим уровнем членов нашей партии.

Дискуссия поставила на очередь вопрос об изучении ленинизма. Смерть Ленина обострила этот вопрос, усилив среди членов партии интерес к теории. XIII съезд лишь отразил эти настроения, подтвердив в целом ряде резолюций необходимость изучения и пропаганды ленинизма. Задача партии состоит в том, чтобы использовать возросший интерес к вопросам теории и принять все меры к тому, чтобы поднять, наконец, теоретический уровень партии на должную высоту. Не следует забывать слов Ленина о том, что без ясной и правильной теории не может быть правильной практики.

О ЗАДАЧАХ УЕЗДНЫХ РАБОТНИКОВ

Товарищи! Это не случайно, что я именно к вам пришёл с докладом о съезде. Я пришёл к вам не только потому, что вы этого хотели, но и потому, что на данной стадии развития уезд, вообще, и уездные работники, в частности, являются основным звеном связи между партией и крестьянством, между городом и деревней. А вы хорошо знаете, что установление смычки между городом и деревней является теперь основным вопросом нашей партийной и государственной практики.

Я говорил выше, что установление смычки между государственной индустрией и крестьянским хозяйством должно быть проведено по трём основным линиям: по потребительской кооперации, по сельскохозяйственной кооперации и по низовой кредитной кооперации. Я говорил, что эти три канала являются основными каналами организации смычки. Но было бы увлечением

думать, что нам удастся теперь же сомкнуть индустрию с крестьянским хозяйством непосредственно через волости, минуя уезд. Нечего и доказывать, что у нас не хватит для этого ни сил, ни уменья, ни средств. Поэтому узловым пунктом смычки между городом и деревней в данный момент остаётся уезд, округ. Чтобы укрепиться в торговле, вовсе нет необходимости выжить последнего лавочника из последней волости, — для этого необходимо лишь превратить уезд в базу советской торговли с тем, чтобы вокруг кооперативно-советского магазина в уезде вынуждены были вертеться все и всякие лавочники, как планеты вокруг солнца. Чтобы овладеть кредитом, вовсе нет необходимости теперь же покрыть сетью кредитной кооперации волости и сёла, — достаточно построить базу в уезде, чтобы немедленно начался отход крестьянства от кулака и ростовщика. И так далее, и тому подобное.

Короче: на ближайшее время уезд (округ) должен превратиться в основную базу организации смычки между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством.

Как скоро случится это превращение, — это зависит от вас, товарищи уездные работники. Вас теперь человек 300. Это целая армия. От вас и от ваших товарищей по уездам нашей страны зависит добиться того, чтобы уезд был превращён в ближайшее же время в узловой пункт нашей партийной и государственной работы по установлению смычки между индустрией и крестьянским хозяйством. Я не сомневаюсь, что уездные работники выполнят свой долг перед партией и страной.

«Правда» №№ 136 и 137;
19 и 20 июня 1924 г.

О РАБКОРАХ

Беседа с сотрудником журнала «Рабочий Корреспондент» [54]

Значение участия рабочих в деле руководства газетой состоит в том, прежде всего, что оно — это участие — создаёт возможность превращения такого острого оружия в борьбе классов, как газета, из оружия закабаления народа в оружие освобождения. Только рабочие и сельские **корреспонденты** могут проделать это великое превращение.

Только как **организованная** сила, рабочие и сельские корреспонденты способны сыграть в ходе развития печати роль выразителя и проводника пролетарского общественного мнения, обличителя недостатков советской общественности, неутомимого борца за улучшение нашего строительства.

Выбирать ли рабкоров на собраниях рабочих или подбирать их редакциям? По-моему, второй способ (подбор редакциями) является более целесообразным. В основу дела должна быть положена независимость корреспондента от учреждений и лиц, с которыми он так или иначе соприкасается в своей работе, что

отнюдь не означает его независимости от той неуловимой, но непрерывно действующей силы, которая называется пролетарским общественным мнением и проводником которой рабочий корреспондент должен быть.

Рабочих и сельских корреспондентов нельзя рассматривать только лишь как будущих журналистов или заводских общественных работников, в узком смысле этого слова, — они являются, прежде всего, обличителями недочётов нашей советской общественности, борцами за упразднение этих недочётов, командирами пролетарского общественного мнения, старающимися направить неисчерпаемые силы этого величайшего фактора на помощь партии и Советской власти в трудном деле социалистического строительства.

Отсюда вытекает и вопрос о воспитательной работе среди рабочих и сельских корреспондентов. Обучать рабочих и сельских корреспондентов некоторому минимуму техники журналистики, конечно, необходимо. Но основное не в этом. Основное состоит в том, чтобы рабочие и сельские корреспонденты обучались в ходе своей работы и вырабатывали в себе то чутьё журналиста-общественника, без которого корреспондент не может выполнять свою миссию и которое не может быть привито какими-либо искусственными мерами обучения в техническом смысле этого слова.

Непосредственное идейное руководство рабочими и сельскими корреспондентами должно принадлежать редакциям газет, связанным с партией. Цензура корреспонденций должна быть сосредоточена в руках редакций газет.

Преследования рабочих и сельских корреспондентов есть варварство, пережиток буржуазных нравов. Защиту своего корреспондента от преследования должна взять на себя газета, которая одна только способна поднять жестокую обличительную агитацию против мракобесия.

Желаю «Рабочему Корреспонденту» всяческого успеха.

И. Сталин

«Рабочий Корреспондент» № 6,
июнь 1924 г.

О КОМПАРТИИ ПОЛЬШИ

Речь на заседании польской комиссии Коминтерна[55]
3 июля 1924 г.

Товарищи! У меня нет достаточного материала для того, чтобы говорить с той решительностью, с какой выступали здесь некоторые ораторы. Тем не менее, на основании тех материалов, которые я всё-таки раздобыл, и на основании прений, которые имели здесь место, я составил себе определённое мнение, которым я хотел бы поделиться с вами.

Несомненно, что польская компартия переживает ненормальное состояние. Внутри польской партии кризис — это факт. Это признал Валецкий, это признали вы все, это выявилось с очевидностью, поскольку здесь был констатирован разлад внутри ЦК польской партии между практиками из членов ЦК и лидерами ЦК. Более того. Сам ЦК польской партии на своих пленумах в декабре прошлого года и в марте этого года признал в своих резолюциях оппортунистичность целого ряда своих действий и осудил их без лишних слов. Кажется, дальше некуда итти. Всё это говорит, повторяю, о несомненном кризисе компартии Польши.

Где причина этого кризиса?

Причина в некоторых оппортунистических грехах в практике официальных лидеров компартии Польши.

Позвольте привести несколько примеров, подтверждающих это положение.

«Русский» вопрос. Некоторые польские товарищи говорят, что этот вопрос, как вопрос внешней политики, не имеет серьёзного значения для польской партии. Это неверно. «Русский» вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. Почему? Потому, что Советская власть в России — это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, т. е. в России, партия и власть начинают колебаться, значит, всё революционное движение во всём мире должно потерпеть серьёзнейший минус.

У нас в РКП(б) во время дискуссии начались колебания в партии. Оппозиция, оппортунистическая по существу, своей борьбой против партии вела к расшатыванию, к ослаблению партии, стало быть, вела к ослаблению самой Советской власти, ибо партия наша — партия правящая, и она является основным руководящим началом государственной власти. Естественно, что колебания внутри РКП(б) могли повести в дальнейшем к колебаниям, к ослаблению самой Советской власти. Колебания же Советской власти означают минус для революционного движения во всём мире. Именно поэтому разногласия внутри РКП(б) и вообще судьба РКП(б) не могут не иметь прямого отношения к судьбам революционного движения других стран. Вот почему «русский» вопрос, хотя он и является внешним вопросом для Польши, представляет вопрос первостепенной

важности для всех компартий, в том числе и для польской компартии.

Итак, как отнеслись вожди польской партии к «русскому» вопросу? Кого поддержали они, оппортунистическую оппозицию или революционное большинство РКП(б)? Для меня ясно, что вожди польской партии в первый период борьбы внутри РКП(б), борьбы с оппортунистической оппозицией, недвусмысленно поддержали эту оппозицию. Я не буду копаться в душе Варского или Валецкого, для меня неважно, что думал Варский, когда он писал известную резолюцию ЦК компартии Польши за оппозицию в РКП(б). Для меня важны прежде всего не намерения лиц, а объективные результаты этой резолюции. Объективные же результаты резолюции сводятся к тому, что она льёт воду на мельницу оппозиции. Резолюция эта была поддержкой оппортунистического крыла РКП(б). В этом всё дело. В период, когда ЦК польской партии принял эту резолюцию и послал её в ЦК РКП(б), он представлял польское отделение оппортунистической оппозиции в РКП(б). Если считать, что оппозиция в РКП(б) была некоторой фирмой, долженствующей иметь отделения в разных странах, то компартия Польши была тогда польским отделением этой фирмы. В этом суть оппортунистического грехопадения лидеров польской партии в «русском» вопросе. Это печально, но это, к сожалению, факт.

Германский вопрос. Он, после «русского» вопроса, имеет наиболее серьёзное значение, во-первых, потому, что из всех европейских стран Германия наиболее чревата революцией, во-вторых, потому, что революционная победа в Германии есть победа во всей Европе.

Если с какого-нибудь конца начнётся революционная встряска Европы, то это с Германии. Только Германия может взять инициативу в этом отношении, и победа революции в Германии есть обеспечение победы международной революции.

Вы знаете, что в истекшем году разгорелась борьба в компартии Германии между её революционным большинством и оппортунистическим меньшинством. Вы знаете, до чего велико значение победы левого или правого крыла германской компартии для всего хода международной революции. И что же? Кого поддержали лидеры ЦК польской компартии в этой борьбе? Они поддержали группу Брандлера [56] против революционного большинства германской компартии. Это признают теперь все, и друзья, и враги. Получилось то же самое, что и с «русским» вопросом. Если предположить, что в Германии существует некая фирма оппортунистической оппозиции коммунистической партии, то польские лидеры оказались польским отделением этой фирмы. Это опять-таки печально, но с фактом ничего не поделаешь: факт нужно признать.

О методе борьбы с оппортунистической оппозицией. Костржева говорит, что они, т. е. лидеры польского ЦК, по существу за русский ЦК и, пожалуй, за германский ЦК в нынешнем его составе, но расходятся с этими учреждениями в вопросе о методах борьбы с оппозицией. Они, видите ли, требуют мягких методов борьбы против оппозиции. Они за войну с оппозицией, но за такую войну, которая не влечёт за собой жертв. Валецкий дошёл даже до того, что воскликнул: помилуйте, мы за «тройку»! Я должен сказать, что никто не требует от Валецкого, чтобы он во всём поддакивал русскому ЦК.

Затем, я не знаю, что это за «тройка», за которую так распинается Валецкий. Он забыл, что никто не обязан поддакивать во всём русскому ЦК. (Валецкий с места: «Не обязан, но могу».) Конечно, можете, но надо же понять, что такое поведение ставит в неловкое положение и Валецкого, и русский ЦК. Дело вовсе не в поддакивании, а в том, что в России, в условиях нэпа, народилась новая буржуазия, которая, не имея возможности выступать открыто на политической арене, старается прорвать фронт коммунизма изнутри, ища своих героев среди лидеров РКП(б). Ну, а это обстоятельство ведёт к нарождению оппозиционных настроений внутри РКП(б), создавая почву для оппортунистического уклона. Дело, стало быть, в том, чтобы наши братские партии определили своё отношение к этому обстоятельству и заняли определённую позицию. В этом, повторяю, дело, а не в том, чтобы поддакивать русскому ЦК.

Что касается умягчённого метода Костржевы, то должен сказать, что он не выдерживает ни малейшей критики. Костржева за борьбу с оппортунистической оппозицией, но за такую борьбу, которая не ведёт к дискредитированию лидеров оппозиции. Но, во-первых, история не знает такой борьбы, которая не влекла бы за собой некоторых жертв. Во-вторых, нельзя победить оппозицию, не считаясь с тем, что победа влечёт за собой подрыв авторитета лидеров оппозиции, — иначе пришлось бы отказаться от всякой борьбы с оппозицией. В-третьих, полная победа над оппозицией является единственной гарантией от раскола. Других гарантий партийная практика не знает. Об этом говорит вся история РКП(б).

Германская социал-демократия еще в довоенное время, когда она была ортодоксальной, вела борьбу с оппортунизмом тем самым умягчённым методом, о котором здесь говорит Костржева. Но она добилась этим того, что победителем оказался оппортунизм, и раскол стал неизбежным.

РКП(б) вела борьбу с оппортунизмом испытанным методом решительной изоляции оппортунистических лидеров. И она добилась того, что победил революционный марксизм, а партия приобрела исключительную сплочённость.

Я думаю, что уроки РКП(б) должны стать для нас поучительными. Метод борьбы, рекомендуемый Костржевой, является отрыжкой социал-демократического оппортунизма. Он чреват опасностью раскола в партии.

Наконец, вопрос о руководстве партией. В чём состоит характерная черта в развитии коммунистических партий Запада в данный момент? Она состоит в том, что партии подошли вплотную к вопросу о перестройке партийной практики на новый, революционный лад. Дело идёт не о том, чтобы принять коммунистическую программу и декларировать революционные лозунги. Дело идёт о перестройке повседневной работы партии, её практики, в том направлении, чтобы каждый шаг партии и каждое её действие естественно вели к революционному воспитанию масс, к подготовке революции. В этом теперь суть дела, а не в принятии революционных директив.

Прухняк читал здесь вчера целую вереницу революционных резолюций, принятых лидерами ЦК Польши. Он с победным видом зачитал эти резолюции, полагая, что руководство партией исчерпывается выработкой

резолюций. Он и не догадывается, что выработка резолюций есть лишь первый шаг, начало руководства партией. Он не понимает, что основа руководства состоит не в выработке резолюций, а в их проведении, в их претворении в жизнь. В своей большой речи он забыл, ввиду этого, сообщить нам о судьбе этих резолюций, он не счёл нужным сказать, выполнены ли эти резолюции и в какой именно мере выполнены компартией Польши. А между тем, суть партийного руководства состоит именно в выполнении резолюций и директив. Глядя на него, я вспоминал обычного советского чиновника, держащего «ответ» перед ревизионной комиссией. «Проведена ли такая-то директива?», — спрашивает ревизионная комиссия. «Приняты меры», — отвечает чиновник. «Какие именно меры приняты?», — спрашивает ревизионная комиссия. «Дано распоряжение», — отвечает чиновник. Ревизионная комиссия требует документа. Чиновник с победным видом представляет копию распоряжения. Ревизионная комиссия спрашивает: — «А какова судьба распоряжения, выполнено ли оно и когда именно?». Чиновник делает большие глаза, заявляя, что «сведений не получено». Ревизионная комиссия, конечно, привлекает такого чиновника к ответственности. Вот этого именно советского чиновника напомнил мне Прухняк, когда он зачитывал здесь с победным видом революционные резолюции, об исполнении которых у него «сведений не имеется». Это не руководство партией, а издёвка над всяким руководством.

Каковы же выводы? Выводы сводятся к следующему.

Во-первых. Я решительно против того, чтобы в предстоящей партийной дискуссии в Польше провести водораздел между бывшими Польской партией социалистов

и Польской социал-демократией. Это было бы опасно для партии. Бывшие ППС и ПСД давно уже слились в единую партию, они ведут совместную борьбу с польскими помещиками и буржуазией, и делить теперь их ретроспективно на две части было бы глубочайшей ошибкой. Борьба должна пойти не по старой линии ППС и ПСД, а по новой линии изоляции оппортунистического крыла компартии Польши. Полная победа над оппортунистическим крылом — в этом гарантия от раскола и залог сплочённости партии.

Во-вторых. Я решительно против так называемого отсечения, т. е. против удаления некоторых членов ЦК из состава ЦК. Я вообще против перекройки ЦК сверху. Вообще надо иметь в виду, что хирургическая мера, производимая без особой нужды, оставляет в партии плохой осадок. Пусть сама компартия Польши перестраивает свой ЦК на предстоящем съезде или конференции. Не может быть, чтобы растущая партия не выдвинула новых вождей.

В-третьих. Я полагаю, что практические предложения, выдвинутые Уншлихтом, вполне правильны. Было бы вполне рационально вместо нынешних Оргбюро и Политбюро, которые оторвались друг от друга, выдвинуть единый политический и практический центр, составленный из членов нынешнего ЦК Польши.

Здесь высказывались сомнения насчёт теоретических знаний и партийного опыта новых лидеров, выдвинутых революционной борьбой в Польше. Я думаю, что это обстоятельство не может иметь решающего значения. В жизни РКП(б) бывали случаи, когда во главе громаднейших областных организаций становились рабочие с недостаточным теоретическим и политическим багажом.

Однако, эти рабочие оказывались лучшими лидерами, чем многие интеллигенты, лишённые необходимого революционного чутья. Вполне возможно, что на первых порах дела пойдут не вполне гладко с новыми лидерами, но это не беда, — раз — два споткнутся, а там научатся руководить революционным движением. Никогда готовые лидеры не падают с неба. Они вырастают лишь в ходе борьбы.

«Большевик» № 11,
20 сентября 1924 г.

ПИСЬМО т. ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Дорогой Демьян!

Пишу Вам с большим опозданием. Имеете право ругать меня. Но Вы должны принять во внимание, что я необыкновенный лентяй насчёт писем и вообще переписки.

По пунктам.

1. Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитман: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнём неистраченных сил». Так-то, Демьян.

2. «И обидеть боюсь, и лечиться надо», — пишете Вы. Мой совет: лучше обидеть пару другую посетителей и посетительниц, чем не лечиться по всем правилам искусства. Лечитесь, лечитесь, обязательно лечитесь. Не обидеть посетителей — это интересы минуты. Немножечко обидеть их во имя серьёзного лечения — это уже интересы более длительные. Оппортунисты тем, собственно, и отличаются от своих антиподов, что интересы первого порядка ставят выше интересов

второго порядка. Нечего и говорить, что Вы не будете подражать оппортунистам.

3. «Амнистионные нотки Вашего доклада секретарям укомов * не без лукавства», — пишете Вы. Вернее было бы сказать, что тут есть политика, которая, вообще говоря, не исключает и некоторого лукавства. Я думаю, что, после того как разбили вдребезги лидеров оппозиции, мы, т. е. партия, обязаны смягчить тон в отношении рядовых и средних оппозиционеров для того, чтобы облегчить им отход от лидеров оппозиции. Оставить генералов без армии — в этом вся музыка. Оппозиция имеет тысяч сорок — пятьдесят человек в партии; большинство из них хотело бы бросить своих лидеров, но мешает им своё собственное самолюбие или грубость, кичливость некоторых сторонников ЦК, изводящих булавочными уколами рядовых оппозиционеров и тормозящих тем самым их переход на нашу сторону. «Тон» моего доклада направлен против таких сторонников ЦК. Так, и только так, можно разрушить оппозицию, после того как её лидеры осрамлены на весь свет.

4. «Не подведёт ли нас урожай», — спрашиваете Вы. Он уже подвёл нас немножечко. Если в прошлом году собрали (валовой сбор) два миллиарда семьсот миллионов с лишним, то в этом году ожидается миллионов на 200 меньше. Это, конечно, удар по экспорту. Поражённых неурожаем хозяйств, правда, нынче в пять раз меньше, чем в 1921 году, и мы без особых усилий можем справиться с этим злом своими собственными силами. В этом можете не сомневаться. Но всё же удар

---

* См. настоящий том, стр. 234—260. *Ред.*

остаётся ударом. Впрочем нет худа без добра. Мы решили использовать обострившуюся готовность крестьянства сделать всё возможное для того, чтобы застраховать себя **в будущем** от случайностей засухи, и мы постараемся всемерно использовать эту готовность в целях проведения (совместно с крестьянством) решительных мер по мелиорации, улучшению культуры земледелия и пр. Думаем **начать** дело с образования минимально необходимого мелиоративного клина по зоне Самара — Саратов — Царицын — Астрахань — Ставрополь. Откладываем на это дело миллионов пятнадцать — двадцать. В следующем году перейдём к южным губерниям. Это будет начало революции в нашем сельском хозяйстве. Местные люди говорят, что крестьянство окажет серьёзную поддержку. Гром не грянет, мужик не перекрестится. Бич засухи, оказывается, необходим для того, чтобы поднять сельское хозяйство на высшую ступень и застраховать нашу страну от случайностей погоды навсегда. Колчак научил нас строить пехоту, Деникин — строить конницу, засуха учит строить сельское хозяйство. Таковы пути истории. И в этом нет ничего неестественного.

5. «Приезжайте», — пишете Вы. К сожалению не могу приехать. Не могу, потому что некогда. Советую Вам устроить «на Баку гулялся», — это необходимо. Тифлис не так интересен, хотя он внешне более привлекателен, чем Баку. Если Вы не видали еще лесов нефтяных вышек, то Вы «не видали ничего». Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как «Тяга» [57].

У нас, в Москве, полоса съездов еще не прошла. Речи и прения на V конгрессе — дело, конечно, хорошее,

но это, собственно говоря, одна декорация. Много интереснее дружеская беседа с делегатами Запада (а также Востока), которую мы все здесь вели. Я имел длительную беседу с немецкими, французскими, польскими рабочими. Великолепный революционный «материал»! По всему видно, что там, на Западе, растёт ненависть, настоящая революционная ненависть к буржуазным порядкам. С радостью слушал я их простые, но сильные речи об их желании «устроить революцию по-русски» у себя дома. Это новые рабочие. Таких еще не бывало на наших конгрессах. До революции еще, конечно, не так близко, но что дело идёт к революции — в этом можно не сомневаться. Меня поразила ещё одна черта у этих рабочих: тёплая и сильная, почти материнская любовь к нашей стране и колоссальная, неограниченная вера в правоту, в способности, в могущество нашей партии. От недавнего скепсиса остались рожки да ножки. Это тоже не случайность. Это тоже признак нарастающей революции.

Так-то, Демьян.

Ну, довольно, пока. Крепко жму руку.

Ваш ***И. Сталин***

15. VII. 24 г.

Печатается впервые

О Я. М. СВЕРДЛОВЕ

Есть люди, вожди пролетариата, о которых не шумят в прессе, может быть, потому, что сами они не любят шуметь о себе, но которые являются, тем не менее, жизненными соками и подлинными руководителями революционного движения. К числу таких вождей принадлежит Я. М. Свердлов.

Организатор до мозга костей, организатор по натуре, по навыкам, по революционному воспитанию, по чутью, организатор всей своей кипучей деятельностью, — такова фигура Я. М. Свердлова.

Что значит быть вождём-организатором в наших условиях, когда у власти стоит пролетариат? Это не значит подобрать помощников, составить канцелярию и давать через неё распоряжения. Быть вождём-организатором в наших условиях это значит, во-первых, — знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки, уметь подойти к работникам, во-вторых, — уметь расставить работников так:

1) чтобы каждый работник чувствовал себя на месте;

2) чтобы каждый работник мог дать революции максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам;

3) чтобы такого рода расстановка работников дала в своём результате не перебои, а согласованность, единство, общий подъём работы в целом;

4) чтобы общее направление организованной таким образом работы служило выражением и осуществлением той политической идеи, во имя которой производится расстановка работников по постам.

Я. М. Свердлов был именно такого рода вождём-организатором нашей партии и нашего государства.

Период 1917—1918 годов был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть, — власть Советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечив партии руководство, а Советам их нормальное развитие, — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией. В партии не найдётся людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России.

Идеологи и агенты буржуазии любят повторять истасканные фразы о том, что большевики не умеют строить, что они способны будто бы лишь разрушать. Я. М. Свердлов, вся его работа является живым опровержением этих россказней. Я. М. Свердлов и его работа в нашей партии не есть случайность. Партия, породившая такого великого строителя, как Я. М. Свердлов,

может смело сказать, что она умеет так же хорошо строить новое, как и разрушать старое.

Я далёк от того, чтобы претендовать на полное знакомство со всеми организаторами и строителями нашей партии, но должен сказать, что из всех знакомых мне незаурядных организаторов я знаю — после Ленина — лишь двух, которыми наша партия может и должна гордиться: И. Ф. Дубровинского, который погиб в туруханской ссылке, и Я. М. Свердлова, который сгорел на работе по строительству партии и государства.

«Пролетарская Революция» № 11 (34), ноябрь 1924 г.
Подпись: И. Сталин

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Я думаю, что для характеристики современного международного положения нет никакой необходимости учитывать все сколько-нибудь значительные факты, все без исключения особенности нынешней международной действительности. Для этого необходимо учесть лишь основные, решающие моменты современности. В настоящее время таких моментов имеется, по-моему, три:

а) наступление «эры» буржуазно-демократического «пацифизма»;

б) вмешательство Америки в дела Европы и лондонское соглашение Антанты о репарациях;

в) усиление левых элементов в рабочем движении Европы и рост международного удельного веса Советского Союза.

Рассмотрим эти основные моменты.

1. ПОЛОСА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО «ПАЦИФИЗМА»

Антанта оказалась бессильной справиться с результатами своих военных побед. Побить Германию и окружить Советский Союз удалось ей вполне. Составить план

ограбления Европы ей также удалось. Об этом говорят бесчисленные конференции и договоры государств Антанты. Но выполнить план ограбления она оказалась бессильной. Почему? Потому, что слишком велики противоречия между странами Антанты. Потому, что не удалось и не удастся им сговориться о дележе награбленного. Потому, что сопротивление стран, подлежащих ограблению, становится всё более серьёзным. Потому, что осуществление плана ограбления чревато военными столкновениями, а массы воевать не хотят. Теперь ясно для «всех», что лобовая империалистическая атака на Рур, рассчитанная на изничтожение Германии, оказалась опасной для самого же империализма. Ясно также и то, что откровенно империалистическая политика ультиматумов, рассчитанная на изоляцию Советского Союза, даёт лишь обратные результаты. Создалась такая обстановка, что Пуанкаре и Керзон, служа империализму верой и правдой, обостряли тем не менее своей «работой» растущий кризис в Европе, вызывали отпор масс против империализма, толкали массы на революцию. Отсюда неизбежность перехода буржуазии от политики лобовой атаки к политике компромиссов, от империализма открытого к империализму прикрытому, от Пуанкаре и Керзона к Макдональду и Эррио. Грабить мир без прикрытия стало небезопасно. Рабочая партия в Англии и левый блок во Франции [58] должны прикрыть наготу империализма. В этом источник «пацифизма» и «демократизма».

Иные думают, что буржуазия пришла к «пацифизму» и «демократизму» не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору. При этом предполагается, что буржуазия, разбив рабочий класс в

решающих боях (Италия, Германия), почувствовала себя победительницей и теперь она может позволить себе «демократизм». Иначе говоря, пока шли решающие бои, буржуазия нуждалась в боевой организации, в фашизме, теперь же, когда пролетариат разбит, буржуазия не нуждается больше в фашизме и она может заменить его «демократизмом», как лучшим методом закрепления своей победы. Отсюда делается тот вывод, что власть буржуазии упрочилась, «эру пацифизма» нужно считать длительной, а революцию в Европе — отложенной в дальний ящик.

Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория. Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока. Поэтому было бы ошибочно думать, что «пацифизм»

означает ликвидацию фашизма. «Пацифизм» в нынешней обстановке есть утверждение фашизма с выдвижением на первый план его умеренного, социал-демократического крыла.

Во-вторых, неверно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях, что буржуазная власть ввиду этого упрочилась. Решающих боёв не было еще хотя бы потому, что не было массовых действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре. Без таких партий решающие бои за диктатуру в условиях империализма невозможны. Решающие бои на Западе еще предстоят. Были лишь первые серьёзные атаки, отбитые буржуазией, первая серьёзная проба сил, показавшая, что пролетариат еще не в силах свергнуть буржуазию, а буржуазия уже не в силах сбросить со счетов пролетариат. И именно потому, что буржуазия уже не в силах поставить на колени рабочий класс, она оказалась вынужденной отказаться от лобовой атаки, пойти на обходные пути, пойти на компромиссы, прибегнуть к «демократическому пацифизму».

Наконец, неверно и то, что «пацифизм» является признаком силы, а не слабости буржуазии, что из «пацифизма» должно получиться упрочение власти буржуазии, отсрочка революции на неопределённый срок. Современный пацифизм означает приход к власти, прямой или косвенный, партий II Интернационала. Но что значит приход к власти партий II Интернационала? Это значит неизбежное их саморазоблачение, как лакеев империализма, как изменников пролетариата, ибо правительственная практика этих партий может привести лишь к одному результату: к их политическому

банкротству, к росту противоречий внутри этих партий, к их разложению, распаду. Но разложение этих партий ведёт к неминуемому разложению власти буржуазии, ибо партии II Интернационала являются опорой империализма. Могла ли пойти буржуазия на этот рискованный опыт с пацифизмом без особой нужды, по доброй воле? Конечно, нет! За период после империалистической войны буржуазия второй раз проделывает опыт с пацифизмом: первый раз — непосредственно после войны, когда революция, казалось, стучалась в двери, и второй раз — в настоящее время, после рискованных опытов Пуанкаре и Керзона. Кто решится отрицать, что это метание буржуазии от пацифизма к оголтелому империализму и обратно не может пройти даром для империализма, что оно вышибает из обычной обывательской колеи миллионные массы рабочих, что оно втягивает в политику самые отсталые слои пролетариата, что оно облегчает их революционизирование? Конечно, «демократический пацифизм» не есть еще керенщина, ибо керенщина предполагает двоевластие, развал буржуазной власти и зарождение основ власти пролетарской. Но что пацифизм означает величайшую раскачку народных масс, их втягивание в политику, что пацифизм расшатывает буржуазную власть и подготовляет почву для революционных встрясок, — в этом едва ли можно сомневаться. И именно поэтому пацифизм должен привести не к упрочению, а к ослаблению буржуазной власти, не к отсрочке революции на неопределённый срок, а к её ускорению.

Из этого, конечно, не следует, что пацифизм не представляет серьёзной опасности для революции. Пацифизм ведёт к подрыву основ буржуазной власти, он

подготавливает условия, благоприятные для революции. Но пацифизм может привести к таким результатам лишь **против** воли самих «пацифистов» и «демократов», лишь **при** энергичной разоблачательской работе коммунистических партий насчёт империалистической и контрреволюционной природы пацифистско-демократической власти Эррио — Макдональда. Что же касается воли самих пацифистов и демократов, что касается политики самих империалистов, то они, идя на пацифизм, преследуют лишь одну цель: обмануть массы звонкими фразами о мире для того, чтобы подготовить новую войну, ослепить их блеском «демократизма» для того, чтобы утвердить диктатуру буржуазии, усыпить массы шумихой о «суверенных» правах наций и государств для того, чтобы тем успешнее подготовить интервенцию в Китае, резню в Афганистане и в Судане, расчленение в Персии, околпачить их широковещательной болтовнёй о «дружеских» отношениях с Советским Союзом, о тех или иных «договорах» с Советской властью для того, чтобы тем теснее связаться с вышибленными из России контрреволюционными заговорщиками на предмет бандитских выступлений в Белоруссии, на Украине, в Грузии. Пацифизм нужен буржуазии для маскировки. В этой маскировке — главная опасность пацифизма. Добьётся ли буржуазия своей цели обмана народа — это зависит от энергии разоблачательской работы компартий Запада и Востока, от их умения срывать маску с империалистов в пацифистском облачении. Несомненно, что события и практика будут работать в этом отношении на коммунистов, вбивая клин между пацифистскими **словами** и империалистскими **делами** демократических прислужников капитала. Долг

коммунистов — не отставать от событий и безжалостно разоблачать каждый шаг, каждый акт прислужничества империализму и измены пролетариату со стороны партий II Интернационала.

2. ВМЕШАТЕЛЬСТВО АМЕРИКИ В ДЕЛА ЕВРОПЫ И ЛОНДОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ АНТАНТЫ О РЕПАРАЦИЯХ

Лондонская конференция Антанты [59] является наиболее полным выражением лживого, фальшивого буржуазно-демократического пацифизма. Если приход к власти Макдональда — Эррио и шумиха об «установлении нормальных отношений» с Советским Союзом должны были прикрыть и замаскировать ожесточённую борьбу классов в Европе и смертельную вражду буржуазных государств к Советскому Союзу, то соглашение Антанты в Лондоне должно прикрыть и замаскировать отчаянную борьбу Англии и Франции за гегемонию в Европе, возрастающее противоречие между Англией и Америкой в борьбе за господство на мировом рынке, нечеловеческую борьбу германского народа против гнёта Антанты. Нет больше войны между классами, конец революции, теперь можно будет кончить дело сотрудничеством классов, — вопят Макдональды и Реноде ли. Нет больше борьбы между Францией и Англией, между Америкой и Англией, между Германией и Антантой, конец войне, теперь можно будет кончить дело всеобщим миром во главе с Америкой, — вторят им друзья по лондонскому соглашению и братья по измене делу рабочего класса, социал-демократические герои пацифизма.

Что же, однако, произошло на лондонской конференции Антанты?

До лондонской конференции репарационный вопрос решался Францией самостоятельно, более или менее независимо от «союзников», ибо Франция имела в репарационной комиссии обеспеченное большинство. Оккупация Рура служила средством хозяйственной дезорганизации Германии и гарантией того, что Франция получит от Германии репарационные платежи, уголь и кокс для французской металлургии, химические полуфабрикаты и краски для французской химической промышленности и беспошлинный ввоз эльзасских текстильных фабрикатов в Германию. План был рассчитан на создание материальной базы для военной и экономической гегемонии Франции в Европе. Но план этот, как известно, не удался. Метод оккупации привёл лишь к обратным результатам. Ни платежей, ни поставок натурой в сколько-нибудь удовлетворительных размерах Франция не получила. Наконец, сам автор оккупации, Пуанкаре, оказался выброшенным за борт за его откровенно империалистическую политику, чреватую новой войной и революцией. Что касается гегемонии Франции в Европе, то она оказалась неудавшейся не только потому, что метод оккупации и откровенного грабежа исключал возможность хозяйственной смычки между французской и германской промышленностью, но и потому, что Англия была решительно против такой смычки, ибо Англия не могла не знать, что соединение германского угля с французским металлом не может не подорвать английскую металлургию.

Что же дала взамен всего этого лондонская конференция Антанты?

Во-первых, конференция отвергла путь самостоятельного решения вопросов репараций со стороны Франции, признав, что конфликтные вопросы должны решаться в последнем счёте арбитражной комиссией из представителей Антанты во главе с представителями Америки.

Во-вторых, конференция отвергла оккупацию Рура и признала необходимость эвакуации, хозяйственной (немедленно) и военной (через год или раньше). Мотивы: оккупация Рура на данной стадии опасна с точки зрения политического состояния Европы и неудобна с точки зрения организованного и систематического грабежа Германии. А что Антанта собирается грабить Германию основательно и систематически, — в этом едва ли может быть какое-либо сомнение.

В-третьих, отвергнув интервенцию военную, конференция вполне одобрила интервенцию финансово-хозяйственную, признав:

а) необходимость создания эмиссионного банка в Германии, подконтрольного специальному иностранному комиссару;

б) переход в частные руки государственных железных дорог, управляемых под контролем специального иностранного комиссара;

в) создание так называемого «переводного комитета» из представителей союзников, сосредоточивающего в своих руках все репарационные платежи в германской валюте, финансирующего германские поставки натурой из платёжных сумм, могущего вкладывать некоторые суммы репарационных платежей (в случае нецелесообразности их перевода во Францию) в германскую промышленность и имеющего, таким образом, полную

возможность держать в своих руках денежный рынок Германии.

Едва ли нужно доказывать, что это есть превращение Германии в колонию Антанты.

В-четвёртых, конференция признала за Францией право принудительного получения от Германии угля и химических продуктов в продолжение известного периода времени, но она тут же оговорилась, что за Германией остаётся право обращаться в арбитражную комиссию с требованием сокращения количества или даже прекращения этих принудительных платежей натурой. Тем самым она свела права Франции к нулю или почти к нулю.

Если ко всему этому добавить заём Германии в 800 миллионов марок, покрываемый английскими и главным образом американскими банкирами, если принять далее во внимание, что на конференции командовали банкиры, прежде всего, американские банкиры, то картина получится законченная: от французской гегемонии остались рожки да ножки, вместо гегемонии Франции получилась гегемония Америки.

Таковы итоги лондонской конференции Антанты.

Иные думают, на этом основании, что отныне противоречия интересов внутри Европы должны поблёкнуть перед лицом гегемонии Америки; что Америка, заинтересованная в вывозе капитала в Европу, сумеет посадить европейские страны на паёк и заставит их сидеть смирно во славу обогащения своих банкиров; что мир в Европе, правда принудительный, можно считать ввиду этого более или менее обеспеченным, на более или менее продолжительный период. Это предположение совершенно неправильно.

Во-первых, конференция решала вопрос о Германии без хозяина, без германского народа. Можно, конечно, «планировать» превращение Германии в завзятую колонию. Но пытаться превратить на деле в колонию такую страну, как Германия, теперь, когда даже отсталые колонии с трудом приходится удерживать в повиновении, — это значит заложить мину под Европу.

Во-вторых, конференция несколько отодвинула назад слишком выдвинувшуюся вперёд Францию, ввиду чего естественно получился фактический перевес Англии в Европе. Но думать, что Франция может помириться с перевесом Англии, — значит не считаться с фактами, не считаться с логикой вещей, которая обычно оказывается сильнее всякой иной логики.

В-третьих, конференция признала гегемонию Америки. Но американский капитал заинтересован в финансировании франко-германской промышленности, в наиболее рациональном её использовании, например, в духе комбинации французской металлургии с германской угольной промышленностью. Едва ли можно сомневаться в том, что американский капитал использует свои преимущества в этом именно, наиболее выгодном для него, направлении. Но думать, что Англия помирится с таким положением, — значит не знать Англии, не знать того, до чего дорожит Англия интересами своей металлургической промышленности.

Наконец, Европа не есть изолированная страна, она связана со своими колониями, она живёт соками этих колоний. Думать, что конференция может что-либо изменить к «лучшему» в отношениях между Европой и колониями, что она может задержать или замедлить развитие противоречий между ними, — значит верить в чудеса.

Какой же из этого вывод?

Вывод один: конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато она дополнила их новыми противоречиями, противоречиями между Америкой и Англией. Несомненно, что Англия по-старому будет углублять антагонизм между Францией и Германией для того, чтобы обеспечить своё политическое преобладание на континенте. Несомненно, что Америка, в свою очередь, будет углублять антагонизм между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить свою гегемонию на мировом рынке. Мы уже не говорим о глубочайшем антагонизме между Германией и Антантой.

Мировые события будут определяться этими антагонизмами, а не «пацифистскими» речами висельника Юза и велеречивого Эррио. Закон о неравномерном развитии империалистических стран и неизбежности империалистических войн остаётся теперь в силе больше, чем когда бы то ни было. Лондонская конференция лишь маскирует эти антагонизмы для того, чтобы заложить новые предпосылки для их небывалого обострения.

3. УСИЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ЕВРОПЫ. РОСТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОПУЛЯРНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Одним из вернейших признаков неустойчивости «пацифистско-демократического режима», одним из несомненнейших признаков того, что сам этот «режим» является пеной на поверхности от глубочайших революционных процессов, происходящих в недрах

рабочего класса, — нужно считать решительную победу революционного крыла в компартиях Германии, Франции, России, рост активности левого крыла в английском рабочем движении и, наконец, рост популярности Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока.

Компартии на Западе развиваются в своеобразных условиях. Во-первых, они неоднородны по составу, ибо они образовались из бывших социал-демократов, прошедших старую школу, и из молодых членов партии, не имеющих еще достаточного революционного закала. Во-вторых, кадры там не чисто большевистские, ибо на ответственных постах стоят выходцы из других партий, не успевшие еще порвать окончательно с социал-демократическими пережитками. В-третьих, они имеют перед собой такого опытного противника, как прошедшая огонь и медные трубы социал-демократия, всё еще представляющая огромную политическую силу в рядах рабочего класса. Наконец, они имеют против себя такого могучего врага, как европейская буржуазия с её испытанным государственным аппаратом, с её всесильной прессой. Думать, что такие компартии способны опрокинуть «с сегодня на завтра» европейский буржуазный строй, — значит жестоко заблуждаться. Поэтому очередная задача состоит в том, чтобы сделать компартии Запада действительно большевистскими, выковать в них настоящие революционные кадры, способные перестроить всю партийную практику в духе революционного воспитания масс, в духе подготовки революции.

Так обстояло дело с компартиями Запада еще в недавнем прошлом. Но в последнее полугодие дело

начинает меняться к лучшему. Последнее полугодие замечательно в том отношении, что оно даёт коренной перелом в жизни компартий Запада в смысле ликвидации социал-демократических пережитков, в смысле большевизации партийных кадров, в смысле изоляции оппортунистических элементов.

Какую опасность могут представить для революции социал-демократические пережитки в компартиях, — это с очевидностью вскрылось в печальном опыте с Саксонским рабочим правительством [60], когда оппортунистические лидеры попытались превратить идею единого фронта, как средство революционной мобилизации и организации масс, в метод социал-демократических парламентских комбинаций. Это был поворотный пункт, открывший глаза партийным массам и поднявший их против оппортунистических вождей.

Вторым вопросом, подорвавшим авторитет правых лидеров и выдвинувшим на сцену новых, революционных вождей, нужно считать так называемый «русский» вопрос, т. е. дискуссию в РКП(б). Известно, что группа Брандлера в Германии и группа Суварина [61] во Франции решительно поддержали оппортунистическую оппозицию в РКП(б) против основных кадров РКП(б), против её революционного большинства. Это был вызов революционным рабочим массам Запада, определённо сочувствующим Советской власти и её руководителю — РКП(б). Это был вызов партийным массам и революционному крылу компартий Запада. Не удивительно, что вызов этот кончился полным разгромом групп Брандлера и Суварина. Не удивительно, что дело это нашло свой отклик во всех остальных компартиях Запада. Если к этому добавить факт полной изоляции оппортунисти-

ческого течения в РКП(б), то картина получится законченная. V конгресс Коминтерна [62] лишь закрепил победу революционного крыла в основных секциях Коминтерна.

Несомненно, что ошибки оппортунистических вождей сыграли значительную роль в деле ускорения большевизации компартий Запада. Но столь же несомненно и то, что тут действовали и другие, более глубокие причины: успешное наступление капитала за последние годы, ухудшение жизненных условий рабочего класса, наличие громадной армии безработных, состояние общей экономической неустойчивости капитализма, нарастание революционного возмущения среди широких рабочих масс. Рабочие идут к революции, и они хотят иметь революционных вождей.

Итог. Процесс окончательного оформления действительно большевистских партий на Западе, представляющих опору грядущей революции в Европе, — начался. Таков итог последнего полугодия.

Ещё более тяжелы и своеобразны условия развития профессиональных союзов на Западе.

Во-первых, они узки по своей «испытанной» цеховой практике и враждебны социализму, ибо, возникши раньше социалистических партий и развившись без их помощи, они привыкли кичиться своей «независимостью», цеховые интересы ставят выше классовых интересов и ничего, кроме «копейки на рубль», признавать не хотят.

Во-вторых, они консервативны по духу и враждебны ко всяким революционным начинаниям, ибо они имеют

во главе старую, продажную, подкармливаемую буржуазией профсоюзную бюрократию, всегда готовую отдать профсоюзы в услужение империализму.

Наконец, они, эти профсоюзы, будучи объединены вокруг амстердамских реформистов, представляют ту самую многомиллионную армию реформизма, на которую опирается современный капиталистический строй.

Конечно, кроме амстердамских реакционных союзов существуют еще союзы революционные, примыкающие к Профинтерну [63]. Но, во-первых, значительная часть революционных союзов, не желая учинять раскол в профдвижении, остаётся в составе Амстердамского объединения [64], подчиняясь дисциплине последнего; во-вторых, в решающих странах Европы (Англия, Франция, Германия) амстердамцы всё еще представляют большинство рабочих. Не следует забывать, что Амстердам объединяет не менее четырнадцати миллионов профессионально организованных рабочих. Думать о том, что можно будет добиться в Европе диктатуры пролетариата против воли этих миллионов рабочих, — значит жестоко заблуждаться, сойти с почвы ленинизма, обречь себя на неминуемое поражение. Поэтому задача состоит в том, чтобы завоевать эти миллионные массы на сторону революции и коммунизма, освободить их из-под влияния реакционной профсоюзной бюрократии или, по крайней мере, добиться того, чтобы они заняли в отношении коммунизма позицию благожелательного нейтралитета.

Так обстояло дело до последнего времени. Но в последние годы картина начинает меняться к лучшему. Родиной замкнутых и реакционных профсоюзов является

Англия, бывшая некогда промышленно-капиталистическим гегемоном на мировом рынке. Падение этой монополии связывается с развитием финансового капитала, характеризующегося борьбой ряда крупнейших стран за колониальную монополию. Империалистическая фаза капитализма несёт с собой расширение **территории** для узких реакционных профсоюзов, но она же суживает материальную базу их, ибо империалистская сверхприбыль является объектом борьбы ряда стран, а колонии всё менее склонны оставаться в роли колоний. Не следует также забывать, что война значительно подорвала производство Европы. Известно, что общая сумма производства Европы составляет ныне не более 70% довоенного производства. Отсюда сокращение производства и успешное наступление капитала на рабочий класс. Отсюда сокращение заработной платы, фактическая отмена 8-часового рабочего дня и ряд неудачных забастовок обороны, лишний раз демонстрировавших измену профсоюзной бюрократии рабочему классу. Отсюда колоссальная безработица и рост недовольства рабочих реакционными профсоюзами. Отсюда идея единого фронта в области экономической борьбы рабочего класса и план объединения двух профсоюзных Интернационалов в единый Интернационал, способный организовать отпор капиталу. Речи реформистов на венском конгрессе Амстердамского Интернационала (июнь 1924 г.) о переговорах с «русскими» союзами и призыв английских профсоюзов на конгрессе тред-юнионов (начало сентября 1924 г.) к единству профессиональных союзов являются лишь отражением растущего напора масс на реакционную профсоюзную бюрократию. Самым замечательным во всём этом нужно

считать тот факт, что именно английские союзы, являющиеся гнездом консерватизма и основным ядром Амстердама, берут на себя почин в деле объединения реакционных и революционных профсоюзов. Появление левых элементов в английском рабочем движении — это вернейший показатель, говорящий о том, что «у них там», в Амстердаме, не всё благополучно.

Иные думают, что кампания об объединении союзов необходима именно теперь потому, что в Амстердаме появились левые элементы, которых **безусловно** нужно поддержать **всеми** силами, **всеми** средствами. Это неверно, или — точнее — это верно лишь отчасти. Дело в том, что компартии на Западе становятся массовыми организациями, они превращаются в настоящие большевистские партии, они растут и идут к власти вместе с ростом недовольства широких рабочих масс, что дело, стало быть, идёт к пролетарской революции. Но свергнуть буржуазию нельзя, не лишив её опоры в лице реакционного Амстердама, завоевать диктатуру нельзя, не завоевав эту буржуазную цитадель в Амстердаме на сторону революции. Но сделать это односторонней работой извне нельзя. Добиться этой цели в данный момент можно будет лишь комбинированной работой изнутри и извне по линии обеспечения единства профдвижения. Вот почему вопрос об объединении союзов и вхождении в международные производственные объединения становится вопросом животрепещущим. Поддержать и толкать вперёд левых, конечно, следует. Но действительная поддержка левых может получиться лишь в том случае, если знамя революционных союзов не будет свёрнуто, если реакционных лидеров Амстердама будут бичевать за их измену и раскольничество, если левых лидеров

будут критиковать за их половинчатость и нерешительность в борьбе с реакционными лидерами. Только такая политика может подготовить действительное объединение профсоюзов. В противном случае может получиться такая же картина, какая получилась в октябре прошлого года в Германии, когда левая группа Леви[65] была с успехом использована реакционной правой социал-демократией для окружения германских революционных рабочих.

Наконец, о росте популярности Советского Союза среди народов буржуазных государств. Может быть, самым верным показателем неустойчивости «пацифистско-демократического режима» следует считать тот несомненный факт, что влияние и авторитет Советского Союза среди трудящихся масс Запада и Востока не только не ослабевает, а, наоборот, растёт из года в год, из месяца в месяц. Речь идёт не о том, что Советский Союз получает «признание» в ряде буржуазных государств. Само по себе это «признание» не представляет еще чего-либо особенного, ибо оно диктуется, во-первых, потребностями капиталистической конкуренции буржуазных стран, стремящихся занять «своё место» на рынке Советского Союза, во-вторых, — «программой» пацифизма, требующего установления «нормальных отношений» с Советской страной, подписания хотя бы какого-нибудь «договора» с Советским Союзом. Речь идёт о том, что нынешние «демократы» и «пацифисты» побили своих буржуазных конкурентов на парламентских выборах **благодаря** платформе «признания» Советского Союза, что Макдональды и Эррио пришли к власти **и могут остаться у власти благодаря**, между прочим,

тому, что они блудят языком о «дружбе с Россией», что авторитет этих «демократов» и «пацифистов» является отражённым светом от авторитета Советской власти среди народных масс. Характерно, что даже такой всем известный «демократ», как Муссолини, считает нужным щегольнуть нередко перед рабочими своей «дружбой» с Советской властью. Не менее характерно, что даже такие, всем известные, хапатели чужого добра, как нынешние правители Японии, не хотят обходиться без «дружбы» с Советским Союзом. Мы уже не говорим о колоссальном авторитете Советской власти среди народных масс Турции, Персии, Китая, Индии.

Чем объяснить этот небывалый авторитет и эту необычную популярность в народных массах чужих государств такой «диктаторской» и революционной власти, как власть Советская?

Во-первых, ненавистью рабочего класса к капитализму и его стремлением освободиться от него. Рабочие буржуазных государств сочувствуют Советской власти, прежде всего, как власти, свергшей капитализм. Представитель железнодорожников Англии, небезызвестный Бромлей, недавно сказал на конгрессе тред-юнионов:

«Капиталисты знают, что глаза рабочих всего мира устремлены на Россию и что если русская революция победит, то сознательные рабочие других стран спросят себя, — почему мы так же не можем уничтожить капитализм?».

Бромлей, конечно, не большевик. Но то, что он сказал, это есть выражение чаяний и дум рабочих Европы. Ибо почему бы, в самом деле, не сбросить европейский капитализм, если «русские» вот уже седьмой год, с пользой для дела, обходятся без капиталистов? Вот где

источник громадной популярности Советской власти среди широких масс рабочего класса. Поэтому рост международной популярности Советского Союза означает рост ненависти рабочего класса всех стран к капитализму.

Во-вторых, ненавистью народных масс к войне и их стремлением разбить военные начинания буржуазии. Народные массы знают, что Советская власть первая открыла атаку против империалистической войны и, открыв атаку, подорвала войну. Народные массы видят, что Советский Союз является единственной страной, ведущей борьбу против новой войны. Они сочувствуют Советской власти потому, что она является знаменосцем мира между народами и верным оплотом против войны. Поэтому рост международной популярности Советской власти говорит о росте ненависти народных масс всего мира к империалистической войне и её организаторам.

В-третьих, ненавистью угнетённых масс зависимых стран и колоний к игу империализма, их стремлением разбить его. Советская власть является единственной властью, разбившей цепи «отечественного» империализма. Советский Союз является единственной страной, строящей свою жизнь на началах равенства и сотрудничества наций. Советское правительство является единственным в мире правительством, отстаивающим до конца единство и независимость, свободу и суверенность Турции и Персии, Афганистана и Китая, колониальных и зависимых стран всего мира. Угнетённые массы сочувствуют Советскому Союзу потому, что они видят в нём союзника в деле освобождения от империализма. Поэтому рост международной популярности

Советской власти означает рост ненависти угнетённых народов всего мира к империализму.

Таковы факты.

Едва ли можно сомневаться, что эти **три ненависти** не послужат к укреплению «пацифистско-демократического режима» современного империализма.

На днях министр иностранных дел Америки, «пацифист» и колчаковец Юз, издал черносотенную декларацию против Советского Союза. Несомненно, что лавры Пуанкаре не дают спать Юзу. Но едва ли можно сомневаться в том, что черносотенно-пацифистская декларация Юза послужит лишь к дальнейшему усилению влияния и авторитета Советского Союза среди трудящихся масс всего мира.

Таковы основные моменты, характеризующие нынешнее международное положение.

«Большевик» № 11,
20 сентября 1924 г.
Подпись: И. Сталин

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ

Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б)[66] 22 октября 1924 г.

НЕДОСТАТКИ ДОКЛАДОВ С МЕСТ

Товарищи! Я хотел прежде всего остановиться на недостатках отчётов, которые здесь были заслушаны. Я думаю, что основных недостатков было два.

Первый недостаток состоит в том, что делегаты всё время говорили об успехах работы, о недостатках же нашей работы в деревне — а их уйма — почти не упоминали. Подсчитывали стаж, кто когда родился, сколько членов в ячейке и прочее, а о недостатках нашей работы почти ничего не сказали. Между тем вопрос о недостатках нашей работы в деревне есть основной вопрос нашей практики. Поэтому отчёты получили — извиняюсь за выражение — некоторый налёт казёнщины. Любой слушатель, подошедший со стороны, мог бы подумать, что приехали люди, чтобы отчитаться перед ЦК, и сказали: «работа идёт удовлетворительно», или «всё обстоит благополучно». Это не годится, товарищи, ибо мы все знаем, — и мы, и вы, — что нет полного благополучия в работе ни у вас, на местах, ни у нас, в ЦК.

Второй недостаток отчётов состоит в том, что в них говорится, главным образом, о самих ячейках, об их

настроениях, настроения же миллионов беспартийных крестьян почему-то упускаются из виду. Коммунисты, оказывается, больше всего заняты собой: как у них идёт внутренняя жизнь, сколько лекций прочтено, какая пропаганда ведётся и пр. Коммунисты, оказывается, всё больше глядят на себя и забывают, что они окружены океаном беспартийных, без поддержки которых вся работа ячеек рискует превратиться в пустую пачкотню. Каковы взаимоотношения между партийными организациями и беспартийной массой, — об этом ничего или почти ничего не сказали. Нельзя глядеть только на себя. Надо глядеть прежде всего на миллионы беспартийных крестьян, изучать их нужды и пожелания, считаться с их запросами и настроениями. Отсюда сухость и некоторая бюрократичность отчётов.

Вот эти два основных недостатка я хотел отметить для того, чтобы товарищи приняли это к сведению.

Ещё раз извиняюсь, товарищи, за правду, которую я вам сказал. Но очень прошу, чтобы и вы сказали нам правду о недостатках и ошибках в работе ЦК.

А теперь к делу.

ГЛАВНЫЙ НЕДОСТАТОК ПАРТИИ — СЛАБОСТЬ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ В ДЕРЕВНЕ

В чём состоит основной недостаток нашей партии в данный момент, в условиях нэпа, когда политическая активность крестьянства поднялась, и когда от партии требуется гораздо больше, чем, скажем, два года тому назад?

Основной недостаток нашей партии состоит в слабости нашей партийной работы в деревне, в её неналаженности, в её неприглядности. Откуда взялась

эта слабость? Чем объяснить тот факт, что партийная работа в городах идёт на всех парах, а в деревне она хромает на обе ноги? Разве сельское хозяйство не развивается? Разве положение крестьян не улучшилось за эти два года после отмены продразвёрстки? Разве рост промышленности и подвоз городских изделий не облегчает положения крестьян? Разве твёрдая валюта не облегчила положения крестьян? Откуда же такая слабость нашей партийной работы в деревне? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего разрешить другой вопрос: откуда берётся сила нашей партии в городах?

В ЧЁМ СИЛА НАШЕЙ ПАРТИИ В ГОРОДАХ?

Итак, в чём сила нашей партии в городах? Основная сила нашей партии состоит в том, что у нас в городах партия имеет вокруг себя широкий круг беспартийного актива из **рабочих** в несколько сот тысяч человек, — актива, являющегося мостом между партией и миллионными массами рабочего класса. Сила нашей партии в городах состоит в том, что между партией и многомиллионной рабочей массой существует не стена, а соединяющий мост в лице беспартийного актива рабочей массы в несколько сот тысяч человек. Партия черпает силы из этого актива. Она куёт себе доверие масс через этот актив. Вы слыхали, что полгода тому назад в нашу партию влилось свыше 200 тысяч рабочих. Откуда они пришли? Из беспартийного актива, который окружает нашу партию атмосферой доверия, связывает её с остальной беспартийной массой. Беспартийный актив является, стало быть, не только соединяющим

мостом, но и богатейшим резервуаром, откуда черпает наша партия новые силы. Без такого актива развитие нашей партии было бы невозможно. Партия растёт и крепнет, если растёт и крепнет вокруг партии широкий слой беспартийного актива. Партия хиреет и чахнет, если такой актив отсутствует.

В ЧЁМ СЛАБОСТЬ НАШЕЙ РАБОТЫ В ДЕРЕВНЕ?

Итак, в чём состоит слабость нашей партийной работы в деревне?

В том, что у партии нет в деревне широкого слоя беспартийного актива из крестьян, могущего связать её с десятками миллионов трудового крестьянства нашей страны.

Как построено дело в деревнях? Есть тоненькая ниточка партийных ячеек в деревнях. Затем идёт столь же тоненькая ниточка беспартийных крестьян, сочувствующих партии. А за ней тянется океан беспартийности, десятки миллионов крестьян, которых не связывает и не может связать с партией тоненькая ниточка беспартийного актива. Этим, собственно, и объясняется, что ниточка эта не выдерживает, рвётся нередко, и вместо соединяющего моста образуется иногда глухая стена между партией и беспартийными массами в деревне.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА — СОЗДАТЬ ВОКРУГ ПАРТИИ АКТИВ ИЗ КРЕСТЬЯН

Поэтому основная задача нашей партии в деревне состоит в том, чтобы создать многочисленный беспартийный актив из крестьян в несколько сот тысяч

человек, могущий соединить партию с десятками миллионов трудящихся крестьян. Товарищи! **Либо** мы такой актив создадим и тем уравним положение нашей партии в деревне с положением её в городе, и тогда никакие вопросы и никакие трудности не страшны; **либо** мы такого актива не создадим, и тогда вся наша работа в деревне будет хромать на обе ноги. В этом центр тяжести всей нашей работы теперь. Без такого актива, обязательно многочисленного и обязательно из **действительных** крестьян, — наша партия в деревне обречена на хроническое недомогание. Конечно, дело это трудное, и в один год не создать такого актива. Но создать его нужно, и чем скорее начнём его создавать, тем лучше.

НУЖНО ОЖИВИТЬ СОВЕТЫ

Но как создать этот актив? Как добиться решения этой задачи? Думать, что её можно добиться путём словесной пропаганды, с книжкой в руках, — значит жестоко заблуждаться. Создать вокруг партии широкий слой беспартийного актива из крестьян возможно лишь в ходе массовой работы вокруг практических нужд деревни, в ходе широкого советского строительства в деревне, путём вовлечения крестьянства в дело управления волостью, районом, уездом, губернией. Оживить Советы, поставить их на ноги, вовлечь в Советы все лучшие элементы крестьянства, — таков тот путь, на котором можно будет выковать широкий актив из беспартийных крестьян.

Ленин говорил, что Советы есть орган смычки рабочих и крестьян, орган руководства крестьянами со

стороны рабочих. И вот, если мы хотим добиться того, чтобы политическая активность трудового крестьянства не ушла из-под руководства рабочих, мы должны принять все меры к тому, чтобы крестьянство было вовлечено в Советы, чтобы Советы были оживлены и поставлены на ноги, чтобы политическая активность крестьянства нашла выход в обязательном участии по управлению страной. Только в ходе такой работы может выделить крестьянство широкие кадры беспартийного актива. Только из такого актива может отбирать партия десятки тысяч членов партии в деревне.

НУЖНО ИЗМЕНИТЬ ПОДХОД К КРЕСТЬЯНСТВУ

Но чтобы оживить Советы, необходимо, кроме всего прочего, одно условие. Для этого необходимо изменить в корне самый подход к крестьянам. А в чём состоит это изменение? В том, чтобы коммунист научился подходить к беспартийному, как равный к равному. В том, чтобы не командовать, а чутко прислушиваться к голосу беспартийных. В том, чтобы не только учить беспартийных, но и учиться у них. А учиться нам есть чему у беспартийных. Вопрос о взаимоотношениях между партийными и беспартийными является важнейшим вопросом нашей партийной практики. Ленин определяет это взаимоотношение одним словом: взаимодоверие. Но доверия со стороны беспартийного крестьянина не может быть там, где не умеют подходить к нему, как равный к равному. В таких случаях вместо доверия создаётся недоверие, при этом дело нередко кончается тем, что между партией и беспартийными

создаётся глухая стена, партия отрывается от масс, а смычка рабочих и крестьян превращается в размычку.

УРОКИ ВОССТАНИЯ В ГРУЗИИ

Живым примером такого оборота дел является недавнее грузинское восстание [67]. В газетах у нас пишут о бутафорских выступлениях в Грузии. Это верно, ибо в общем восстание в Грузии было искусственное, не народное. Однако, в некоторых местах меньшевикам удалось благодаря плохой связи компартии с массой вовлечь часть крестьянской массы в восстание. Характерно, что эти местности являются наиболее насыщенными коммунистическими силами. В этих местностях имеется относительно гораздо больше коммунистов, чем в остальных. И вот здесь-то и прозевали люди, проглядели, не заметили, что среди крестьян есть брожение, что крестьяне к чему-то готовятся, что есть у них недовольство, что оно накапливалось изо дня в день, а партия ничего не знала об этом. Места, наиболее насыщенные коммунистами, оказались наиболее оторванными от настроений, от дум и чаяний беспартийного крестьянства. Вот в чём соль вопроса.

Как могла случиться эта несообразность? Да так, что коммунисты не сумели подойти к крестьянам по-ленински, вместо атмосферы доверия создали атмосферу взаимного недоверия и оторвали таким образом партию от беспартийных крестьян. Интересно, что один из активнейших работников Грузии объясняет эту несообразность слабостью Советов на местах и отрывом партии от беспартийных. «Несомненно, — говорит он, — что причину первостепенной важности, благодаря чему

мы могли проморгать нараставшее выступление, нужно искать в слабости Советов на местах». Ленин говорит, что Советы являются вернейшим барометром, вернейшим показателем настроений крестьянства. И вот этого именно барометра не оказалось в руках компартии в некоторых уездах Грузии.

Товарищи, события в Грузии нужно считать показательными. То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству, если не создадим атмосферы полного доверия между партией и беспартийными, если не будем прислушиваться к голосу беспартийных, наконец, если не оживим Советов для того, чтобы дать выход политической активности трудовых масс крестьянства.

Одно из двух: **либо** мы сумеем установить правильный ленинский подход к беспартийным крестьянам для того, чтобы направить растущую политическую активность крестьянства в русло советского строительства и обеспечить таким образом руководство крестьянами со стороны рабочих; **либо** мы этого не сумеем, и тогда политическая активность масс пойдёт помимо Советов, через голову Советов, вылившись в бандитские выступления, вроде восстания в Грузии.

Так стоит вопрос, товарищи.

НУЖЕН ЧУТКИЙ ПОДХОД К КРЕСТЬЯНСТВУ

Для характеристики того, насколько нечутко подходят иногда к крестьянам, следует сказать несколько слов об антирелигиозной пропаганде. Иногда некоторые товарищи рассматривают крестьян как философов-

материалистов, полагая, что стоит прочесть лекцию по естествознанию, чтобы убедить мужика в несуществовании бога. Они не понимают часто, что мужик смотрит на бога по-хозяйски, т. е. мужик иногда не прочь бы отвернуться от бога, но его часто раздирают сомнения: «а кто его знает, может, бог и в самом деле существует; не лучше ли будет ублаготворить и коммуниста, и бога, чтобы надёжнее было для хозяйства». Кто не учитывает эту особенность психологии крестьянина, тот ничего не понял в вопросе о взаимоотношениях между партийным и беспартийным, тот не понял того, что в вопросах антирелигиозной пропаганды требуется осторожное отношение даже к предрассудкам крестьянина.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ

Итак, мы приходим к следующим выводам:

1) Основной недостаток партийной работы в деревне состоит в отсутствии широкого беспартийного актива из крестьян между партией и десятками миллионов беспартийного крестьянства.

2) Очередная задача партии состоит в том, чтобы создать этот актив вокруг партии в деревне, из которого партия могла бы черпать новые силы.

3) Создать такой актив возможно лишь через оживление Советов и вовлечение крестьянства в дело управления страной.

4) Для оживления Советов необходимо коренное изменение в подходе к беспартийным крестьянам, отказ от командования и создание обстановки взаимного доверия между партийными и беспартийными.

Таковы задачи партии.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ

Имеются ли в наличии условия, благоприятные для проведения в жизнь этих задач? Безусловно, имеются. Таких условий — я имею в виду главные из них — три.

Во-первых. Растущая политическая активность деревенской бедноты. Следует обратить внимание на некоторые особенности развития сельского хозяйства. В то время как развитие промышленности сплачивает рабочих, ликвидирует деклассирование рабочего класса и восстанавливает рабочий класс как целое, в деревне, наоборот, развитие сельского хозяйства ведёт к разложению, диференциации крестьянства, к образованию двух лагерей: лагеря кулаков, старающихся занять командные позиции в деревне, и лагеря бедноты, ищущей союзников против кулака. Несомненно, что оживление Советов даст выход возрастающей активности деревенской бедноты для того, чтобы создать единый фронт, во главе с рабочими, против засилья кулака, спекулянта, ростовщика.

Во-вторых. Образование местного бюджета, как материальной основы оживления Советов. Нечего и говорить, что вопросы бюджета, сбора налогов и способов расходования имеют для крестьянства первостепенное значение. Поэтому участие крестьянства в советском строительстве приобретает теперь актуальное значение больше, чем когда бы то ни было.

В-третьих. Своевременная помощь, оказанная Советской властью голодающим районам нашей страны. Несомненно, что эта помощь создала среди крестьян атмосферу доверия в отношении к Советской власти. Едва ли нужно доказывать, что эта атмосфера облегчит дело оживления Советов.

ГЛАВНОЕ — СОХРАНЕНИЕ СВЯЗИ С МИЛЛИОНАМИ БЕСПАРТИЙНЫХ

Итак, мы имеем перед собой не только известные очередные задачи нашей партии в деревне, но и ряд благоприятных условий, облегчающих выполнение этих задач. Вопрос состоит теперь в том, чтобы дружнее взяться за выполнение этих задач.

Следует при этом помнить бессмертные слова Ленина о том, что сила нашей партии состоит в сохранении живого контакта между партией и миллионными массами беспартийных, что чем действительнее этот контакт, тем прочнее наши успехи. Он сказал их на XI съезде нашей партии. Вот они:

«В народной массе мы (коммунисты. **И. Ст.**) всё же **капля в море,** и мы можем управлять **только** тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознаёт. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится» * [68].

«Правда» № 242,
23 октября 1924 г.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

О ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ

Речь на пленуме ЦК РКП(б)[69]
26 октября 1924 г.

Товарищи! Так как предыдущие товарищи довольно подробно говорили о работе в деревне, мне придётся ограничиться некоторыми замечаниями насчёт особенностей современного момента.

В чём состоят особенности нынешнего момента с точки зрения положения крестьян?

Первая особенность состоит в том, что старый капитал, моральный капитал, приобретённый нами в борьбе за освобождение крестьян от помещика, начинает уже исчерпываться. Некоторые товарищи говорят: «По поводу чего поднят шум о работе среди крестьянства? Мы уже не раз говорили о крестьянстве, мы никогда не забывали о крестьянах, — откуда же этот шум о крестьянстве?». Но эти товарищи, видимо, не понимают, что старый моральный капитал нашей партии, накопленный в периоды Октября и отмены продразвёрстки, уже иссякает. Они не понимают того, что теперь нам нужен новый капитал. Нам нужно создать для партии новый капитал в условиях новой борьбы. Мы должны заново завоёвывать крестьянство. Вот в чём вопрос. О том, что мы помогли мужику сбросить

помещиков и получить землю, о том, что войну кончили, царя уже нет и вместе с царём снесены прочие царские скорпионы, — обо всём этом крестьяне успели уже забыть. На этом старом капитале теперь долго уже не проживёшь. Кто этого не понял, тот не понял ничего в новой обстановке, в новых условиях нэпа. Мы завоёвываем крестьянство заново — в этом первая особенность нашего внутреннего положения.

Но из этого следует, что новые разговоры о крестьянстве не только не лишни, но они несколько даже запоздали.

Вторая особенность состоит в том, что за этот период изменились наши основные классы — рабочие и крестьяне, — они стали другими. Раньше пролетариат был деклассирован, распылён, а крестьянство было объято желанием удержать в своих руках отнятую у помещиков землю и выиграть войну против помещиков. Так было раньше. Теперь другое дело. Войны нет больше. Индустрия растёт. Сельское хозяйство развивается. Нынешний пролетариат уже не деклассированный рабочий класс, а полнокровный пролетариат, культура и потребности которого растут изо дня в день. Что касается крестьянства, то это уже не старое, загнанное крестьянство, объятое страхом потери земли и готовое на все жертвы ради избавления от помещика. Это — новый класс, свободный и активный, забывший уже помещика и заботящийся теперь о том, чтобы получить дешёвый товар и сбыть свой хлеб подороже. Его характерная черта — растущая политическая активность. Теперь уже нельзя говорить о том, что «партия всё разберёт», что «партия всё устроит за всех». Таких разговоров не поняли бы теперь ни крестьяне, ни, тем более, рабочие.

Теперь надо пойти в массы поглубже, теперь надо разъяснять, объяснять, убеждать больше, чем это было раньше. Теперь надо заново завоёвывать доверие миллионов беспартийных и закреплять это доверие организационно, прежде всего через Советы. Этого требует возросшая политическая активность масс.

Но изменились не только классы. Изменилось также поле борьбы, ибо оно стало другим, совершенно другим. О чём раньше шла борьба? Нужна ли продразвёрстка или не нужна? Ещё раньше шла речь о том, нужен помещик или не нужен? Теперь эти вопросы уже преодолены, ибо нет больше ни помещика, ни продразвёрстки. Теперь дело идёт не о помещике и продразвёрстке, а о ценах на хлеб. Это — совершенно новое поле борьбы, обширное и очень сложное, требующее серьёзного изучения и серьёзной борьбы. Дело теперь даже не в налогах, ибо мужик дал бы налог, если бы цены на хлеб были «достаточно высокие» и если бы цены на мануфактуру и на другие городские изделия были «достаточно» снижены. Теперь основной вопрос — рынок и цены на городские товары, на сельскохозяйственные продукты.

Вот что пишет в ЦК секретарь Гомельского губкома:

«В трёх волостях был массовый отказ от принятия окладных листов. Темп поступления по сравнению с тем, каким он должен быть, отстаёт в три раза. Происходившие беспартийные волостные конференции были настолько бурными, что некоторые пришлось закрыть, а в некоторых была проведена поправка: просить центр снизить налог и повысить цены на хлеб. Не знаю, каково положение в других губерниях, но положение нашей губернии не совпадает с теми выводами, которые

вы (т. е. я) делаете в последнем закрытом письме. Настроение на местах у наших работников неважное. Деревня представляет взбудораженный улей, все толкуют о налоге и о ценах на хлеб».

Такие же сообщения имеются в ЦК из Сибири, Юго-Востока, Курской, Тульской, Нижегородской, Ульяновской и других губерний.

Смысл всех этих сообщений состоит в том, что мужику становится тесно от нашей политики цен, причём он хотел бы ослабить или даже сбросить прочь те рычаги по проведению этой политики цен, без которых наша индустрия не могла бы двинуться вперёд ни на шаг. Крестьянин как бы говорит нам: «вы опасаетесь снижать до крайности цены на городские изделия, вы боитесь наплыва заграничных товаров, для этого вы создали всякие таможенные преграды, ограждающие от конкуренции нашу молодую индустрию, но мне нет дела до вашей индустрии, я требую дешёвых товаров, откуда бы они ни шли». Или ещё: «вы боитесь поднять цены на хлеб, опасаясь подрыва заработной платы, для этого вы придумали всякие заготовительные органы, создали монополию внешней торговли и прочее, но мне нет дела до ваших преград и рычагов, я требую высоких цен на хлеб».

Таков смысл борьбы в области политики цен.

Особенно показательно в этом отношении последнее восстание в Грузии. Восстание это было, конечно, бутафорским, но в некоторых уездах, особенно в Гурийском уезде, оно, безусловно, имело массовый характер. Чего добивались крестьяне в Гурии? Дешёвых товаров, высоких цен на кукурузу. Гурия лежит на границе с Западом, она видит дешевизну заграничных

товаров в сравнении с нашими советскими товарами, и она бы хотела, чтобы цены на наши товары были снижены, по крайней мере, до заграничных цен или чтобы цены на кукурузу были подняты до степени, обеспечивающей выгодную закупку советских товаров. В этом экономическая основа гурийского восстания в Грузии. Именно поэтому это восстание является показательным для новых условий борьбы по всей Советской стране. Вот почему восстание в Грузии нельзя ставить на одну доску с восстанием в Тамбове, где речь шла не о ценах на изделия и сельскохозяйственные продукты, а о снятии продразвёрстки.

Вдохновителями этой новой борьбы на рынке и в деревне против советской политики цен являются кулаки, спекулянты и прочие антисоветские элементы. Они, эти элементы, стараются оторвать миллионные массы крестьянства от рабочего класса и подкопаться, таким образом, под диктатуру пролетариата. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы изолировать кулаков и спекулянтов, оторвать от них трудовое крестьянство и вовлечь его в советское строительство, дав, таким образом, выход его политической активности. Мы это можем сделать, и мы это уже делаем, так как трудовые массы крестьянства и особенно беднота заинтересованы в союзе с рабочими, в сохранении диктатуры пролетариата, а значит, в сохранении и тех экономических рычагов, на которых держится диктатура.

Что требуется для этого? Прежде всего необходимо позаботиться о том, чтобы создать вокруг партии в деревне многочисленные беспартийные кадры из крестьян, могущие соединить нашу партию с миллионами крестьян. Без этого нечего и говорить об отрыве крестьянства

от кулаков и спекулянтов, о завоевании и закреплении за партией десятков миллионов крестьян. Это дело, конечно, трудное. Но трудность не может служить нам непреодолимой преградой. Необходимо направить в деревню на помощь нашим ячейкам сотни, а может быть, и тысячи опытных, знающих деревню работников (дело тут не в количестве), способных поднять и создать актив беспартийных крестьян. При этом следует учесть то естественное недоверие крестьян к городским людям, которое всё еще имеется в деревне и которое, должно быть, не скоро выветрится. Вы знаете, как встречает крестьянин приезжего из города, особенно, если он слишком молод: «ещё один шалопай из города приехал, не иначе как надуть хочет». Объясняется это тем, что крестьянин больше всего верит тому, кто сам ведёт хозяйство и знает более или менее толк в хозяйстве. Вот почему я думаю, что центром нашей деятельности в деревне должна служить работа по созданию актива из самих крестьян, откуда партия могла бы черпать новые силы.

Но как это проделать? По-моему, для этого необходимо прежде всего оживить Советы. Необходимо всё живое, честное, инициативное, сознательное, особенно бывших красноармейцев, которые являются наиболее сознательными, наиболее инициативными из крестьян, втянуть в работу Советов. Почему именно Советов? Потому, во-первых, что Советы есть органы власти, а вовлечение трудового крестьянства в дело управления страной является очередной задачей партии. Потому, во-вторых, что Советы есть органы смычки рабочих и крестьян, органы руководства крестьянами со стороны рабочих, а руководство крестьянами со стороны рабочих

теперь необходимо больше, чем когда бы то ни было. Потому, в-третьих, что в Советах разрабатывается местный бюджет, а бюджет является животрепещущим вопросом для крестьянства. Потому, наконец, что Советы представляют вернейший барометр настроений крестьянства, а прислушиваться к голосу крестьянства обязательно следует. В деревне имеются и другие в высшей степени важные беспартийные организации вроде кресткомов, кооперативов, органов комсомола. Но есть опасность, что эти организации при известных условиях могут превратиться в чисто крестьянские союзы, могущие оторваться от рабочих. Чтобы этого не случилось, необходимо увязать работу этих организаций в Советах, где руководство крестьянами со стороны рабочих обеспечено по самой структуре Советов. Вот почему оживление Советов теперь, когда организации крестьян растут, как грибы после дождя, является задачей первостепенной важности.

Недавно на совещании сельских ячеек я призывал товарищей к беспощадной критике недостатков нашей партийной работы в деревне *. Это вызвало некоторое недовольство. Оказывается, есть такие коммунисты, которые боятся критики, не хотят вскрывать недостатков нашей работы. Это опасно, товарищи. Скажу больше: боязнь самокритики или критики со стороны беспартийных является теперь самой опасной болезнью. Ибо одно из двух: либо мы сами будем критиковать себя и дадим беспартийным раскритиковать нашу работу, — и тогда можно будет надеяться, что наша работа в деревне двинется вперёд; либо мы такой критики

* См. настоящий том, стр. 302—312. *Ред.*

не допустим, — и тогда нас будут критиковать события, вроде восстаний в Кронштадте, в Тамбове, в Грузии. Я думаю, что критика первого рода предпочтительнее критики второго рода. Вот почему не следует нам бояться критики ни со стороны партийных, ни, тем более, со стороны беспартийных.

Впервые напечатано в книге:
И. Сталин. Крестьянский вопрос.
М. — Л., 1925

ЗАПИСЬ В КРАСНУЮ КНИГУ ЗАВОДА «ДИНАМО»

Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России того, чтобы промышленность наша пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 миллионов, чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне спаяли окончательно пролетариев фабрик и тружеников земли в одну социалистическую армию...

И. Сталин

7/XI 24 г.

Впервые напечатано
в газете «Правда» № 152,
4 июня 1930 г.

ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ

Привет славной Конной армии, грозе белогвардейских легионов Краснова и Деникина, Врангеля и Пилсудского!

Привет вождям Конной армии, товарищу Будённому, красному генералу от крестьян, и товарищу Ворошилову, красному генералу от рабочих!

Конноармейцы! Ваши красные знамёна покрыты неувядаемой славой громких побед на фронтах четырёхлетней гражданской войны. В день торжества пятой годовщины вы должны поклясться, что останетесь верны этим знамёнам до гроба, что вы выполните с честью ваш долг перед социалистическим отечеством, когда воля рабочего класса призовёт вас к новым боям за победу коммунизма.

Ваш ***И. Сталин***

«Правда» № 261,
16 ноября 1924 г.

«КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ»

ПРИВЕТ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЕ», ВЕРНОМУ СТРАЖУ ВЕЛИКОГО ДЕЛА СОЮЗА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН!

«Крестьянская Газета»! Помни три заповеди:

1) Береги своих селькоров, как зеницу ока, — это твоя армия;

2) Свяжись покрепче с честнейшими и сознательнейшими из крестьян, особенно с бывшими красноармейцами, — это твоя опора;

3) Насаждай правду в деревне и труби на весь мир, неустанно труби, что освобождение крестьян немыслимо без братского союза с рабочими, что победа труда над капиталом невозможна без руководства крестьянами со стороны рабочих.

И. Сталин

«Крестьянская Газета» № 51,
17 ноября 1924 г.

ТРОЦКИЗМ ИЛИ ЛЕНИНИЗМ?

Речь на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г.

Товарищи! После обстоятельного доклада Каменева мне остаётся сказать немного. Я ограничусь поэтому разоблачением некоторых легенд, распространяемых Троцким и его единомышленниками об Октябрьском восстании, о роли Троцкого в восстании, о партии и подготовке Октября и т. д. Здесь же я коснусь троцкизма, как своеобразной идеологии, несовместимой с ленинизмом, и задач партии в связи с последними литературными выступлениями Троцкого.

I

ФАКТЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОМ ВОССТАНИИ

Прежде всего об Октябрьском восстании. Среди членов партии усиленно распространяют слухи о том, что ЦК в целом был будто бы против восстания в октябре 1917 года. Рассказывают обычно, что 10 октября, когда ЦК принял решение об организации восстания, ЦК в своём большинстве высказался сначала против восстания, но в это время ворвался будто бы на засе-

дание ЦК один рабочий и сказал: «Вы решаете вопрос против восстания, а я вам говорю, что восстание всё-таки будет, несмотря ни на что». И вот после этих угроз ЦК, будто бы струсивши, вновь поставил вопрос о восстании и принял решение об организации восстания.

Это не простой слух, товарищи. Об этом пишет известный Джон Рид в своей книге «Десять дней», который стоял далеко от нашей партии и, конечно, не мог знать истории нашего конспиративного собрания от 10 октября, попав, ввиду этого, на удочку сплетен, идущих от господ Сухановых. Этот рассказ передаётся и повторяется потом в ряде брошюр, принадлежащих перу троцкистов, между прочим, в одной из последних брошюр об Октябре, написанной Сыркиным. Эти слухи усиленно поддерживаются последними литературными выступлениями Троцкого.

Едва ли нужно доказывать, что все эти и подобные им арабские сказки не соответствуют действительности, что ничего подобного на самом деле не было на заседании ЦК, да и не могло быть. Мы могли бы ввиду этого пройти мимо этих нелепых слухов: мало ли вообще слухов фабрикуется в кабинетах оппозиционеров или стоящих вдали от партии людей. Мы, действительно, так и поступали до сего времени, не обращая внимания, например, на ошибки Джона Рида и не заботясь об исправлении этих ошибок. Но после последних выступлений Троцкого пройти мимо таких легенд уже нельзя, ибо на таких легендах стараются теперь воспитывать молодёжь и, к несчастью, кой-каких результатов уже добились в этом отношении. Я должен ввиду этого противопоставить этим нелепым слухам действительные факты.

Я беру протоколы заседания ЦК нашей партии от 10(23) октября 1917 года. Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. Обсуждается вопрос о текущем моменте и восстании. После прений голосуется резолюция товарища Ленина о восстании. Резолюция принимается большинством 10 против 2. Кажется, ясно: ЦК большинством 10 против 2 постановил перейти к непосредственной практической работе по организации восстания. Центральный Комитет выбирает на этом же заседании политический центр по руководству восстанием под названием Политического бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.

Таковы факты.

Эти протоколы сразу разрушают несколько легенд. Они разрушают легенду о том, что ЦК в своём большинстве стоял будто бы против восстания. Они разрушают также легенду о том, что ЦК в вопросе о восстании стоял будто бы перед расколом. Из протоколов ясно, что противники немедленного восстания — Каменев и Зиновьев — вошли в орган политического руководства восстанием наравне со сторонниками восстания. Ни о каком расколе не было и не могло быть речи.

Троцкий уверяет, что в лице Каменева и Зиновьева мы имели в Октябре правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов. Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола; как могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря

на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.? В партии достаточно известна беспощадность Ленина в отношении социал-демократов; партия знает, что Ленин ни на одну минуту не согласился бы иметь в партии, да еще на важнейших постах, социал-демократически настроенных товарищей. Чем объяснить, что партия обошлась без раскола? Объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма. В чём состояла эта общая почва? В единстве взглядов на основные вопросы: о характере русской революции, о движущих силах революции, о роли крестьянства, об основах партийного руководства и т. д. Без такой общей почвы раскол был бы неминуем. Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков.

Перейдём теперь к легенде об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений Троцкого, Ленцнером. Сам Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Петроградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя, как центральную фигуру Октябрьского восстания, вольно или невольно, способствует распространению слухов об особой роли Троцкого в восстании. Я далёк от того, чтобы отрицать несомненно важную роль

Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого. Обывателям, вроде Суханова, всё это может показаться странным, но факты, действительные факты, целиком и полностью подтверждают это моё утверждение.

Возьмём протоколы следующего заседания ЦК от 16(29) октября 1917 года. Присутствуют члены ЦК, плюс представители Петроградского комитета, плюс представители военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железнодорожников. В числе присутствующих, кроме членов ЦК, имеются: Крыленко, Шотман, Калинин, Володарский, Шляпников, Лацис и др. Всего 25 человек. Обсуждается вопрос о восстании с чисто практически-организационной стороны. Принимается резолюция Ленина о восстании большинством 20 против 2, при 3 воздержавшихся. Избирается **практический** центр по организационному руководству восстанием. Кто же попадает в этот центр? В этот центр выбираются пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания согласно директивам Центрального Комитета. Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто «ужасное», т. е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, «странным образом» не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель» восстания, Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли Троц-

кого? Не правда ли, несколько «странно» всё это, как сказал бы Суханов, или как сказали бы троцкисты. Между тем, здесь нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой **особой** роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймёт без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми «партийными» кумушками.

Это не значит, конечно, что Октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой, тот самый Ленин, чьи резолюции принимались ЦК при решении вопроса о восстании, тот самый Ленин, которому подполье не помешало быть действительным вдохновителем восстания, вопреки утверждению Троцкого. Глупо и смешно пытаться теперь болтовнёй о подполье замазать тот несомненный факт, что вдохновителем восстания был вождь партии В. И. Ленин.

Таковы факты.

Допустим, говорят нам, но нельзя отрицать того, что Троцкий хорошо дрался в период Октября. Да, это верно, Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Вообще я должен сказать, что в период победоносного

восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, нетрудно драться хорошо. В такие моменты даже отсталые становятся героями.

Но борьба пролетариата не представляет сплошного наступления, сплошной цепи успехов. Борьба пролетариата имеет также свои испытания, свои поражения. Настоящим революционером является не тот, кто проявляет мужество в период победоносного восстания, но тот, кто, умея драться хорошо при победоносном наступлении революции, умеет вместе с тем проявить мужество в период отступления революции, в период поражения пролетариата, кто не теряет голову и не дрейфит при неудачах революции, при успехах врага, кто не ударяется в панику и не впадает в отчаяние в период отступления революции. Недурно дрались левые эсеры в период Октября, поддерживая большевиков. Но кому не известно, что эти «храбрые» бойцы ударились в панику в период Бреста, когда наступление германского империализма бросило их в отчаяние и в истерику. Крайне печально, но факт несомненный, что у Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того, чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров. Бесспорно, что момент был трудный, нужно было проявить особое мужество и железное спокойствие для того, чтобы не растеряться, во-время отступить, во-время принять мир, вывести пролетарскую армию из-под удара германского империализма, сохранить крестьянские резервы и, получив таким образом передышку, ударить потом на врага с новыми силами. Но такого мужества и такой

революционной стойкости, к сожалению, не оказалось у Троцкого в эту трудную минуту.

По мнению Троцкого, основной урок пролетарской революции состоит в том, чтобы «не сдрейфить» во время Октября. Это неверно, ибо это утверждение Троцкого содержит лишь **частицу** правды об уроках революции. **Вся** правда об уроках пролетарской революции состоит в том, чтобы «не сдрейфить» не только в дни наступления революции, но и в дни её отступления, когда враг берёт верх, а революция терпит неудачи. Революция не исчерпывается Октябрём. Октябрь есть лишь начало пролетарской революции. Плохо, если дрейфят при подымающемся восстании. Ещё хуже, если дрейфят при тяжёлых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжёлых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до «сдачи» власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно не при чём.

Так обстоит дело с легендами об Октябрьском восстании.

II

ПАРТИЯ И ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

Перейдём теперь к вопросу о подготовке Октября.

Послушав Троцкого, можно подумать, что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте, разъедалась внутренними противоречиями и всячески мешала Ленину, и если бы не Троцкий, то неизвестно,

чем кончилось бы дело Октябрьской революции. Несколько забавно слышать эти странные речи о партии от Троцкого, объявившего в том же «предисловии» к III тому, что «основным инструментом пролетарского переворота служит партия», что «без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может», причём сам аллах не поймёт, как могла победить наша революция, если «основной её инструмент» оказался негодным, а «в обход партии» нет, оказывается, никакой возможности победить. Но странностями угощает нас Троцкий не впервые. Надо думать, что забавные речи о нашей партии относятся к числу обычных странностей Троцкого.

Рассмотрим вкратце историю подготовки Октября по периодам.

1) **Период новой ориентировки партии (март — апрель).** Основные факты этого периода:

а) свержение царизма;

б) образование Временного правительства (диктатура буржуазии);

в) появление Советов рабочих и солдатских депутатов (диктатура пролетариата и крестьянства);

г) двоевластие;

д) апрельская демонстрация;

е) первый кризис власти.

Характерной чертой этого периода является тот факт, что существуют рядом, вместе, в одно и то же время и диктатура буржуазии, и диктатура пролетариата и крестьянства, причём последняя доверчиво относится к первой, верит в её мирные стремления, добровольно отдаёт власть буржуазии и превращает себя,

таким образом, в её придаток. Серьёзных конфликтов между двумя диктатурами нет еще. Но есть зато «контактная комиссия» [70].

Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии. Старая, дореволюционная платформа прямого свержения правительства была ясна и определённа, но она уже не подходила к новым условиям борьбы. Теперь уже нельзя было итти прямо на свержение правительства, ибо оно было связано с Советами, находившимися под влиянием оборонцев, и партии пришлось бы вести непосильную войну и против правительства, и против Советов. Но нельзя было также вести политику поддержки Временного правительства, ибо оно являлось правительством империализма. Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (её большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперёд от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть па конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от неё полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка.

Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах [71]. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция Петроградской организации [72] (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция [73] (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Петроградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии.

Теперь, спустя семь лет, Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий у большевиков, изображая эти разногласия, как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело, ибо партия большевиков пережила эти разногласия без малейшего потрясения. Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли, причём известно, что разногласия бывали у нас и в прошлом, например, в период III Думы, что, однако, не мешало единству нашей партии. В-третьих, нелишне будет спросить, какова была **тогда** позиция самого Троцкого, охотно злорадствующего **теперь** по поводу былых разногласий у большевиков? Так называемый редактор сочинений Троцкого Ленцнер уверяет, что американские письма Троцкого (март) «целиком предвосхитили» ленинские «Письма из далека» [74] (март), легшие в основу Апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: «целиком пред-

восхитили». Троцкий не возражает против такой аналогии, принимая её, видимо, с благодарностью. Но, во-первых, письма Троцкого «совсем не похожи» на письма Ленина ни по духу, ни по выводам, ибо они отражают целиком и полностью антибольшевистский лозунг Троцкого: «без царя, а правительство рабочее», лозунг, означающий революцию без крестьянства. Стóит только просмотреть эти две группы писем, чтобы убедиться в этом. Во-вторых, чем объяснить в таком случае, что Ленин счёл нужным отмежеваться от Троцкого на другой же день после своего приезда из-за границы? Кому не известны неоднократные заявления Ленина о том, что лозунг Троцкого: **«без царя, а правительство рабочее»**, является попыткой «перепрыгнуть через неизжившее себя крестьянское движение», что этот лозунг означает «игру в захват власти рабочим правительством» *?

Что может быть общего между большевистскими тезисами Ленина и антибольшевистской схемой Троцкого с её «игрой в захват власти»? И откуда только берётся у людей эта страсть сравнивать хибарочку с Монбланом? Для чего понадобилось Ленцнеру это рискованное присоединение к куче старых легенд о нашей революции ещё одной легенды о «предвосхищении» в американских письмах Троцкого известных «Писем из далека» Ленина **?

* См. Сочинения Ленина, т. XX, стр. 104. См. также доклады на Петроградской общегородской конференции и на Общероссийской конференции РСДРП(б) (середина и конец апреля 1917 года).

** К числу таких легенд нужно отнести также очень распространённую версию о том, что Троцкий является будто бы

Недаром говорится, что услужливый медведь опаснее врага.

2) **Период революционной мобилизации масс (май—август).** Основные факты этого периода:

а) апрельская демонстрация в Петрограде и образование коалиционного правительства с участием «социалистов»;

б) первомайская демонстрация в основных центрах России с лозунгом «демократического мира»;

в) июньская демонстрация в Петрограде с основным лозунгом «Долой министров-капиталистов!»;

«единственным» или «главным организатором» побед на фронтах гражданской войны. Я должен заявить, товарищи, в интересах истины, что эта версия совершенно не соответствует действительности. Я далёк от того, чтобы отрицать важную роль Троцкого в гражданской войне. Но должен заявить со всей решительностью, что высокая честь организатора наших побед принадлежит не отдельным лицам, а великому коллективу передовых рабочих нашей страны — Российской Коммунистической партии. Может быть, нелишне будет привести несколько примеров. Вы знаете, что основными врагами Советской Республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т. е. и Колчака и Деникина, добили наши войска **вопреки** планам Троцкого.

Судите сами.

1) **О Колчаке.** Дело происходит летом 1919 года. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. Заседание Центрального Комитета. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белая (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войск с Восточного фронта и перебросить их на Южный фронт. Происходят жаркие прения. Центральный Комитет не соглашается с Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной

г) июньское наступление на фронте и неудачи русской армии;

д) июльская вооружённая демонстрация в Петрограде, уход министров-кадетов из правительства;

е) привод с фронта контрреволюционных войск, разгром редакции «Правды», борьба контрреволюции с Советами и образование нового коалиционного правительства во главе с Керенским;

ж) VI съезд нашей партии, давший лозунг подготовки вооружённого восстания;

з) контрреволюционное Государственное совещание и общая забастовка в Москве;

сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. Центральный Комитет отклоняет план Троцкого. Последний подаёт в отставку. Центральный Комитет не принимает отставки. Главком Вацетис, сторонник плана Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком, Каменев. С этого момента Троцкий отходит от прямого участия в делах Восточного фронта.

2) **О Деникине.** Дело происходит осенью 1919 года. Наступление на Деникина не удаётся. «Стальное кольцо» вокруг Мамонтова (рейд Мамонтова) явно проваливается. Деникин берёт Курск. Деникин подходит к Орлу. Троцкий вызывается с Южного фронта на заседание Центрального Комитета. Центральный Комитет признаёт положение тревожным и постановляет направить на Южный фронт новых военных работников, отозвав Троцкого. Новые военработники требуют «невмешательства» Троцкого в дела Южного фронта. Троцкий отходит от прямого участия в делах Южного фронта. Операции на Южном фронте, вплоть до взятия нами Ростова-на-Дону и Одессы, проходят без Троцкого.

Пусть попытаются опровергнуть эти факты.

и) неудачное наступление Корнилова на Петроград, оживление Советов, отставка кадетов и образование «Директории».

Характерной чертой этого периода нужно считать обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между Советами и Временным правительством, которое, — плохо ли, хорошо ли, — существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание «контактной комиссии» доживает последние дни. «Кризис власти» и «министерская чехарда» являлись тогда самыми модными словечками момента. Кризис на фронте и разруха в тылу делают своё дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция, в свою очередь, подстёгивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня.

Были ли тогда разногласия в нашей партии? Да, были. Но они имели исключительно деловой характер, вопреки уверениям Троцкого, пытающегося открыть «правое» и «левое» крыло партии. То есть это были такие разногласия, без которых не бывает вообще живой партийной жизни и действительной партийной работы.

Неправ Троцкий, уверяя, что апрельская демонстрация в Петрограде вызвала разногласия внутри Центрального Комитета. Центральный Комитет был абсолютно един в этом вопросе, осуждая попытку группы товарищей арестовать Временное правительство в момент, когда в Советах и в армии большевики составляли меньшинство. Если бы Троцкий писал

«историю» Октября не по Суханову, а по действительным документам, он без труда убедился бы в ошибочности своего утверждения.

Абсолютно неправ Троцкий, утверждая, что попытка, «по инициативе Ленина», устроить демонстрацию 10 июня встретила обвинение в «авантюризме» со стороны «правых» членов Центрального Комитета. Если бы Троцкий писал не по Суханову, он знал бы наверняка, что демонстрация 10 июня была отложена в полном согласии с Лениным, причём необходимость отсрочки защищал Ленин в большой речи на известном заседании Петроградского комитета (см. протоколы Петроградского комитета [75]).

Совершенно неправ Троцкий, говоря о «трагических» разногласиях внутри ЦК в связи с июльской вооружённой демонстрацией. Троцкий просто сочиняет, полагая, что некоторые члены руководящей группы ЦК «должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру». Троцкий, не входивший еще тогда в состав нашего ЦК и являвшийся лишь нашим советским парламентарием, мог, конечно, и не знать, что ЦК рассматривал июльскую демонстрацию лишь как средство прощупывания противника, что ЦК (и Ленин) не хотели и не думали превратить демонстрацию в восстание в момент, когда столичные Советы стояли еще за оборонцев. Вполне возможно, что кое-кто из большевиков, действительно, хныкал в связи с июльским поражением. Мне известно, например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готов был даже покинуть наши ряды. Но умозаключать отсюда против некоторых, будто бы «правых», будто бы членов ЦК, — значит безбожно искажать историю.

Неправ Троцкий, заявляя, что в корниловские дни обнаружилась в части верхов партии тенденция к блоку с оборонцами, к поддержке Временного правительства. Речь идёт, конечно, о тех самых будто бы «правых», которые не дают спать Троцкому. Троцкий неправ, так как есть на свете такие документы, как тогдашний ЦО партии, опрокидывающий заявления Троцкого. Троцкий ссылается на письмо Ленина в ЦК с предостережением против поддержки Керенского. Но Троцкий не понимает писем Ленина, их значения, их назначения. Ленин в своих письмах иногда нарочно забегает вперёд, выдвигая на первый план те возможные ошибки, которые могут быть допущены, и критикуя их авансом с целью предупредить партию и застраховать её от ошибок, или же иногда раздувает «мелочь» и делает «из мухи слона» с той же педагогической целью. Вождь партии, особенно если он находится в подполье, иначе и не может поступать, ибо он должен видеть дальше своих соратников и обязан бить тревогу по поводу каждой возможной ошибки, даже по поводу «мелочей». Но делать из таких писем Ленина (а таких писем у него немало) вывод о «трагических» разногласиях и трубить по этому поводу — значит не понимать писем Ленина, не знать Ленина. Этим, должно быть, и объясняется, что Троцкий попадает иногда пальцем в небо. Короче: никаких, ровно никаких, разногласий не было в ЦК в дни корниловского выступления.

После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе Советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне Советов, предостерегал от увлечения Советами, считая,

что Советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. Центральный Комитет и VI съезд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключённым оживление Советов. Корниловское выступление показало, что решение было правильно. Впрочем, это разногласие не имело актуального значения для партии. Впоследствии Ленин признал, что линия VI съезда была правильна. Интересно, что Троцкий не уцепился за это разногласие и не раздул его до «чудовищных» размеров.

Единая и сплочённая партия, стоящая в центре революционной мобилизации масс, — такова картина положения нашей партии в этот период.

3) **Период организации штурма (сентябрь — октябрь).** Основные факты этого периода:

а) созыв Демократического совещания и провал идеи блока с кадетами;

б) переход Московского и Петроградского Советов на сторону большевиков;

в) съезд Советов Северной области [76] и решение Петроградского Совета против вывода войск;

г) решение ЦК партии о восстании и образование Военно-революционного комитета Петроградского Совета;

д) решение петроградского гарнизона о вооружённой поддержке Петроградского Совета и организация системы комиссаров Военно-революционного комитета;

е) выступление большевистских вооружённых сил и арест членов Временного правительства;

ж) взятие власти Военно-революционным комитетом Петроградского Совета и создание Совета Народных Комиссаров II съездом Советов.

Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск из Петрограда был серьёзным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Петрограда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было ещё более серьёзным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Петроградского Совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию.

Были ли разногласия в этот период внутри Центрального Комитета? Да, были, и немаловажные. О разногласиях по вопросу о восстании я уже говорил. Они полностью отразились в протоколах ЦК от 10 и 16 октября. Я не стану поэтому повторять уже сказанное раньше. Необходимо теперь остановиться на трёх вопросах: об участии в предпарламенте, о роли Советов в восстании и о сроке восстания. Это тем более необходимо, что Троцкий, в своём рвении выдвинуть себя на видное место, «нечаянно» извратил позицию Ленина по двум последним вопросам.

Несомненно, что разногласия по вопросу о предпарламенте имели серьёзный характер. В чём состояла, так сказать, цель предпарламента? В том, чтобы помочь буржуазии отодвинуть Советы на задний план и заложить основы буржуазного парламентаризма. Мог ли предпарламент выполнить такую задачу при сложившейся революционной обстановке — это другой вопрос. События показали, что эта цель была неосуществима, а сам предпарламент представлял выкидыш корниловщины. Но несомненно, что именно такую цель преследовали меньшевики и эсеры, создавая предпарламент. Что могло означать при этих условиях участие большевиков в предпарламенте? Не что иное, как введение в заблуждение пролетарских масс насчёт подлинного лица предпарламента. Этим, главным образом, и объясняется та страстность, с которой бичует Ленин в своих письмах сторонников участия в предпарламенте. Участие в предпарламенте было, несомненно, серьёзной ошибкой.

Но было бы ошибочно думать, как это делает Троцкий, что сторонники участия пошли в предпарламент

с целью органической работы, с целью «введения рабочего движения» «в русло социал-демократии». Это совершенно неверно. Это неправда. Если бы это было верно, партии не удалось бы «в два счёта» ликвидировать эту ошибку путём демонстративного ухода из предпарламента. Жизненность и революционная мощь нашей партии в том, между прочим, и выразилась, что она мигом исправила эту ошибку.

А затем, позвольте мне исправить маленькую неточность, вкравшуюся в сообщение «редактора» сочинений Троцкого Ленцнера, о заседании большевистской фракции, решившем вопрос о предпарламенте. Ленцнер сообщает, что докладчиков на этом заседании было двое — Каменев и Троцкий. Это неверно. На самом деле докладчиков было четверо: двое за бойкот предпарламента (Троцкий и Сталин) и двое за участие (Каменев и Ногин).

Ещё хуже обстоит дело с Троцким, когда он касается позиции Ленина по вопросу о форме восстания. У Троцкого выходит, что, по Ленину, в октябре партия должна была взять власть «независимо от Совета и за спиной его». Критикуя потом эту чепуху, приписываемую Ленину, Троцкий «скачет и играет», разрешаясь в результате снисходительной фразой: «Это было бы ошибкой». Троцкий говорит тут неправду о Ленине, он искажает взгляд Ленина на роль Советов в восстании. Можно было бы привести целую груду документов, говорящих о том, что Ленин предлагал взятие власти **через** Советы, Петроградский или Московский, а не **за спиной** Советов. Для чего понадобилась Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?

Не лучше обстоит дело с Троцким, когда он «разбирает» позицию ЦК и Ленина по вопросу о сроке восстания. Сообщая о знаменитом заседании ЦК от 10 октября, Троцкий утверждает, что на этом заседании «была вынесена резолюция в том смысле, что восстание должно произойти не позже 15 октября». Выходит, что ЦК назначил срок восстания на 15 октября и потом сам же нарушил это постановление, оттянув срок восстания на 25 октября. Верно ли это? Нет, неверно. Центральный Комитет вынес за этот период всего две резолюции о восстании — от 10 октября и от 16 октября. Зачтём эти резолюции.

Резолюция ЦК от 10 октября:

«ЦК признаёт, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира * империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — всё это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — всё это ставит на очередь дня вооружённое восстание.

Признавая таким образом, что вооружённое восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)» [77].

---

* Очевидно, должно быть: «сепаратного мира». *И. Ст.*

Резолюция совещания ЦК с ответственными работниками от 16 октября:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооружённого восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления» [78].

Вы видите, что Троцкому изменила память насчёт срока восстания и резолюции ЦК о восстании.

Совершенно неправ Троцкий, утверждая, что Ленин недооценивал советскую легальность, что Ленин не понимал серьёзного значения взятия власти Всероссийским съездом Советов 25 октября, что будто бы именно поэтому Ленин настаивал на взятии власти до 25 октября. Это неверно. Ленин предлагал взятие власти до 25 октября по двум причинам. Во-первых, потому, что контрреволюционеры могли в любой момент сдать Петроград, что обескровило бы подымающееся восстание и ввиду чего дорог был каждый день. Во-вторых, потому, что ошибка Петроградского Совета, открыто назначившего и распубликовавшего день восстания (25 октября), не могла быть исправлена иначе, как фактическим восстанием до этого легального срока восстания. Дело в том, что Ленин смотрел на восстание, как на искусство, и он не мог не знать, что враг, осведомлённый (благодаря неосторожности Петроградского Совета) насчёт дня восстания, обязательно постарается подготовиться к этому дню, ввиду чего необходимо было предупредить врага, т. е. начать восстание обязательно до легального срока. Этим, главным обра-

вом, и объясняется та страстность, с которой бичевал Ленин в своих письмах фетишистов даты — 25 октября. События показали, что Ленин был совершенно прав. Известно, что восстание было начато до Всероссийского съезда Советов. Известно, что власть была взята фактически до открытия Всероссийского съезда Советов, и была она взята не съездом Советов, а Петроградским Советом, Военно-революционным комитетом. Съезд Советов лишь принял власть из рук Петроградского Совета. Вот почему длинные рассуждения Троцкого о значении советской легальности являются совершенно излишними.

Живая и мощная партия, стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть, — таково состояние нашей партии в этот период.

Так обстоит дело с легендами о подготовке Октября.

III

ТРОЦКИЗМ ИЛИ ЛЕНИНИЗМ?

Мы говорили выше о легендах против партии и о Ленине, распространяемых Троцким и его единомышленниками в связи с Октябрём и его подготовкой. Мы разоблачали и опровергали эти легенды. Но вот вопрос: для чего понадобились Троцкому все эти легенды об Октябре и подготовке Октября, о Ленине и партии Ленина? Для чего понадобились новые литературные выступления Троцкого против партии? В чём смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискутировать, когда партия завалена кучей

неотложных задач, когда партия нуждается в сплочённой работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам? Для чего понадобилось Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Троцкий уверяет, что всё это необходимо для «изучения» Октября. Но неужели нельзя изучать Октябрь без того, чтобы не лягнуть лишний раз партию и её вождя Ленина? Что это за «история» Октября, которая начинается и кончается развенчиванием главного деятеля Октябрьского восстания, развенчиванием партии, организовавшей и проведшей это восстание? Нет, дело тут не в изучении Октября. **Так** Октябрь не изучают. **Так** историю Октября не пишут. Очевидно, «умысел» другой тут есть. А «умысел» этот состоит, по всем данным, в том, что Троцкий в своих литературных выступлениях делает ещё одну (ещё одну!) попытку подготовить условия для подмены ленинизма троцкизмом. Троцкому «дозарезу» нужно развенчать партию, её кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчивания партии перейти к развенчиванию ленинизма. Развенчивание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию. Всё это, конечно (о, конечно!), под флагом ленинизма, чтобы процедура протаскивания прошла «максимально безболезненно».

В этом суть последних литературных выступлений Троцкого.

Поэтому эти литературные выступления Троцкого ставят ребром вопрос о троцкизме.

Итак, что такое троцкизм?

Троцкизм содержит три особенности, ставящие его в непримиримое противоречие с ленинизмом.

Что это за особенности?

Во-первых. Троцкизм есть теория «перманентной» (непрерывной) революции. А что такое перманентная революция в её троцкистском понимании? Это есть революция без учёта маломощного крестьянства как революционной силы. «Перманентная» революция Троцкого есть, как говорит Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти». В чём её опасность? В том, что такая революция, если бы её попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т. е. маломощное крестьянство. Этим и объясняется та борьба, которую ведёт ленинизм с троцкизмом еще с 1905 года.

Как расценивает Троцкий ленинизм с точки зрения этой борьбы? Он рассматривает его, как теорию, содержащую в себе «антиреволюционные черты». На чём основан такой сердитый отзыв о ленинизме? На том, что ленинизм отстаивал и отстоял в своё время идею диктатуры пролетариата и крестьянства.

Но Троцкий не ограничивается этим сердитым отзывом. Он идёт дальше, утверждая, что: «Всё здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несёт в себе ядовитое начало собственного разложения» (см. письмо Троцкого Чхеидзе 1913 г.). Как видите, перед нами две противоположные линии.

Во-вторых. Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к её монолитности, к её враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в

организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии. Вам, должно быть, известна история с Августовским блоком Троцкого, где благополучно сотрудничали между собой мартовцы и отзовисты, ликвидаторы и троцкисты, изображая из себя «настоящую» партию. Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии. В чём состояли тогда «наши разногласия»? В том, что ленинизм видел залог развития пролетарской партии в разрушении Августовского блока, тогда как троцкизм усматривал в этом блоке базу для создания «настоящей» партии.

Опять, как видите, две противоположные линии.

В-третьих. Троцкизм есть недоверие к лидерам большевизма, попытка к их дискредитированию, к их развенчиванию. Я не знаю ни одного течения в партии, которое могло бы сравниться с троцкизмом в деле дискредитирования лидеров ленинизма или центральных учреждений партии. Чего стоит, например, «любезный» отзыв Троцкого о Ленине, характеризуемом им, как «профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. там же). А ведь это далеко не самый «любезный» отзыв из всех существующих «любезных» отзывов Троцкого.

Как могло случиться, что Троцкий, имеющий за спиной такой неприятный груз, оказался всё-таки в рядах большевиков во время Октябрьского движения? А случилось это потому, что Троцкий отказался тогда (фактически отказался) от своего груза, спрятал его в шкаф. Без этой «операции» серьёзное сотрудничество с Троцким было бы невозможно. Теория

Августовского блока, т. е. теория единства с меньшевиками, была уже разбита и выброшена вон революцией, ибо о каком единстве могла быть речь при вооружённой борьбе между большевиками и меньшевиками? Троцкому оставалось лишь признать факт негодности этой теории.

С теорией перманентной революции «случилась» та же неприятная история, ибо никто из большевиков не помышлял о немедленном захвате власти на другой день после февральской революции, причём Троцкий не мог не знать, что большевики не позволят ему, говоря словами Ленина, «играть в захват власти». Троцкому оставалось лишь признать политику большевиков о борьбе за влияние в Советах, о борьбе за завоевание крестьянства. Что касается третьей особенности троцкизма (недоверие к большевистским лидерам), то она естественно должна была отойти на задний план ввиду явного провала двух первых особенностей.

Мог ли Троцкий при таком положении дел не спрятать своего груза в шкаф и не пойти за большевиками, он, не имевший за собой сколько-нибудь серьёзной группы и пришедший к большевикам, как лишённый армии политический одиночка? Конечно, не мог!

Какой же из этого урок? Урок один: длительное сотрудничество ленинцев с Троцким возможно лишь при полном отказе последнего от старого груза, при полном его присоединении к ленинизму. Троцкий пишет об уроках Октября, но он забывает, что кроме всех прочих уроков есть ещё один урок Октября, только что рассказанный мной и имеющий для троцкизма первостепенное значение. Не мешало бы троцкизму учесть и этот урок Октября.

Но этот урок, как видно, не пошёл впрок троцкизму. Дело в том, что старый груз троцкизма, спрятанный в шкаф в дни Октябрьского движения, теперь вновь вытаскивают на свет в надежде на сбыт, — благо, рынок у нас расширяется. Несомненно, что в новых литературных выступлениях Троцкого мы имеем попытку вернуться к троцкизму, «преодолеть» ленинизм, протащить, насадить все особенности троцкизма. Новый троцкизм не есть простое повторение старого троцкизма, он довольно-таки общипан и потрёпан, он несравненно мягче по духу и умереннее по форме, чем старый троцкизм, но он, несомненно, сохраняет, по сути дела, все особенности старого троцкизма. Новый троцкизм не решается выступать против ленинизма, как воинствующая сила, он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под лозунгом истолкования, улучшения ленинизма. Это потому, что он слаб. Нельзя считать случайностью тот факт, что выступление нового троцкизма совпало с моментом ухода Ленина. При Ленине он не решился бы на этот рискованный шаг.

В чём состоят характерные черты нового троцкизма?

1) **По вопросу о «перманентной» революции.** Новый троцкизм не считает нужным открыто отстаивать теорию «перманентной» революции. Он «просто» устанавливает, что Октябрьская революция целиком подтвердила идею «перманентной» революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции, и, наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о рассечении ленинизма на две части: на ленинизм

довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, Октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма. Эта теория рассечения ленинизма нужна троцкизму, как первый, более или менее «приемлемый» шаг, необходимый для того, чтобы облегчить ему следующие шаги по борьбе с ленинизмом.

Но ленинизм не есть эклектическая теория, склеенная из разнообразных элементов и допускающая возможность своего рассечения. Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 году, прошедшая испытания трёх революций и шествующая теперь вперёд, как боевое знамя всемирного пролетариата.

«Большевизм, — говорит Ленин, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата» (см. т. XXV, стр. 174).

Большевизм и ленинизм — едино суть. Это два наименования одного и того же предмета. Поэтому теория рассечения ленинизма на две части есть теория разрушения ленинизма, теория подмены ленинизма троцкизмом.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной теорией.

2) **По вопросу о партийности.** Старый троцкизм подрывал большевистскую партийность при помощи теории (и практики) единства с меньшевиками. Но эта теория до того оскандалилась, что о ней теперь не хотят даже и вспоминать. Для подрыва партийности современный

троцкизм придумал новую, менее скандальную и почти «демократическую» теорию противопоставления старых кадров партийному молодняку. Для троцкизма не существует единой и цельной истории нашей партии. Троцкизм делит историю нашей партии на две неравноценные части, на до-октябрьскую и по-октябрьскую. До-октябрьская часть истории нашей партии есть, собственно, не история, а «предъистория», неважный или, во всяком случае, не очень важный подготовительный период нашей партии. По-октябрьская же часть истории нашей партии есть настоящая, подлинная история. Там — «старые», «предъисторические», неважные кадры нашей партии. Здесь — новая, настоящая, «историческая» партия. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная схема истории партии есть схема подрыва единства между старыми и новыми кадрами нашей партии, схема разрушения большевистской партийности.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной схемой.

3) **По вопросу о лидерах большевизма.** Старый троцкизм старался развенчать Ленина более или менее открыто, не боясь последствий. Новый троцкизм поступает более осторожно. Он старается сделать дело старого троцкизма под видом восхваления Ленина, под видом его возвеличения. Я думаю, что стóит привести несколько примеров.

Партия знает Ленина, как беспощадного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, не любил зарывающихся и нередко пресекал твёрдой рукой увлекающихся террором, в том числе и самого Троцкого. Троцкий касается этой темы в своей книге

«О Ленине». Но из его характеристики выходит, что Ленин только и делал, что «вколачивал при каждом подходящем случае мысль о неизбежности террора». Получается впечатление, что Ленин был самым кровожадным из всех кровожадных большевиков.

Для чего понадобилось Троцкому это ненужное и ничем не оправдываемое сгущение красок?

Партия знает Ленина, как примерного партийца, не любящего решать вопросы единолично, без руководящей коллегии, наскоком, без тщательного прощупывания и проверки. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но у него получается не Ленин, а какой-то китайский мандарин, решающий важнейшие вопросы в тиши кабинета, по наитию.

Вы хотите знать, как был решён нашей партией вопрос о разгоне Учредительного собрания? Послушайте Троцкого:

«Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, — говорил Ленин, — но вот, как насчёт левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашёл к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал:

— А ведь придётся, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой.

— Браво! — воскликнул Ленин, — что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что, в конце концов, согласятся, — ответил Натансон».

Так пишется история.

Вы хотите знать, как был решён партией вопрос о Высшем военном совете? Послушайте Троцкого:

«Без серьёзных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, — говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещения штаба.

— Это, повидимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух, — воскликнул Ленин,— да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов.

Так возникла конструкция Высшего военного совета».

Так пишет Троцкий историю.

Для чего понадобились Троцкому эти компрометирующие Ленина арабские сказки? Неужели для возвеличения вождя партии В. И. Ленина? Непохоже что-то.

Партия знает Ленина, как величайшего марксиста нашего времени, глубокого теоретика и опытнейшего революционера, чуждого тени бланкизма. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но из его характеристики получается не великан-Ленин, а какой-то карлик-бланкист, советующий партии в Октябрьские дни «взять власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной». Но я уже говорил, что эта характеристика не соответствует действительности ни на иоту.

Для чего понадобилась Троцкому эта вопиющая... неточность? Не есть ли тут попытка «маленечко» развенчать Ленина?

Таковы характерные черты нового троцкизма.

В чём состоит опасность нового троцкизма? В том, что троцкизм по всему своему внутреннему содержанию имеет все шансы стать центром и сборным пунктом непролетарских элементов, стремящихся к ослаблению, к разложению диктатуры пролетариата.

Что же дальше? — спросите вы. Каковы очередные задачи партии в связи с новыми литературными выступлениями Троцкого?

Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы **похоронить троцкизм, как идейное течение.**

Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развёрнутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма.

Мы не хотели и не добивались этой литературной дискуссии. Троцкизм навязывает её нам своими антиленинскими выступлениями. Что ж, мы готовы, товарищи.

«Правда» № 269,
26 ноября 1924 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТАКТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ

Предисловие
к книге «На путях к Октябрю»[79]

I

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную лёгкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьёзное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к

пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьёзнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное орудие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, ввиду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетённых народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в её борьбе с мировым империализмом.

Но кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела ещё целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвёртых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов,

как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

√ В-пятых, она имела в своём распоряжении огромные пространства молодого государства, где могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

√ В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контрреволюцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную лёгкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле неё и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии, оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьёзную по своей силе Советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране.

Но эти минусы лишь подчёркивают громадное значение того своеобразия внутренних и внешних

условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нём особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 года. О нём прежде всего должен помнить Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за её действительные и мнимые ошибки.

«России, — говорит Ленин, — в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко **начать** социалистическую революцию, тогда как **продолжать** её и довести её до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своём, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — **начать** социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам» (см. т. XXV, стр. 205).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

II

О ДВУХ ОСОБЕННОСТЯХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ОКТЯБРЬ И ТЕОРИЯ «ПЕРМАНЕНТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ ТРОЦКОГО

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции.

Что это за особенности?

Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчётливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории «перманентной революции».

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом

буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 1848 г. и 1871 г. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии её крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата и пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймёт ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идёт здесь, таким образом, не о том, чтобы «немножечко» недооценить или «немножечко» переоценить революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь выражаться некоторые дипломатические защитники «перманентной революции». Речь идёт о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идёт о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с её стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» (см. т. XXIV, стр. 311).

И далее:

«Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определённый класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (см. т. XXIV, стр. 336).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин

неустанно твердил, что без союза с этими инонациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетёнными народами порабощённых колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетённые трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является по сути дела вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнёта и эксплуатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. «Большевизм», — говорит Ленин, — есть **«образец тактики для всех»** (см. т. XXIII, стр. 386).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией «перманентной революции» Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции Троцкого в 1905 году, когда он «просто» забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг «без царя, а правительство рабочее», т. е. лозунг о революции без крестьянства. Даже Радек, этот дипломатический защитник «перманентной революции», вынужден теперь признать, что «перманентная революция» в 1905 году

означала «прыжок в воздух» от действительности. Теперь, видимо, все признают, что с этим «прыжком в воздух» не стòит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции Троцкого в период войны, скажем, в 1915 году, когда он в своей статье «Борьба за власть», исходя из того, что «мы живём в эпоху империализма», что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации», пришёл к выводу о том, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше. Известно, что Ленин, разбирая эту статью Троцкого, обвинял его тогда в «отрицании» «роли крестьянства», говоря, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают **нежелание** поднимать крестьян на революцию!» (см. т. XVIII, стр. 318).

Перейдём лучше к более поздним трудам Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться и когда Троцкий имел возможность проверить свою теорию «перманентной революции» на деле и исправить свои ошибки. Возьмём «Предисловие» Троцкого к книге «1905 год», написанное в 1922 году. Вот что говорит Троцкий в этом «Предисловии» о «перманентной революции»:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции». Мудрёное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, **не сможет**, однако, на них

остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придётся на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придёт во **враждебные столкновения** не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с **широкими массами крестьянства,** при содействии которых он пришёл к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти своё разрешение **только в** международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» *.

Так говорит Троцкий о своей «перманентной революции».

Сто́ит только сличить эту цитату с вышеприведёнными цитатами из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктатуры пролетариата от теории Троцкого о «перманентной революции».

Ленин говорит о **союзе** пролетариата и трудящихся слоёв крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются **«враждебные столкновения»** «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о **руководстве** трудящимися и эксплуатируемыми массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются **«противоречия** в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

* Курсив мой. И. Ст.

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать **лишь** «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Троцкий не даёт никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти своё разрешение **только...** на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остаётся лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» **лишь** «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения,

которая ведёт к **отрицанию** ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» Троцкого есть разновидность меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришёл к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли всё время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперёд в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперёд стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать о Японии по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а

вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина, т. XIX, стр. 74).

2) «Делёж этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооружёнными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю» (см. там же).

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным.

4) Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, т. е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться.

5) Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чём состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймёт ни интернациональной природы этой революции, ни её колоссальной международной мощи, ни её своеобразной внешней политики.

«Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы **против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно-развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, причём возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам

свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» Троцкого с точки зрения ленинской теории победы пролетарской революции в одной стране?

Возьмём брошюру Троцкого «Наша революция» (1906 г.).

Троцкий пишет:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

О чём говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 года и переизданную

теперь (в 1924 г.) в книге «1917». В этой брошюре Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединённых Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединённые Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот».

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение, — говорит Троцкий, — против лозунга Соединённых Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков. **И. Ст.**) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединённых Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадёжно думать — так свидетельствуют и

опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающая ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для **полной** победы социализма, для **полной** гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западноевропейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчёт интервенции, — есть ли всё это поддержка, серьёзная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран, пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединённой с мощью нашей Красной Армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, — хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки

империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьёзной строительной работы? Да, хватало. Растёт ли это сочувствие или убывает? Безусловно, растёт. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперёд дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказать поддержку как западноевропейским рабочим, так и угнетённым народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъём уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, Троцкий не понимает неоценимого значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлёкшись критикой ленинской теории пролетарской революции, Троцкий нечаянно разбил себя наголову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 году и переизданной в 1924 году.

Но, может быть, устарела и эта брошюра Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмём позднейшие труды Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в одной стране, в России. Возьмём, например, «Послесловие»

Троцкого к новому изданию брошюры «Программа мира», написанное в 1922 году. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперёд, но что подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным **только после победы** * пролетариата в важнейших странах Европы».

Так говорит Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит,

* Курсив мой. И. Ст.

ибо, как ни вертись, а «подлинного подъёма социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остаётся для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром Троцкий говорит вот уже два года о «перерождении» нашей партии.

Недаром Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»?

Как согласовать эту «перманентную» безнадёжность, например, со следующими словами Ленина:

> «Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-либо отвлечённой картины, или какой-либо иконы. Насчёт икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая» (см. т. XXVII, стр. 366).

Как согласовать эту «перманентную» беспросветность Троцкого, например, со следующими словами Ленина:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения» (см. т. XXVII, стр. 392).

Ясно, что тут нет, да и не может быть никакого согласования. «Перманентная революция» Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно одну сторону теории «перманентной революции» — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить другой стороной — неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы»?

По сути дела — ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию «перманентной революции», как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта теория оказалась непригодной в 1905 году. Но ошибка Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперёд, попытавшись применить к обстановке 1905 года то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например в октябре 1917 года, когда революция успела назреть полностью, теория Троцкого оказалась-де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что самым главным из этих дипломатов является Радек. Не угодно ли послушать:

«Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелкобуржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда — партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т. е. «перманентную революцию». **И. Ст.**), оказалось на деле вторым этапом исторического развития».

Тут что ни слово, то передержка.

Неверно, что во время войны «стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство». На самом деле февральская революция 1917 года была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплёте с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию «перманентной революции», о которой Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в

1905 году Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за «перманентную революцию». Но справедливость требует от Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса — Троцкий.

Неверно, что «перманентная революция», отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на «втором этапе исторического развития», т. е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, всё её развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную её несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией «перманентной революции» и ленинизмом.

III

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ

Для того чтобы понять тактику большевиков в период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушав Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существуют всего два периода, период разведки и период

восстания, а что сверх того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? «Апрельская манифестация, взявшая «левей», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством». А что такое июльская демонстрация 1917 года? По мнению Троцкого, «по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения». Нечего и говорить, что июньская демонстрация 1917 года, устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа, по представлению Троцкого, «разведкой».

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 года имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали её в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому, и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощённое представление о политической тактике нашей партии является не чем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавшими выступлениями масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии.

Большевики лишь создавали такую армию (и создали её, наконец, к октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали её и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание Советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности её политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а её естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в октябре и сравнивая их с событиями апреля — июля, Ленин говорит:

«Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было **стихийное возбуждение**, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы **еще** не наши, что крестьяне **еще** верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно» (см. т. XXI, стр. 345).

Ясно, что на одной лишь «разведке» далеко не уедешь.

Дело, очевидно, не в «разведке», а в том, что:

1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъём массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный подъём, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством **одной** партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках **одной** партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство **одной** партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство

это проходило по линии изоляции соглашательских партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чём состоит основное стратегическое правило ленинизма?

Оно состоит в признании того, что:

1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией соглашения между царизмом и большинством народа, т.е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем «кадетоедстве», утверждая, что борьба с кадетами «заслоняет» у большевиков борьбу с главным врагом — с царизмом. Но

обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование трудящихся масс кре-

стьянства, их разочарование в эсерах и меньшевиках, их отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих «Уроках Октября».

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии

изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть Советов, под лозунгом «Вся власть Советам!», путём борьбы за превращение Советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за Советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперёд дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое Советы?

«Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооружённую силу рабочих и крестьян, причём эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат даёт связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвёртых, он даёт крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он даёт форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетённых классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого

25*

авангард угнетённых классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой **всю гигантскую массу** этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он даёт возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию **и исполнение законов**. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперёд в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение...

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадёжным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» (см. т. XXI, стр. 258—259).

Вот почему ухватились большевики за Советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг «Вся власть Советам!» с точки зрения его внутреннего развития прошёл две стадии: первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо Советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчёте, что путём такой борьбы удастся большевикам завоевать Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план

не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генеральско-кадетской контрреволюции и отбросив эсеро-меньшевиков в объятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового подъёма революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «Вся власть Советам!» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо Советы в своём большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путём восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения Советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения Советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвёртая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающие вперёд революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется ещё одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своём собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно

видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного правительства немедленного созыва Учредительного собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного собрания?

А «случилось» это потому, что:

1) идея Учредительного собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) лозунг немедленного созыва Учредительного собрания облегчал разоблачение контрреволюционной природы Временного правительства;

3) чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного собрания с их требованиями о земле, о мире, о власти Советов, столкнув

их таким образом с действительным и живым Учредительным собранием;

4) только таким образом можно было облегчить массам убедиться на своём собственном опыте в контрреволюционности Учредительного собрания и в необходимости его разгона;

5) всё это естественно предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного собрания, как одного из средств изживания Учредительного собрания;

6) такая комбинация, если бы она осуществилась при условии перехода всей власти к Советам, могла означать лишь подчинение Учредительного собрания Советам, превращение его в придаток Советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного собрания не прошёл бы так гладко, а дальнейшие выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» не провалились бы с таким треском.

«Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное собрание, в сентябре — ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет?.. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года, больше, чем какие-угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократический парламент. Что в России в сентябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону

самого демократичного буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до и после завоевания пролетариатом политической власти» (см. т. XXV, стр. 201—202).

Почему же они не бойкотировали Учредительное собрание? Потому, говорит Ленин, что:

«Даже за несколько недель до победы Советской республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчает успех их разгона, облегчает «политическое изживание» буржуазного парламентаризма» (см. там же).

Характерно, что Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на «теорию» сочетания Учредительного собрания с Советами как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания при лозунге восстания и вероятной победе Советов, связанное с созывом Учредительного собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения Советов в придаток Учредительного собрания, что ошибка некоторых товарищей в этом вопросе не даёт ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о «комбинированной государственности» при известных условиях (сравни т. XXI, стр. 338).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они

не смогли бы превратить Октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что Троцкий фыркает даже на слова «народ», «революционная демократия» и т. п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры пролетариата, писал о «необходимости немедленного перехода всей власти в руки **революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом»** (см. т. XXI, стр. 198).

Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману [80] (апрель 1871 года) о том, что слом бюрократически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительно **народной** революции на континенте, пишет чёрным по белому следующие строки:

«Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной **народной** революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно...

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство,

могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетёт, давит, эксплуатирует их. **Разбить** эту машину, **сломать** её — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование» (см. т. XXI, стр. 395—396).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, уменье убеждать массы на своём собственном опыте в правильности партийных лозунгов путём подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвёртая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

IV

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, КАК НАЧАЛО И ПРЕДПОСЫЛКА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам.

Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность, в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она даёт стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчёт того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. т. XXIII, стр. 354).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции *. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном

* См. выше — «Об основах ленинизма». И. Ст.

социалистической революции». Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная Советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплуатации мира и ареной колониального гнёта, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Всё это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путём равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых» странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

«Система международных отношений, — говорит Ленин, — сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетённым классам, — уступок, которые, всё же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира»».

«В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое

развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

Ввиду этого и в связи с этим «западно-европейские капиталистические страны завершат своё развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путём эксплуатации одних государств другими, путём эксплуатации первого из побеждённых во время империалистической войны государства, соединённой с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришёл окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. т. XXVII, стр. 415—416).

Если к этому добавить тот факт, что не только побеждённые страны и колонии эксплуатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплуатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют ещё и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если всё это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путём революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что

первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами других стран. Без этой поддержки она не могла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развёртывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что **окончательная** победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развёртываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чём должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в одной стране **для** развития, поддержки, пробуждения революции **во всех странах»** (см. **Ленин**, т. XXIII, стр. 385).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... **против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые **классы других стран, поднимая в них восстание**

против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (см. Ленин, т. XVIII, стр. 232—233).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает окончательную победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, наряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всём мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всём мире, причём борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развёртывания мировой революции.

Ибо, — говорит Ленин, — «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. там же).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу её дальнейшего развёртывания.

Неправы, поэтому, не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто

национальным и только национальным явлением. Неправы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперёд дело свержения мирового империализма.

17 декабря 1924 г.

И. Сталин. На путях к Октябрю.
ГИЗ, 1925

ПРИМЕЧАНИЯ

1 XIII конференция РКП(б) происходила в Москве 16—18 января 1924 года. На конференции присутствовало 128 делегатов с решающим голосом и 222 с совещательным. Конференция обсудила вопросы партийного строительства, международного положения и очередные задачи экономической политики. По докладу И. В. Сталина «Об очередных задачах партийного строительства» конференция приняла две резолюции: «О партийном строительстве» и «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии».

Конференция осудила троцкистскую оппозицию, заявив, что в её лице партия имеет дело с мелкобуржуазным уклоном от марксизма, и предложила Центральному Комитету опубликовать 7-й пункт резолюции «О единстве партии», принятой X съездом РКП(б) по предложению В. И. Ленина. Эти решения конференции были одобрены XIII съездом партии и V конгрессом Коминтерна. (Резолюции конференции см. в книге «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 535—556.). — *3.*

2 Имеется в виду резолюция о партстроительстве, принятая на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК РКП(б) 5 декабря 1923 года и опубликованная в «Правде» № 278 от 7 декабря 1923 года. Пленум ЦК РКП(б), происходивший 14—15 января 1924 года, подвёл итоги партий-

ной дискуссии и одобрил резолюцию Политбюро ЦК и Президиума ЦКК о партстроительстве для внесения её на XIII партконференцию (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 533—540). — *5.*

3 О документе 46-ти оппозиционеров см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 253—254. — *28.*

4 Английский министр иностранных дел Керзон направил 8 мая 1923 года Советскому правительству ультиматум с клеветническими обвинениями по адресу Советского правительства. В ультиматуме предлагалось отозвать из Персии и Афганистана советских полномочных представителей, освободить задержанные английские рыболовные суда, незаконно ловившие рыбу в северных территориальных водах СССР, и т. д. В случае отказа принять в течение 10 дней условия ультиматума Керзон угрожал разрывом торговых отношений. Ультиматум Керзона создал угрозу новой интервенции. Советское правительство отвергло незаконные притязания английского правительства, одновременно выразив полную готовность урегулировать взаимные отношения между странами мирным путём, и приняло меры к усилению обороноспособности страны. — *36.*

5 Имеется в виду наступление германских войск под командованием генерала Гофмана на советскую территорию в феврале 1918 года (о наступлении Гофмана см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 38—48). — *36.*

6 Имеются в виду контрреволюционный мятеж в Кронштадте в 1921 году и кулацкое восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 годах. — *37.*

7 **«Дни»** — ежедневная газета эсеров-белоэмигрантов; издавалась в Берлине с октября 1922 года. — *44.*

8 **«Заря»** — журнал правых меньшевиков-белоэмигрантов; издавался в Берлине с апреля 1922 по январь 1924 года. — *45.*

9 II Всесоюзный съезд Советов происходил в Москве 26 января — 2 февраля 1924 года. На первом заседании съезда, посвящённом памяти В. И. Ленина, И. В. Сталин выступил с речью, в которой от имени большевистской партии дал великую клятву хранить и выполнять заветы Ленина. В связи со смертью Ленина съезд принял обращение «К трудящемуся человечеству». В увековечение памяти Ленина съезд вынес постановления об издании Сочинений Ленина, о переименовании г. Петрограда в г. Ленинград, об установлении дня траура, о сооружении мавзолея Ленину на Красной площади в Москве и памятников в столицах союзных республик, а также в городах Ленинграде и Ташкенте. Съезд обсудил доклад о деятельности Советского правительства и вопросы о бюджете Союза ССР и об учреждении Центрального сельскохозяйственного банка. 31 января съезд утвердил первую Конституцию (Основной закон) СССР, разработанную под руководством И. В. Сталина. Съезд избрал ЦИК — Союзный Совет и Совет Национальностей. И. В. Сталин был избран в состав Союзного Совета. — ***46.***

10 Имеется в виду экономический и политический кризис 1923 года в Германии. В стране развернулось массовое революционное движение, в результате которого в Саксонии и Тюрингии были созданы рабочие правительства, в Гамбурге произошло вооружённое восстание. После подавления революционного движения в Германии усилилась буржуазная реакция во всей Европе, а также опасность новой интервенции против Советской Республики. — ***50.***

11 **«Искра»** — первая общерусская нелегальная марксистская газета; основана В. И. Лениным в декабре 1900 года за границей, откуда тайно пересылалась в Россию (о значении и роли «Искры» см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 30—38). —***53.***

12 Стокгольмский съезд партии — IV («Объединительный») съезд РСДРП, состоялся 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года (о Стокгольмском съезде см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 81—83). — ***56.***

13 V (Лондонский) съезд РСДРП состоялся 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года (о V съезде РСДРП см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 46—77 и «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 85—87). — ***57.***

14 3 апреля 1924 года при ЦК РКП(б) состоялось совещание по работе среди молодёжи с участием членов ЦК партии, членов и кандидатов ЦК РКСМ и представителей от 10 крупнейших губернских организаций РКСМ. Совещание подвело итоги дискуссии об очередных задачах комсомола, развернувшейся в начале 1924 года. Обсудив результаты совещания, ЦК РКП(б) предложил местным партийным и комсомольским организациям добиться единства и согласованной работы РКСМ, призвать руководящий состав комсомола к единодушной работе над выполнением задач, поставленных партией. — ***65.***

15 Лекции И. В. Сталина «Об основах ленинизма» были опубликованы в «Правде» в апреле и мае 1924 года. В мае 1924 года вышла брошюра И. В. Сталина «О Ленине и ленинизме», в которую были включены воспоминания «О Ленине» и лекции «Об основах ленинизма». Работа И. В. Сталина «Об основах ленинизма» включена во все издания книги И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». — ***69.***

16 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической Партии». 1939, стр. 60. — ***78.***

17 Имеется в виду высказывание К. Маркса в письме к Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 86). — ***83.***

18 Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1933, стр. 105—124). — ***84.***

19 В. И. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XXV, стр. 174). — ***85.***

20 В. И. Ленин. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (см. Сочинения, изд. 4-е, т. 1, стр. 278—279). — ***85.***

21 Базельский конгресс II Интернационала происходил 24—25 ноября 1912 года. Он был созван в связи с Балканской войной и нависшей угрозой мировой войны. Конгресс обсудил один вопрос — о международном положении и совместных действиях против войны. В принятом манифесте конгресс призывал рабочих использовать организацию и мощь пролетариата для революционной борьбы с военной опасностью, объявить «войну войне». — ***85.***

22 См. Карл Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. XXIII. — ***87.***

23 См. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». 1939, стр. 21. — ***90.***

24 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XIII. — ***90.***

25 К. Маркс. «Тезисы о Фейербахе» (см. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». 1939, Приложение). — ***92.***

26 В. И. Ленин. «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XIX, стр. 67—175). — ***93.***

27 И. В. Сталин ссылается на статьи В. И. Ленина, написанные в 1905 году: «Социал-демократия и временное революционное правительство», из которой приводит выдержку, «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и «О временном революционном правительстве» (см. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 8, стр. 247—263, 264—274, 427—447). — ***101.***

28 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Первое обращение Центрального Комитета к Союзу Коммунистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 483). — ***104.***

29 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической Партии». 1939, стр. 10 и «Избранные письма». 1947, стр. 263. — ***116.***

30 См. Ф. Энгельс. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». 1922, стр. 41 и 66—67. — ***133.***

81 Сельскосоюз — Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации; существовал с августа 1921 до июня 1929 года. — ***136.***

82 См. работу В. И. Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 79—85). — ***167.***

83 Резолюция «О единстве партии» была написана В. И. Лениным и принята X съездом РКП(б), состоявшимся 8—16 марта 1921 года (см. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 259—261, а также «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 364—366). — ***183.***

84 XIII съезд РКП(б) — первый съезд большевистской партии после смерти В. И. Ленина, состоялся 23—31 мая 1924 года. Работой съезда руководил И. В. Сталин. На съезде присутствовало 748 делегатов с решающим голосом, представлявших 735 881 члена партии, из них ленинского призыва — 241 591 и кандидатов до ленинского призыва — 127 741. Делегатов с совещательным голосом было 416 человек. Съезд обсудил политический и организационный отчёты ЦК, отчёты Центральной ревизионной комиссии и ЦКК, отчёт представительства РКП(б) в Исполкоме Коминтерна, партийно-организационные вопросы, вопросы о внутренней торговле и кооперации, о работе в деревне, о работе среди молодёжи и другие.

Съезд единогласно осудил платформу троцкистской оппозиции, определив её как мелкобуржуазный уклон от марксизма, как ревизию ленинизма, и подтвердил резолюции XIII партийной конференции «О партийном строительстве» и «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии».

Съезд указал на огромное значение ленинского призыва и обратил внимание партии на усиление работы по обучению молодых членов партии основам ленинизма. Съезд обязал Институт В. И. Ленина подготовить вполне научное

и самое тщательное издание полного собрания Сочинений В. И. Ленина и избранных его произведений для широких рабочих масс на языках всех народностей СССР. — ***189.***

35 Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (кресткомы) создавались при сельских Советах и волостных исполнительных комитетах согласно декрету Совнаркома от 14 мая 1921 г., подписанному В. И. Лениным; существовали до 1933 года. Кресткомы были созданы с целью улучшения постановки дела общественной помощи крестьянам и семьям красноармейцев, с целью развития самодеятельности и инициативы широких крестьянских масс. Положение о крестьянских обществах взаимопомощи, утверждённое ВЦИК и СНК РСФСР в сентябре 1924 года, возлагало на кресткомы также задачу содействия развитию и укреплению среди сельского населения различных форм кооперации и вовлечения в неё бедняцко-середняцких масс деревни. — ***197.***

36 23 мая 1924 года на Красной площади в Москве состоялся парад юных пионеров в честь XIII съезда РКП(б) и переименования организации юных пионеров в «Детскую коммунистическую организацию имени В. И. Ленина». Парад, в котором участвовало около 10 тысяч пионеров, принимал президиум XIII съезда РКП(б). — ***197.***

37 Акционерные общества (государственные, смешанные и кооперативные) создавались в СССР Наркомвнешторгом, Наркомвнуторгом и Наркомфином по утверждению Совета Труда и Обороны. Целью их организации было привлечение средств, в том числе и частных предпринимателей, для быстрейшего восстановления народного хозяйства и развития товарообмена.

Смешанные общества, как один из видов акционерных обществ, привлекали иностранный капитал для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их за границей и ввоза предметов, необходимых для восстановления народного хозяйства. Смешанные общества действовали под контролем Народного комиссариата внешней торговли. Акционерные общества существовали в первый период нэпа. — ***216.***

38 **«Крестьянская Газета»** — орган ЦК ВКП(б), массовая газета для деревни; выходила с ноября 1923 по февраль 1939 года. — ***217.***

39 Комнезамы (комитеты незаможных селян), объединявшие малоземельных и безземельных крестьян Украины, создавались с целью защиты интересов бедноты и середняков. Существовали с 1920 года и были ликвидированы после проведения сплошной коллективизации в 1933 году. В первый период своего существования (1920—1921 гг.) комнезамы являлись политическими организациями, содействовавшими упрочению власти Советов на селе. С введением новой экономической политики комнезамы были реорганизованы в общественные организации производственного типа, основной задачей которых было вовлечение крестьян в различные сельскохозяйственные коллективы. Комнезамы были активными проводниками политики партии и государства на селе. — ***217.***

40 Терформирования — территориальные войсковые части; были созданы декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года наряду с существовавшими кадровыми частями Красной Армии. Территориальные формирования были организованы на милиционных началах с целью проведения военной подготовки трудящихся путём прохождения кратковременных учебных сборов. — ***217.***

41 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 219—272. — ***217.***

42 Имеется в виду работа В. И. Ленина «О продовольственном налоге» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 317—352). — ***218.***

43 Имеется в виду резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», принятая на XIII конференции РКП(б) 18 января 1924 года по докладу И. В. Сталина «Об очередных задачах партийного строительства» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 540—545). — ***221.***

44 Политика признания СССР со стороны капиталистических стран выразилась в установлении с СССР дипломатических отношений в феврале 1924 года — Англией, Италией, Норвегией и Австрией; в марте — Грецией и Швецией; в июне — Данией; в октябре — Францией; в январе 1925 года — Японией и рядом других государств. — ***237.***

45 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 219—272. — ***242.***

46 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 566—568. — ***245.***

47 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 589—598. — ***245.***

48 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 582—588. — ***245.***

49 Денежная реформа — замена обесцененных бумажных советских знаков червонцами с твёрдым золотым обеспечением; завершена Советским правительством в течение 1924 года. — ***247.***

50 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 578—582. — ***248.***

51 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 307—311. — ***250.***

52 Имеется в виду пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 2 июня 1924 года после XIII съезда партии. И. В. Сталин был избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК РКП(б) и вновь избран генеральным секретарём ЦК РКП(б). Пленум обсудил вопросы о представительстве РКП(б) в ИККИ и на V конгрессе Коминтерна, вопросы о заработной плате, о металлопромышленности, о засухе и др. Для подробной разработки вопросов работы в деревне было принято решение о создании постоянной комиссии пленума ЦК РКП(б) по работе в деревне. По поручению пленума Политбюро ЦК создало комиссию в составе: В. М. Молотова (председатель), И. В. Сталина, М. И. Калинина, Л. М. Кагановича,

Н. К. Крупской и др. Решением пленума ЦК РКП(б) в сентябре 1924 года комиссия была преобразована в совещание по работе в деревне при ЦК РКП(б). — *250.*

53 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 610—617. — *252.*

54 **«Рабочий Корреспондент»** — ежемесячный журнал, издавался с января 1924 по июнь 1941 года. С января 1925 года выходил под названием «Рабоче-Крестьянский Корреспондент». — *261.*

55 Польская комиссия была образована на V конгрессе Коминтерна, который происходил в Москве 17 июня — 8 июля 1924 года. И. В. Сталин был членом важнейших комиссий конгресса и являлся председателем польской комиссии. Резолюция по польскому вопросу, предложенная комиссией, была единогласно принята на первом заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна 12 июля 1924 года. — *264.*

56 Группа Брандлера — правооппортунистическая группа в германской компартии. Вступив в беспринципное сотрудничество с верхушкой германской социал-демократии, брандлеровцы способствовали поражению рабочего класса Германии во время революционных событий 1923 года. V конгресс Коминтерна (1924 г.) осудил капитулянтскую линию группы Брандлера. Решением V расширенного пленума Исполкома Коминтерна 4 апреля 1925 года группе Брандлера было запрещено вмешательство в дела германской компартии и участие в работе Коминтерна. В 1929 году Брандлер был исключён из рядов коммунистической партии за фракционную деятельность. — *267.*

57 Имеется в виду стихотворение Д. Бедного «Тяга» (см. Д. Бедный. Полное собрание сочинений. 1928, т. IX, стр. 86—93). — *275.*

58 «Левый блок» во Франции — блок радикалов и радикал-социалистов во главе с Эдуардом Эррио, пришедший

к власти в мае 1924 года. Прикрываясь «левой» фразеологией, правительство «левого блока» на практике активно помогало французскому империализму в его внешней и внутренней политике. Правительство Эррио продержалось у власти до апреля 1925 года. — ***281.***

59 Лондонская конференция Антанты состоялась 16 июля — 16 августа 1924 года с участием Англии, Франции, Соединённых Штатов Америки и других стран. Конференция была созвана для обсуждения и решения вопроса о репарациях с Германии. — ***286.***

60 Саксонское рабочее правительство образовалось 11 октября 1923 года в результате массового революционного движения, развернувшегося по всей Германии. В него вошли 5 социал-демократов и 2 коммуниста. Правительство возглавлял «левый» социал-демократ Цейгнер. Коммунисты, вошедшие в состав Саксонского правительства, проводили капитулянтскую политику брандлеровского руководства компартии Германии и вместе с «левыми» социал-демократами сорвали дело вооружения пролетариата и развития революции в Германии. 30 октября 1923 года имперские войска разогнали Саксонское рабочее правительство. — ***293.***

61 Группа Суварина — оппортунистическая группа внутри французской компартии, возглавлялась390Савариным, ярым сторонником Троцкого. Поддерживая троцкистскую оппозицию в РКП(б), группа Суварина клеветала на коммунистическую партию Франции и Коминтерн, грубо нарушала партийную дисциплину. В 1924 году IV расширенный пленум Исполкома Коминтерна удовлетворил требование французской компартии об исключении Суварина из компартии Франции, а VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна в 1926 году исключил его из рядов Коммунистического Интернационала за контрреволюционную пропаганду. — ***293.***

62 V Всемирный конгресс Коминтерна происходил в Москве 17 июня — 8 июля 1924 года. На конгрессе присутство-

вало 510 делегатов, представлявших 60 организаций из 49 стран.

Конгресс обсудил вопросы о деятельности Исполкома Коминтерна, о мировом экономическом положении, об экономическом положении в СССР и дискуссии в РКП(б), о фашизме, о тактике в профессиональном движении, о производственных ячейках, вопросы партий отдельных стран, программный, национальный, аграрный и другие вопросы. И. В. Сталин был членом президиума конгресса и членом его важнейших комиссий: политической, программной, для выработки резолюции о ленинизме, и председателем польской комиссии. V конгресс Коминтерна единодушно поддержал большевистскую партию в её борьбе против троцкизма. Конгресс утвердил резолюцию XIII партконференции и XIII съезда РКП(б) «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» и постановил опубликовать её в качестве постановления конгресса. Конгресс принял решение об укреплении коммунистических партий капиталистических стран, о их большевизации и превращении в действительно массовые партии, опирающиеся на профессиональные союзы. — ***294.***

63 Профинтерн — Красный Интернационал Профессиональных Союзов; оформился в 1921 году и просуществовал до конца 1937 года. Профинтерн объединял революционные профсоюзы и стоял на позициях Коммунистического Интернационала. — ***295.***

64 Амстердамское объединение (Амстердамский Интернационал) — Международное объединение профессиональных союзов; создано в июле 1919 года на международном конгрессе в Амстердаме. Оно включало реформистские профсоюзы ряда стран Западной Европы и США и в своей программе и тактике стояло на антиреволюционных позициях, враждебных коммунизму. Амстердамское объединение прекратило своё существование с созданием Всемирной федерации профсоюзов на первом Всемирном конгрессе профсоюзов (сентябрь — октябрь 1945 г.). — ***295.***

65 Левая группа Леви — группа внутри социал-демократической партии Германии. В октябре 1923 года, когда было

создано Саксонское рабочее правительство, группа Леви, боясь потерять влияние в рабочих массах, заявляла о готовности к совместной работе с коммунистами, а на деле прикрывала контрреволюционную политику социал-демократии и помогла буржуазии подавить революционное движение пролетариата. — *298.*

66 Совещание секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) происходило 21—24 октября 1924 года. На совещании присутствовало 62 работника с мест, в том числе представителей центральных областей и губкомов — 4, окружкомов и райкомов — 15, волостных комитетов — 17, сельских ячеек — 11, комсомольских ячеек — 11 и волостных организаторов крестьянок — 4. Совещание заслушало доклады: В. М. Молотова «О ближайших задачах деревенских ячеек», М. И. Калинина «Новое положение о комитетах крестьянской взаимопомощи», Л. М. Кагановича «О низовом советском аппарате», Н. К. Крупской «Политико-просветительная работа в деревне», доклады с мест и другие вопросы. И. В. Сталин участвовал в работе совещания и на заседании 22 октября выступил с речью «Об очередных задачах партии в деревне». — *302.*

67 Имеется в виду контрреволюционное восстание в Грузии в конце августа 1924 года, организованное грузинскими меньшевиками и буржуазными националистами при поддержке лидеров II Интернационала и агентов иностранных государств. Восстание было быстро ликвидировано при активном содействии грузинских рабочих и трудовых масс крестьянства. — *308.*

68 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 256. — *312.*

69 Пленум ЦК РКП(б) состоялся 25—27 октября 1924 года. Пленум обсудил хозяйственные вопросы и доклад В. М. Молотова «Очередные задачи работы в деревне». Пленум принял резолюцию «Об очередных задачах работы в деревне», в которой дал партийным организациям дополнительные указания в развитие решений XIII партийного съезда о работе в деревне. И. В. Сталин руководил

работой пленума и на заседании 26 октября выступил с речью «О задачах партии в деревне». — ***313.***

70 «Контактная комиссия» в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Филипповского и Скобелева (позднее вошли Чернов и Церетели) была выделена меньшевистско-эсеровским Исполнительным Комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 7 марта 1917 года для установления контакта с Временным правительством, «воздействия» на него и «контроля» за его деятельностью. На деле «контактная комиссия» помогала осуществлению буржуазной политики Временного правительства и удерживала рабочие массы от активной революционной борьбы за переход всей власти к Советам. «Контактная комиссия» существовала до мая 1917 года, когда представители меньшевиков и эсеров вошли непосредственно в состав Временного правительства.—***333.***

71 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 87 — 90. — ***334.***

72 Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) происходила 27 апреля — 5 мая (14—22 апреля) 1917 года. На конференции присутствовало 57 делегатов. В работе конференции принимали участие В. И. Ленин и И. В. Сталин. В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте, в основу которого были положены его Апрельские тезисы. И. В. Сталин был членом комиссии по выработке резолюции по докладу В. И. Ленина. — ***334.***

73 О VII Всероссийской апрельской конференции большевиков см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 180—184. — ***334.***

74 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 13—47.—***334.***

75 См. «Речь В. И. Ленина на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 24(11) июня 1917 г. по поводу отмены демонстрации» (Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 526—527). — ***339.***

76 Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Северной области происходил 24—26 (11—13) октября 1917 года в Петрограде под руководством большевиков. На съезде были представители от Петрограда, Москвы, Кронштадта, Новгорода,

Ревеля, Гельсингфорса, Выборга и других городов — всего 94 делегата, в том числе большевиков — 51. Съезд принял резолюцию о необходимости немедленного перехода всей власти к Советам в центре и на местах, призвал крестьян поддержать борьбу за власть Советов, а сами Советы — к активным действиям и созданию Военно-революционных комитетов для организации военной защиты революции. Съезд образовал Северный областной комитет, поручив ему подготовить созыв II Всероссийского съезда Советов и объединить деятельность всех областных Советов. — ***341.***

77 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXI, стр. 330.— ***345.***

78 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXI, стр. 333.— ***346.***

79 Книга И. В. Сталина «На путях к Октябрю» вышла в двух изданиях в январе и в мае 1925 года. Статьи и речи, помещённые в этой книге, вошли в 3-й том Сочинений И. В. Сталина. Предисловие закончено автором в декабре 1924 года и полностью было опубликовано только в книге «На путях к Октябрю». Бóльшая часть предисловия, под общим названием «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», печаталась, помимо различных сборников и отдельных брошюр, во всех изданиях книги И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». Часть предисловия, как примечание автора к статье «Против федерализма», опубликована в 3-м томе Сочинений И. В. Сталина. — ***358.***

80 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 262—264. — ***394.***

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

1924

4 января. И. В. Сталин избирается Краснопресненской районной конференцией РКП(б) делегатом на Московскую губернскую партконференцию.

9 января. И. В. Сталин беседует с корреспондентом Роста о дискуссии по вопросам внутрипартийного положения.

14—15 января. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

14 января. На пленуме ЦК РКП(б) И. В. Сталин выступает с докладом о проекте резолюции к XIII партконференции «Об очередных задачах партстроительства».

15 января. Пленум ЦК РКП(б) утверждает И. В. Сталина докладчиком на XIII конференции РКП(б) по вопросу «Об очередных задачах партстроительства».

16—18 января. И. В. Сталин руководит работой XIII конференции РКП(б).

16 января. XIII конференция РКП(б) избирает И. В. Сталина в состав президиума конференции.

17 января.	И. В. Сталин выступает с докладом «Об очередных задачах партстроительства» на XIII конференции РКП(б).
18 января.	И. В. Сталин выступает с заключительным словом по докладу «Об очередных задачах партстроительства» на XIII конференции РКП(б).
19 января.	XI Всероссийский съезд Советов избирает И. В. Сталина в состав президиума съезда.
21 января 6 ч. 50 м. вечера.	Смерть В. И. Ленина (в Горках).
9 ч. 30 м. вечера.	И. В. Сталин вместе с другими членами Политбюро ЦК РКП(б) выезжает в Горки.
22 января.	И. В. Сталин вносит поправки в текст обращения XI Всероссийского съезда Советов «Ко всем трудящимся Союза ССР» по поводу смерти В. И. Ленина.
	И. В. Сталин в телеграмме ЦК бухарской компартии извещает о смерти В. И. Ленина, призывает поддерживать ленинскую линию закрепления союза рабочих и крестьян и теснее сплотиться вокруг Советской власти.
23 января 9 ч. утра.	И. В. Сталин вместе с членами ЦК РКП(б) выносит гроб с телом В. И. Ленина из квартиры в Горках.
1 ч. 30 м. — 2 ч. 45 м. дня.	И. В. Сталин вместе с делегатами II Всесоюзного и XI Всероссийского съездов Советов, членами ЦК партии и правительства, рабочими, представителями различных организаций несёт гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому Союзов.

6 ч. 10 м. вечера.	И. В. Сталин в почётном карауле у гроба В. И. Ленина в Колонном зале Дома Союзов.
25 января.	В газете «Правда» № 20 опубликовано подписанное И. В. Сталиным обращение ЦК РКП(б) ко всем парторганизациям, учреждениям, органам печати с предложением сохранять и сдавать в Институт В. И. Ленина при ЦК РКП(б) все материалы о В. И. Ленине.
26 января 8 ч. 24 м. — 8 ч. 40 м. вечера.	На траурном заседании II съезда Советов СССР И. В. Сталин выступил с речью «По поводу смерти Ленина» и от имени большевистской партии дал клятву хранить и выполнять заветы Ленина.
27 января 8 ч. утра.	И. В. Сталин в почётном карауле у гроба В. И. Ленина в Колонном зале Дома Союзов.
8 ч. 30 м. утра.	И. В. Сталин у изголовья гроба В. И. Ленина в Колонном зале Дома Союзов.
9 ч. утра.	И. В. Сталин с представителями от рабочих выносит из Дома Союзов гроб с телом В. И. Ленина.
4 ч. дня.	И. В. Сталин, В. М. Молотов и другие по окончании траурного митинга на Красной площади поднимают с постамента гроб с телом В. И. Ленина и следуют к склепу.
28 января.	И. В. Сталин произносит речь на вечере кремлёвских курсантов Школы ВЦИК, посвящённом памяти В. И. Ленина.
29 января.	И. В. Сталин на заседании XI Всероссийского съезда Советов избирается членом ВЦИК.
29, 31 января.	И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

30 января. И. В. Сталин избирается членом президиума II съезда Советов СССР.

2 февраля. И. В. Сталин на заседании II Всесоюзного съезда Советов избирается членом Союзного Совета ЦИК СССР.

На заседании первой сессии ЦИК СССР II созыва И. В. Сталин избирается членом Президиума ЦИК СССР.

На заседании первой сессии ВЦИК XI созыва И. В. Сталин избирается членом Президиума ВЦИК.

3 февраля. И. В. Сталин выступает на заседании пленума ЦК РКП(б) по докладу комиссии по обследованию состояния Красной Армии.

5, 12 марта. По указанию И. В. Сталина комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ленина проводит совещания с выдающимися учёными страны по вопросу о сохранении тела В. И. Ленина.

25 марта. И. В. Сталин закончил работу над «Планом семинария по ленинизму». «План семинария по ленинизму» был опубликован в журнале «Красная Молодёжь» № 1 в мае 1924 года.

27 марта. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) И. В. Сталин выступает по докладу о внутренней торговле и потребительской кооперации.

31 марта — 2 апреля. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

1 апреля. На заседании пленума ЦК РКП(б) И. В. Сталин выступает по докладу о внутренней торговле и потребительской кооперации.

2 апреля.	На заседании пленума ЦК РКП(б) И. В. Сталин выступает по докладу М. И. Калинина о работе в деревне.
3 апреля.	В газете «Правда» № 76 опубликовано подписанное И. В. Сталиным извещение ЦК РКП(б) о созыве на 20 мая 1924 года очередного XIII съезда РКП(б).
	И. В. Сталин выступает с речью на совещании при ЦК РКП(б) по работе среди молодёжи.
Начало апреля.	И. В. Сталин читает лекции «Об основах ленинизма» в Университете имени Свердлова.
28 апреля.	И. В. Сталин вместе с другими старыми бакинцами посылает приветствие бакинской организации коммунистической партии в день её 25-летнего юбилея.
9 мая.	И. В. Сталин в телеграмме Реввоенсовету Балтийского флота сообщает, что, в связи с подготовкой предстоящего XIII съезда партии, не может принять приглашения на праздник флота. Телеграмма опубликована в газете «Красный Балтийский Флот» № 106 от 15 мая 1924 года.
11 мая.	XX Ленинградская губернская партийная конференция избирает И. В. Сталина членом Ленинградского губкома партии и делегатом на XIII съезд РКП(б).
15 мая.	III съезд коммунистических организаций Закавказья избирает И. В. Сталина делегатом на XIII съезд РКП(б).
18 мая.	XII Московская губернская партийная конференция избирает И. В. Сталина делегатом на XIII съезд РКП(б).

23—31 мая. И. В. Сталин руководит работой XIII съезда РКП(б) — первого съезда партии после смерти В. И. Ленина.

23 мая. И. В. Сталин вместе с членами президиума XIII съезда РКП(б) принимает парад юных пионеров в честь XIII съезда на Красной площади в Москве.

И. В. Сталин дарит С. М. Кирову книгу «О Ленине и ленинизме» с надписью: «Другу моему и брату любимому от автора. И. Сталин».

24 мая. И. В. Сталин выступает на XIII съезде РКП(б) с организационным отчётом ЦК.

27 мая. И. В. Сталин выступает на XIII съезде РКП(б) с заключительным словом по организационному отчёту ЦК.

29 мая. И. В. Сталин на XIII съезде РКП(б) избран членом комиссии по работе среди молодёжи.

31 мая. И. В. Сталин на заседании XIII съезда РКП(б) избран членом Центрального Комитета РКП(б).

2 июня. И. В. Сталин на пленуме ЦК РКП(б) избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата и вновь избран генеральным секретарём ЦК РКП(б).

4 июня. Приветствие бакинским рабочим в связи с открытием нового нефтяного фонтана в Сураханах, подписанное И. В. Сталиным и другими членами президиума XIII съезда РКП(б), опубликовано в газете «Бакинский Рабочий» № 125.

12 июня. Политбюро ЦК РКП(б) утверждает И. В. Сталина членом комиссии пленума ЦК по работе в деревне.

17 июня. И. В. Сталин выступает на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) с докладом «Об итогах XIII съезда РКП(б)».

17 июня— 8 июля. И. В. Сталин участвует в работе V конгресса Коммунистического Интернационала.

17 июня. И. В. Сталин избран членом президиума V конгресса Коминтерна.

19 июня. V конгресс Коминтерна избирает И. В. Сталина членом комиссий конгресса: для выработки резолюции о ленинизме, политической и программной.

20 июня. И. В. Сталин на заседании V конгресса Коминтерна утверждён председателем польской комиссии.

27 июня. Политбюро ЦК РКП(б) утверждает И. В. Сталина членом комиссии ЦК по работе среди работниц и крестьянок.

Июнь. В журнале «Рабочий Корреспондент» № 6 опубликована беседа И. В. Сталина с сотрудником журнала о задачах рабочих и сельских корреспондентов.

1—3 июля. И. В. Сталин руководит заседаниями польской комиссии V конгресса Коминтерна.

8 июля. И. В. Сталин выступает с речью «О компартии Польши» на заседании польской комиссии V конгресса Коминтерна.

5 июля. И. В. Сталин вместе с другими членами президиума V конгресса Коминтерна подписывает принятый конгрессом «Манифест Коммунистического Интернационала к мировому пролетариату».

8 июля. И. В. Сталин избран членом Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна.

15 июля. И. В. Сталин пишет письмо Демьяну Бедному.

25 июля. Обращение ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям о мероприятиях по борьбе с засухой и последствиями засухи, подписанное И. В. Сталиным, опубликовано в «Правде» № 167.

28 июля. И. В. Сталин выступает на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу комиссии Оргбюро о работе в Красной Армии.

31 июля. И. В. Сталин в письме Мануильскому даёт отзыв на резолюции V конгресса Коминтерна по национальному вопросу Средней Европы и Балкан, по восточному и колониальному вопросам.

Июль. И. В. Сталин вносит поправки в текст обращения Исполкома Коминтерна «Ко всем организациям коммунистической партии Польши».

2 августа. И. В. Сталиным написана статья «О Я. М. Свердлове».

4 августа. И. В. Сталин выступает на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу комиссии Оргбюро по пионерскому движению.

11 августа. И. В. Сталин выступает на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу комиссии по воспитанию ленинского призыва.

16—20 августа. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

12 сентября. И. В. Сталин закончил работу над статьёй «К международному положению». Статья опубликована 20 сентября в газете «Правда» № 214 и журнале «Большевик» № 11.

20 октября. И. В. Сталин беседует с юными корреспондентами журнала «Юные Строители».

21—24 октября. И. В. Сталин участвует в работе совещания секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б).

22 октября. И. В. Сталин выступает с речью «Об очередных задачах партии в деревне» на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б).

25—27 октября. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

26 октября. И. В. Сталин выступает с речью «О задачах партии в деревне» на пленуме ЦК РКП(б).

До 7 ноября. И. В. Сталин принимает делегацию рабочих завода «Динамо», пригласивших его на торжественное заседание коллектива завода в день седьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

7 ноября. И. В. Сталин произносит речь на торжественном заседании коллектива завода «Динамо», посвящённом седьмой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и открытию мемориальной доски в честь посещения завода В. И. Лениным в 1921 году. И. В. Сталин делает запись в Красную книгу завода «Динамо».

15 ноября.	И. В. Сталин пишет приветствие Первой конной армии в связи с её пятилетней годовщиной.
16 ноября.	По поручению ЦК РКП(б) И. В. Сталин пишет письмо ЦК германской компартии в связи с предстоящими выборами в рейхстаг, в котором разоблачает предательскую роль контрреволюционной германской социал-демократии.
17 ноября.	Приветствие И. В. Сталина «Крестьянской Газете» в связи с первой её годовщиной опубликовано в «Крестьянской Газете» № 51.
19 ноября.	И. В. Сталин выступает на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС с речью «Троцкизм или ленинизм?».
20 ноября.	ЦК РКП(б) утверждает И. В. Сталина членом Совета Института В. И. Ленина при ЦК РКП(б).
29 ноября.	И. В. Сталин от имени ЦК РКП(б) направляет в ЦК КП(б)У письмо по поводу борьбы с троцкизмом.
8 декабря.	И. В. Сталин выступает на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу комиссии по воспитанию ленинского призыва.
17 декабря.	И. В. Сталин закончил работу над предисловием к книге «На путях к Октябрю».
19 декабря.	И. В. Сталин подписывает циркулярное письмо ЦК РКП(б) всем партийным организациям о неуклонном проведении в жизнь решений XIII съезда РКП(б) по вопросам внутренней торговли.

СОДЕРЖАНИЕ

Тираж 500 тысяч экз.
Сдано в набор 25/VI 1947 г.
Подписано к печати
26/VII—30/VII 1947 г.
Объём $27^{1}/_{2}$ печ. л.
Зак. 7377.
Цена 6 руб.

*

Первая Образцовая типография ОГИЗа
при Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

И.В. СТАЛИН

СОЧИНЕНИЯ

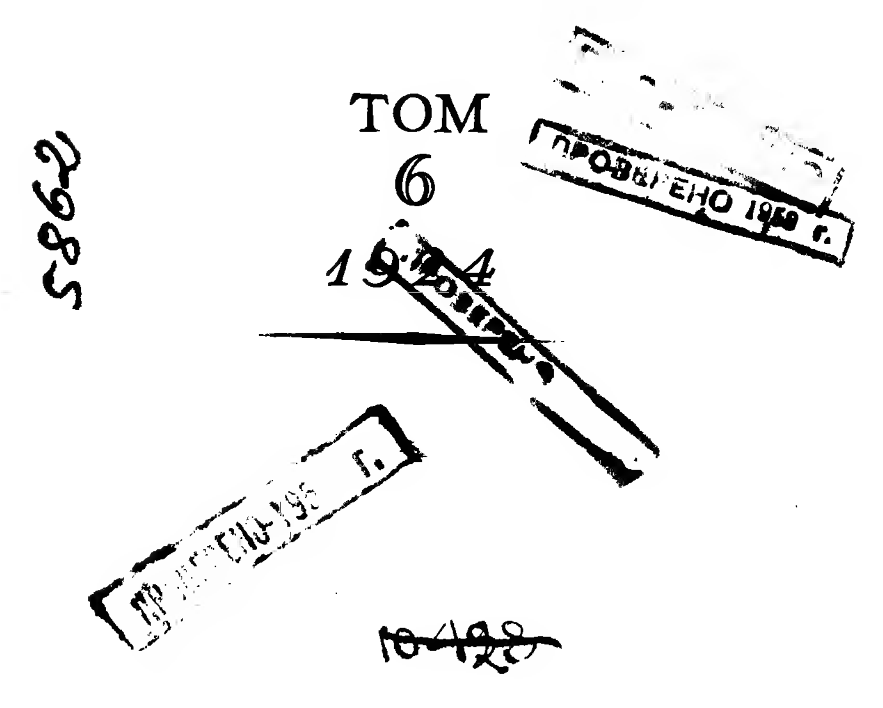
★

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1947

И.В. СТАЛИН

ТОМ
6
1924

ПРЕДИСЛОВИЕ

В шестой том Сочинений И. В. Сталина вошли произведения, написанные в 1924 году.

1924 год был первым годом, когда большевистская партия и советский народ продолжали свою созидательную работу по строительству социализма без В. И. Ленина, под руководством товарища Сталина. Товарищ Сталин сплотил партию вокруг Центрального Комитета и мобилизовал её на борьбу за построение социализма в СССР.

Произведения товарища Сталина, вошедшие в настоящий том, сыграли огромную роль в идейном разгроме троцкизма и других антиленинских группировок, в деле защиты, обоснования и развития ленинизма.

Шестой том открывается беседой товарища Сталина с корреспондентом Роста «О дискуссии» и докладом на XIII конференции РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства», посвящёнными разоблачению троцкизма и борьбе за идейное и организационное единство большевистской партии.

В речи на II Всесоюзном съезде Советов «По поводу смерти Ленина» товарищ Сталин от имени большевистской партии дал великую клятву свято хранить и претворять в жизнь заветы В. И. Ленина.

В том вошла известная работа И. В. Сталина «Об основах ленинизма», в которой даётся мастерское изложение и теоретическое обоснование ленинизма.

Вопросам международного положения, внутренней жизни партии и её укрепления, союза рабочего класса с крестьянством, воспитания и перевоспитания трудящихся масс в духе социализма посвящены работы: «Организационный отчёт Центрального Комитета XIII съезду РКП(б)», «Об итогах XIII съезда РКП(б)», «К международному положению», «Об очередных задачах партии в деревне» и другие.

Том заканчивается произведением «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», в котором теоретически обобщён опыт Великой Октябрьской социалистической революции, обосновано и развито ленинское учение о победе социализма в одной стране.

В томе впервые публикуется «Письмо т. Демьяну Бедному».

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)

1924